

Индекс 54916

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2015, № 2 (11)

Учредитель
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Редколлегия:

*Слепцов П.А. (гл. редактор), Андреева Т.Е., Антонов Е.П.,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), Бурцева Ж.В., Варламов А.Н.,
Винокурова Д.М., Данилова Н.И.,
Ефремов Н.Н. (отв. секретарь), Жукова Л.Н., Игнатьева В.Б.,
Ларионова А.С., Попова Н.И. (зам. гл. редактора),
Романова Е.Н., Романова Л.Н.*

Редакторы: *Е.Ф. Молотков, Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644

© ИГИиПМНС СО РАН, 2015

Index 54916

ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published twice a year
2015, № 2 (11)

Founder

Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Science

Editorial board:

Sleptsov P.A. (editor in chief), *Andreeva T.E.*, *Antonov E.P.*,
Boyakova S.I. (dep. editor in chief), *Burtseva Zh.V.*, *Varlamov A.N.*,
Vinokurova D.M., *Danilova N.I.*, *Efremov N.N.* (executive secretary),
Zhukova L.N., *Ignatjeva V.B.*, *Larionava A.S.*, *Popova N.I.* (dep. editor in chief),
Romanova E.N., *Romanova L.N.*

Editor: E.F. Molotkov, *N.I. Degtyarova*

English text: *O.N. Kochmar*

Makeup: *A.N. Stepanova*

Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

© IHIPN SB RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Кулаковская Л.Р.</i> А. Е. Кулаковский и П.А. Ойунский: отношения «старой» и «новой» интеллигенции в историко-культурном контексте	7
<i>Бурнашева Н.И.</i> Экономика Якутии в XIX веке: первые шаги к рыночным отношениям	15
<i>Никитина С.Е.</i> Организационные мероприятия по установлению новой власти в северных округах Якутии (1917–1925)	19
<i>Захарова Т.В.</i> Офицерский состав якутского гарнизона Сибирской армии А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.)	25
<i>Жукова Л.Н.</i> Якутские захоронения позднего средневековья в исследованиях музея им. Е.М. Ярославского	30
<i>Винокуров А.Д.</i> Сравнительный анализ и реконструкция ламиллярного панциря раннего железного века Якутии	37
<i>Ушницкий В.В.</i> Батулинская проблема в этногенезе саха и бурят	41
<i>Васильев В.Е.</i> Теория «белого шаманства» народа саха в свете ранних источников	45
<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Казахская эпическая поэма «Козы Корпеш – Баян сулу»: саха-казахские мифо-исторические параллели	49

Социология

<i>Аверина Ю.Н.</i> Влияние этнокультурного наследия еврейских переселенцев на общественную жизнь в Еврейской автономной области	57
<i>Григорьев С.А.</i> Положение коренных малочисленных народов Якутии в постперестроечный период (по материалам республиканской прессы)	59
<i>Иванова Н.И.</i> Современный носитель якутского языка г. Якутска: социолингвистическая характеристика в динамике. 2008 и 2014 гг.	64
<i>Сосин П.В.</i> Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера	69

Филологические науки

<i>Муйтуева И.Н.</i> Тарбаган в сказочной прозе алтайцев	75
<i>Борисов Ю.П.</i> О якутских терминах, обозначающих параллелизм в языке олонхо	81
<i>Николаев Е.Р.</i> К вопросу об эвенкизмах в якутском антропонимиконе	85
<i>Боргоякова Т.Г.</i> Динамика восприятия стимула «жизнь» в хакасском языковом сознании	90

Рецензии

<i>Слепцов П.А.</i> С.А. Иванов. Морфологические особенности говоров якутского языка (Новосибирск: Наука, 2014. 248 с.)	95
<i>Бахтикиреева У.М.</i> А.Л. Арефьев. Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность (М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.)	97
<i>Романова Е.Н.</i> Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. (М.: Изд-во «Наука – Восточная литература», 2015. – 239 с.).	101

Полевые записки

<i>Васильева Р.И.</i> Впечатления от поездки к эсеейским якутам	103
<i>Охлопков В.Е., Константинова Т.Н.</i> Методологические вопросы при исследовании кочевых народов	106

Память

<i>Илларионов В.В.</i> Олонхосут Николай Абрамов, внук Сэсэна Аржакова	109
<i>Захарова Т. В.</i> Историк Гражданской войны в Якутии В.Н. Чемезов (1915–1979)	113

Юбиляры

<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Егор Иннокентьевич Оконешников (к 85-летию со дня рождения)	121
<i>Никитина С.Е.</i> Василий Николаевич Иванов (к 80-летию со дня рождения)	122
<i>Винокурова Л.И.</i> Данара Антоновна Ширина (к 80-летию со дня рождения)	125

Сведения об авторах	128
Правила оформления рукописей	131

CONTENTS

Historical sciences

<i>Kulakovskaya L.R.</i> A.E. Kulakovsky and P.A. Oyunsky: the relationship of the "old" and "new" intellectuals in the historical and cultural context	7
<i>Burnasheva N.I.</i> The economy of Yakutia in XIX century: the first steps toward a market economy	15
<i>Nikitina S.E.</i> Arrangements for the establishment of the new government in the northern districts of Yakutia	19
<i>Zakharova T.V.</i> Officers Siberian Yakut garrison A.V. Kolchak's army (November 1918 - December 1919) ...	25
<i>Zhukova L.N.</i> The Yakut burials of the late Middle Ages in researches of the museum named after Yaroslavs-kiy at the end of the XX century	30
<i>Vinokurov A.D.</i> Comparative analysis and reconstruction of the lamellar armor the early Iron Age of Yakutia.	37
<i>Ushnitskiy V.V.</i> Batulinsky problem in ethnogenesis Sakha and Buryats	41
<i>Vasiliev V.E.</i> The theory of "white shamanism" Sakha people in the light of the early sources	45
<i>Artekbaev Zh.O.</i> Kazakh epic poem "Kozy Korpesh - Bayan sulu": Sakha-Kazakh mythological and historical parallels	49

Sociology

<i>Averina Yu.N.</i> The influence of ethnocultural heritage of Jewish immigrants on public life in the Jewish au-tonomous region	57
<i>Grigoryev S.A.</i> The situation of indigenous peoples of Yakutia in the post-perestroika period (based on the national press)	59
<i>Ivanova N.I.</i> A modern Yakut language speaker of Yakutsk: sociolinguistic feature in dynamics 2008, 2014 ...	64
<i>Sosin P.V.</i> South Yakutia: social adaptation and ethno-ecological problems of the indigenous peoples of the North	69

Philological sciences

<i>Muytueva I.N.</i> The tarbagan in-tale prose of the Altai people	75
<i>Borisov Yu.P.</i> On Yakut terms denoting parallelism in the olonkho language	81
<i>Nikolaev E.R.</i> On the question of evenkisms in Yakut antroponymycone	85
<i>Borgoyakova T.G.</i> Dynamics of stimulus "life" perception in Khakas language consciousness	90

Reviews

<i>Sleptsov P.A.</i> – S.A. Ivanov. Morphological features of the Yakut language dialects (Nauka, Novosibirsk, 2014. 248 pp.)	95
<i>Bakhtikireeva Ul.M.</i> – A.L. Arefiev. Languages of Indigenous Peoples of the North and the Far East in the education system: history and modernity (M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2014. 488 pp.)	97
<i>Romanova E.N.</i> – Calendar in the traditional culture of the Buryat: the experience of historical and ethno-graphic, cultural and genetic research / Dashieva N.B. (M.: "Nauka - Eastern Literature", 2015. 239 pp.)	101

Field notes

<i>Vasilyeva R.I.</i> Impressions from the trip to the Essene Yakuts	103
<i>Okhlopkov V.E., Konstantinova T.N.</i> Methodological issues in the study of nomadic peoples	106

Memory

<i>Illarionov V.V.</i> Olonkho teller Nikolay Abramov, Sesene Arzhakov's grandson	109
<i>Zakharova T.V.</i> The historian of the Civil War in Yakutia V.N. Chemezov (1915-1979)	113

Anniversaries

<i>Dyachkovsky F.N.</i> Egor Innokentevich Okoneshnikov (to the 85 anniversary)	121
<i>Nikitina S.E.</i> Vasily Nikolaevich Ivanov (to the 80 anniversary)	122
<i>Vinokurova L.I.</i> Danara Antonovna Shirina (to the 80 anniversary)	125

Information about authors	129
The manuscripts rules	131

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК17.035.3(571.56)

Л.Р. Кулаковская

А.Е. Кулаковский и П.А. Ойунский: отношения «старой» и «новой» интеллигенции в историко-культурном контексте

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию отношения Ойунского к Кулаковскому, поднимаются вопросы историзации личностей и их наследия, существующих на границах различных наук: истории, культурологии, социологии, философии, психологии, филологии.

Ключевые слова: наследие, вызовы времени, переосмысление, формирование личности, общечеловеческие ценности, якутская культура, проблема инволюции, преемственность.

В истории Якутии Алексей Елисеевич Кулаковский занимает центральное место как духовный лидер своего народа, мыслитель, основоположник якутской литературы, разносторонний ученый, пассионарий. Платону Алексеевичу Ойунскому также принадлежит в ней большое место как революционеру, крупнейшему партийно-государственному деятелю, выдающемуся писателю, ученому-исследователю якутского языка.

Для исследователей жизни и творчества двух исторических личностей их взаимоотношения представляют определенный интерес [Федосеев, 1983; Башарин, 1984]. В той или иной мере эта проблема рассматривалась и в других работах, посвященных истории Якутии, ее культуры. Надо отметить, что данный вопрос, имеющий не только большое научное, но и общественное значение, не теряет своей ценности и сегодня.

Современные тенденции гуманитарной науки, новейшие фактографические изыскания и методологические запросы требуют пересмотра всего корпуса документов, касающихся жизни и деятельности классиков.

Безусловно, в новом подходе нуждаются историзация Кулаковского и Ойунского и их наследия, изучение творческой преемственности и их взаимоотношений. Надо сказать, что в нашем случае актуальность разработки этой конкретной проблемы усиливается в связи с переосмыслением историко-культурного, общественного, философского контекстов оценки Ойунским наследия Кулаков-

ского, начиная с 1934 г. Эксплицирование данных высказываний, отражающих состояние творческой личности, поставленной перед драматическим ценностным выбором, требует от исследователей максимально внимательного отношения.

И ещё. В сложном вопросе взаимоотношений людей, тем более поэтов, в какой-то мере можно разобраться, лишь выявив точки совпадений, различий, соприкосновений, совместимостей или интолерантностей.

Констатируя, что общим в Кулаковском и Ойунском является их стремление к улучшению жизни якутов, следует отметить и кардинальные различия в методах достижения ими своих задач, обусловленных не только исторически.

Во-первых, Алексей Елисеевич Кулаковский (1877 г.р.) и Платон Алексеевич Ойунский (1893 г.р.) имели большое возрастное различие. И, как следствие, их разделяли жизненные и исторические условия, в которых формировались их личности и разворачивалась общественно-политическая и литературно-научная деятельность.

Появление феномена Кулаковского стало главным ответом на потребность традиционного общества в просветителе, духовном лидере. Поэтому он – плоть от плоти якутов того общественного уклада, который характеризуется способом регуляции жизни, основанном на исконно национальных традициях, обычаях. Недаром сам поэт и исследователь подчеркивал, что он, природный якут, «рос и воспитывался среди косных якутов и

вне сферы влияния русского языка. Верил во все то, во что верили окружающие, и все ... впитал в себя вместе с молоком матери» [Кулаковский, 1979, с. 8]. Многие исторически и документально подтвержденные факты свидетельствуют о том, что при всей неизменности сложившихся социокультурных устоев жизни, тяжести повседневного быта дореволюционный якут чувствовал себя свободной личностью. О своих счастливых и беззаботных годах детства и юности, наполненных внутренней свободой, Алексей Елисеевич написал ещё в 1912 г. [Кулаковский, 2012, с. 65]. Приверженец эволюционного развития общества, глубокий аналитик общественных явлений, в своих произведениях, особенно в поэме «Сон шамана», он писал о жестокости революционных преобразований, их быстротечности в большом историческом времени. После революции 1917 г. он не изменял своим жизненным принципам, оставаясь носителем гуманистических духовных ценностей народа из немногочисленного числа представителей якутской интеллигенции, вовлеченных в вихрь революционных преобразований, затем разделенных в братоубийственной Гражданской войне на два непримиримых лагеря.

Аксиология А.Е. Кулаковского, жившего на рубеже культур – дореволюционной якутской и новой советской просматривается и с позиций главного вызова временив истории человечества – свободы. Свободный духом мыслитель, поэт и исследователь, он не ограничивал, как были вынуждены во время большевизации и идеологизации общества его соратники по перу, полет своих мыслей. Потому его научные труды всеобъемлющи, а его взгляды на жизнь, на общественное устройство основаны только на общечеловеческих, гуманных ценностях.

Дореволюционная якутская культура по своей сути диалогична: она основана на стремлении понять иное в дистанцированном отношении к самой себе. Советская же культура категорична. В этом противостоянии ценностей – вечных и временных, созидательных и разрушительных было неизбежным то, что различие художественных традиций прошлого и революционного времени перековалось представителями новой культуры в классовое. Перенесение в сферу культуры форм и методов классовой борьбы оказало негативное воздействие на духовную жизнь общества.

«Если Кулаковский А.Е. осознает себя как Поэта в качестве “Певца традиции», а сам является создателем новой традиции текстов, то П.А. Ойунский – это Поэт, “имеющий свою биографию”, индивидуальная последовательность которой определяет цельность его видения...», – пишет Н.В. Покатилова, подчеркивая, что Кулаковский как личность и поэт формировался в дореволюционное время, а Ойунский – на границе дореволюционного и советского [Покатилова, 2015, с. 99–104].

Формирование личности П.А. Ойунского происходило в диаметрально противоположной плоскости, чем его литературного предшественника. На рубеже XX в. Якутия переживала усиление колониальной политики самодержавия, к тому же из-за длительных засух резко ухудшилось экономическое положение якутов. Потому основной лейтмотив воспоминаний поэта о детстве и юности – разорение родителей, голод, нищета и борьба за выживание. Несчастливые моменты отрочества сопровождали Платона Алексеевича по жизни, память удержала оскорбления и обиды. И, видимо, неспроста, он пишет, что «мои глаза начали открываться в марте 1917 г. при прочтении программы РСДРП(б). Меня обуяла безудержная радость. Дерзкий сын нищего, из-за бедности потерявшего человеческий облик Хочугура, Платон, нашел свой путь. Путь диктатуры пролетариата. Моя (вчера ещё уничижительно обзываемого молокососа “Маленький, и он туда же”) задача – уничтожить частную собственность и эксплуатацию человека человеком» [Ойуунускай, 1975, с. 414–418]. Тяжелые жизненные коллизии, наслаиваясь друг на друга, усилили рефлексию обнаженного нерва души будущего революционера, организатора и руководителя молодой республики, поэта-трибуна. Таким образом, П.А. Ойунский в силу разных причин был готов к революции, желал революционных преобразований. В своем творчестве он по-революционному агрессивен, по-большевистски жесток и беспощаден, что было характерно для многих советских поэтов того времени, принявших безоговорочно идеи Октябрьской революции. «Подлинность переживаний – вот то малое (и великое), что дало силу голосам народных поэтов в дни революции», – сказал Иванов-Разумник [1922, с. 209–211].

Во-вторых, Кулаковский и Ойунский отличались друг от друга по положению, которое зани-

мали в обществе. Если А.Е. Кулаковский был выразителем души народа и его уполномоченным к новой власти по сохранению традиционных фундаментальных ценностей и культуры, то П.А. Ойунский был и властителем реальным, и страстным выразителем чаяний новокрещенных революцией. Без сомнения, и в этом ракурсе вопрос их взаимоотношений представляет собой определенный научный интерес.

Как гласит древняя латинская пословица, «меняются времена, и мы меняемся с ними». Поэтому перед нами встает потребность новых дополнительных исследований в области изучения социальной и психологической адаптации людей, особенно выдающихся деятелей, к чрезвычайным условиям в период политических, социально-экономических катаклизмов, формирования общественных установок человека и его социально-психологической готовности к новой реальности. При этом необходимо иметь в виду одну постоянную доминанту – если изменения чрезмерны или преждевременны, то они разрушительны не только для общества, но и для конкретного человека.

Следовательно, в уточнении и новом исследовании, основанном на достижениях современной филологии, нуждаются личность и наследие П.А. Ойунского в целом. «Это касается и болезненных драматических ракурсов, явленных в судьбе Ойунского и в его наследии, это касается и нюансировки, детализации всего его творческого пути, подозревая* при этом некоторое соответствие – или, напротив, – внутреннюю конфликтность Ойунского-политика, Ойунского-ученого, Ойунского-писателя» – констатирует М.Ф. Надъярных [2015, с. 104].

Исследуя закономерности этих конфликтных сцеплений, нужно иметь в виду, в первую очередь, что после обретения Якутией государственности якутская культура оказалась перед несколькими серьезными вызовами.

Вызов первый. Известная недосформированность якутской политической прослойки поставила задачу взаимного соответствия её и представителей якутской национальной культуры. Пройдя существенную эволюцию, довольно неоднородное сообщество взявших власть в свои руки граждан Якутии должно было стать зрелой политической прослойкой, а деятели дореволюцион-

ной деидеологизированной культуры – представлять культуру якутского общества в новом историческом, секулярном времени.

Второй вызов. Появилась необходимость к консолидации культурных сил молодой республики для ликвидации всеобщей безграмотности как таковой и безграмотности политической, а также для создания взамен традиционной культуры общества новой формации.

Наконец, третий вызов проявляется в полной зависимости национальной культуры от господствующей власти, зиждящейся на тоталитарной идеологии и плановой экономике, в рамках которых она должна была развиваться.

Ответом на эти вызовы нового времени стал П.А. Ойунский.

«Доступные научные и научно-популярные тексты Ойунского, посвященные различным ракурсам этнического наследия (это и “перечитанная” нами “Якутская сказка, её сюжет и содержание”, 1927; “О якутском стихосложении”, 1929; “Материалы о происхождении якутов”, 1928; “О шаманизме и религии”, 1930 и др.), могут рассматриваться как ценнейшие документальные свидетельства эпохи, достоверно отражающие характерные особенности переходного состояния творческой личности, поставленной в ситуацию драматического выбора ценностных смыслов», – так характеризует М.Ф. Надъярных внутреннее состояние Ойунского [Там же, с. 109].

Динамика выбора Ойунским «ценностных смыслов» идет от преемственности художественных традиций до разрушения старого мира и строительства нового. «Отсюда и имплицитное противопоставление себя и новой литературы предшествующей литературной традиции», – констатирует Л.Н. Романова [2015, с. 122].

Таким образом, все наследие как Кулаковского, так и Ойунского является непреходящим ценностным ответом на вызовы своего времени. А изучение их взаимоотношений должно проецироваться через как их отличия (временные, возрастные, социальные, мотивационные, моральные и т.д.), так и сходства (ментальные, духовные, просветительские и т.д.). Это сложная комплексная проблема на стыке наук усугубляется скудостью имеющихся материалов. Тем не менее, исходя из содержания, их можно сгруппировать по следующим темам:

* Так в тексте М.Ф. Надъярных.

1) взаимоотношения П.А. Ойунского с Иваном Елисеевичем, Алексеем Елисеевичем, Романом Федоровичем и Реасом Алексеевичем Кулаковскими;

2) Кулаковские и Ойунский в годы Гражданской войны;

3) отношение Ойунского к научной и литературной деятельности А.Е. Кулаковского до 1926 г.;

4) последующая метаморфоза истолкования П.А. Ойунским наследия А.Е. Кулаковского как ответ на вызовы времени;

5) Кулаковские и Ойунский в годы репрессий.

В статье мы попытаемся разобраться в третьей и четвертой проблемах.

При жизни Кулаковский не подвергался нападкам ни за литературное и научное творчество, ни тем более за политические взгляды. Вся якутская интеллигенция знала, какое высокое доверие у народа к *Өксөкүлээх Өлөксөй*, к его слову. Соответственно относились к нему и представители новой власти, тем более П.А. Ойунский, с детства наслышанный о живой легенде народа А.Е. Кулаковском и знавший его произведения в устном изложении якутов.

Мы не располагаем материалами о личных встречах П.А. Ойунского с А.Е. Кулаковским до 1920 г. Имеющиеся материалы содержат в основном факты о их совместной деятельности. Первое упоминание об Алексее Елисеевиче в архивных материалах Платона Алексеевича содержится в письме к М. Аммосову от 27 декабря 1917 г., где он пишет о талантливости поэта [Дорогой Максим..., 2013, с. 72].

П.А. Ойунский в действительности оценивал А.Е. Кулаковского как талантливого народного поэта, основоположника якутской художественной литературы, первого крупного якутского ученого.

Перед новой властью стояла острейшая задача по организации всех отраслей народного хозяйства, науки и культуры. Значение личности А.Е. Кулаковского, его трудов настолько было велико, что немедленно, несмотря на хозяйственную разруху и отсутствие средств, начиная с 1923 по 1926 г., было опубликовано большинство его работ и произведений. Не подлежит сомнению, что председатель ЦИК ЯАССР Ойунский принял деятельное участие в их издании. Осенью 1924 г. А.Е. Кулаковский представил в литературно-переводческую комиссию все свои научные труды и

поэтические произведения. Несмотря на то, что большая семья Кулаковских испытывала сильную нужду, часть этих трудов он сдал безвозмездно, другую – за небольшой гонорар [НА РС(Я). Ф. 60. Оп. 5. Д. 16. Л. 19 об.; Ф. 459. Оп. 1. Д. 69. Л. 69, 28, 28 об.].

Поступок Кулаковского глубоко оценил П.А. Ойунский и вместе с председателем литературно-переводческой комиссии А.Ф. Бояровым выразил поэту и исследователю свою искреннюю благодарность [Автономная Якутия, 1924]. 31 марта 1925 г. в Якутске было образовано первое в истории Якутии научно-исследовательское общество «Саха кэскилэ», одним из учредителей и заместителем председателя которого стал А.Е. Кулаковский, а председателем – П.А. Ойунский.

В феврале 1925 г. по заданию Литературно-переводческой комиссии Алексей Елисеевич написал проект о литературном государственном языке якутов [НА РС(Я). Ф. 60. Оп. 1. Д. 755. Л. 21–21 об.]. Известно, что на Президиуме ЯЦИК по просьбе П.А. Ойунского и И. Баранова он сделал доклад «О государственном языке якутов». Заслушав его, Президиум постановил принять предложенный проект за основу якутского государственного языка.

Далее по хронологии фиксируется заявление Алексея Елисеевича от 14 мая 1925 г. на имя председателя ЯЦИК П.А. Ойунского с предложением о создании и отправке в Оймякон комиссии по мирной ликвидации повстанчества и с просьбой о включении его в состав комиссии, которое было поддержано.

Ещё в начале 1924 г. культурно-просветительское общество «Саха омуку» выступило инициатором проведения чествования 35-летия литературной и исследовательской работы Кулаковского. 27 марта Якутский краевой отдел Русского географического общества (ЯКОРГО) на своем заседании поручает выступить с докладом на этом юбилее секретарю общества Баранову [Там же. Ф. 386. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об.]. Можно предположить, что председатель общества «Саха омуку» А.И. Софронов, как человек знающий биографию Кулаковского, началом его научной деятельности посчитал время, когда тот системно начал собирать материалы по этнографии и фольклору, т.е. с 13-летнего возраста, что указал и сам исследователь. Но на каком-то этапе обсуждения вопросов по чествованию было решено отметить не

35-летие, а 25-летие литературной и исследовательской работы, т.е. со времени создания «Благословения Байаная».

27 мая в национальном театре впервые в истории Якутии состоялся вечер обществу и представителей власти, посвященный чествованию выразителя чаяний якутского народа. Это был юбилейный праздник первого национально-го поэта и ученого А.Е. Кулаковского – отмечалось 25-летие его деятельности в области литературы и науки.

Вечер открыл А.Ф. Бояров, с докладом о жизни и литературной деятельности Кулаковского выступил А.И. Софронов, научно-исследовательскую работу осветил Г.А. Попов, затем с приветствиями выступили представители разных предприятий и учреждений, был дан замечательный концерт.

От имени ЯЦИК и научного общества «Саха кэскилэ» его поздравил П.А. Ойунский и вручил подарок – письменный прибор из мамонтовой кости, сделанный по специальному заказу знаменитым косторезом Никифоровым. Алексей Елисеевич сердечно поблагодарил организаторов и участников юбилейного торжественного заседания за внимание и чествование. Его слова о том, что он «работает для патриотического подъема родной Якутии, зная, что без него нет никакой культуры и цивилизации», были встречены «громом аплодисментов» [Автономная Якутия. – 1925].

25 сентября Совнарком ЯАССР назначил А.Е. Кулаковского, И. Барахова, А.И. Софронова делегатами на съезд тюркологов, который должен был состояться в Баку в 1926 г.

В дальнюю дорогу Кулаковский тронулся 5 октября на последнем в эту навигацию пароходе без средств на командировочные расходы. Перед выездом ему обещали выслать их в Иркутск. 18 ноября он отправил два письма П.А. Ойунскому, написанные в пути, о том, как тяжело далась ему эта поездка, как добирался по бездорожью, более подробно описал экономическое положение, климат, жизнь, охоту на местах, по которым проходил. «Ждал перевода до 19-го и уехал, заняв денег в долг. Конечно, не мог быть доволен Вами. Как же так – бросить на полдороге старика без присмотра», – написал человек, никогда ранее не выражавший своего недовольства. Судя по его тону, он действительно перенес много лишений, без денег, без знакомых людей, но все же и в этой ситуации проявил свою незаурядность, умение

выживать в экстремальных ситуациях. Второе письмо содержит информацию о том, что он узнал о существовании дороги из Аяна в Нелькан, минуя горы Джугжура [НА РС(Я). Ф. 386. Оп. 1. Д. 146. Л. 15–16].

К письму Кулаковский приложил две статьи, написанные в дороге, несмотря на острые боли в правой руке вследствие ревматизма: «О происхождении слова “якут”» – для «“Саха кэскилэ”», и «Гидра идет» – о приближении продолжительной засухи. Обращаясь к Платону Алексеевичу, он писал: «Ходатайствуйте пред Якутским представительством о выдаче мне пишущей машинки с якутским шрифтом, которая заменит мне недостающую мою руку. Статью “Гидра идет” по прочтении перешлите Кротову. На сенные запасы обратите самое серьезное внимание и примите активное участие, ведь погибнут именно наши улусы».

П.А. Ойунский поручил 15 января И.Н. Винокурову телеграммой в Москву быстро найти для Кулаковского печатную машинку [Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 217]. На первом письме прочитывается запись некоего В. Габышева: «“Саха кэскилэ”. т. Боппуопка. т. Ойунскай көрдөһүүтүн быһыытынан ытабын эйиэхэ. Б. Хабыһап. 7/ VII–26 («“Саха кэскилэ”. т. Попову. Отправлено по просьбе т. Ойунского)». Правительство республики проявило большую заботу о здоровье Кулаковского. 31 декабря 1925 г. на заседании Президиума ЯЦИК было принято решение о выделении средств на двухмесячное лечение Алексея Елисеевича [Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 142. Л. 21–28].

Таким образом, до 1934 г. Ойунский высоко ценил Кулаковского как поэта, разностороннего ученого. Признавая его отцом якутской литературы и первым исследователем истории, этнографии и языка якутов, он писал, что оставленное Алексеем Елисеевичем художественное и научное наследие будет немеркнущим достоянием поколений и в будущем станет изучаться все шире и глубже, из года в год будет приобретать все большее значение [Ойунускай, 1926].

Позднее у П.А. Ойунского происходит переоценка наследия А.Е. Кулаковского. В опубликованной в 1935. г работе «Якутский язык и пути его развития», называя А.Е. Кулаковского «выдающимся национальным поэтом», «талантливейшим якутским национальным поэтом», а его произведение «Сон шамана» – «знаменитой поэмой», он выступает против идейного содержания поэмы, находя поэта ярким национали-

стом и противником большевиков [Ойунский, 1935, с. 15, 67]. Здесь же обвиняет Кулаковского как националиста с «великодержавническими шовинистическими элементами» в борьбе за переход с латинизированного алфавита на русский.

В 1937 г., рассматривая письмо А.Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции», в своей ещё не изданной работе «Из царства колониального рабства в царство свободы» [НА РС(Я). Ф. 1081. Оп. 6. Д. 52. Л. 32–35] он характеризует его как буржуазного идеолога, буржуазного националиста, протаскивающего под флагом спасения якутского народа как нации программу капиталистической эксплуатации трудящихся масс Якутии.

Отрицательные высказывания якутских писателей, партийных и советских деятелей, в особенности П.А. Ойунского, по отношению к наследию и личности А.Е. Кулаковского стыдливо-замалчивались и замалчиваются. Позиция страуса, прячущего голову в песок, не украшает никого, тем более исследователя, ибо дает неполное или даже превратное представление об изучаемой проблеме. Более того, упущено самое невозможное – время. Людей, которые знали суть и историю мнений некоторых деятелей культуры, науки, партийного и советского строительства, высказанных в разное время, от крайне положительных до крайне отрицательных, о Кулаковском, уже нет.

Сегодня с внушительной временной дистанции, когда более-менее известен пройденный нами путь, необходимо попытаться разобраться в этих, разумеется, не только нас беспокоящих, жестких вопросах.

Понять резкую метаморфозу взглядов признанных мастеров слова сложно, но можно. Для примера. Прожив долгую жизнь, Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыйа имел возможность доказать случайность и необдуманность своего поступка, оценить выпад в адрес Кулаковского как самое черное пятно в своей биографии, но не объяснил причину, по которой он огульно обвинил поэта в «японофильстве» [Первый Всесоюзный..., 1934, с. 639].

Что касается П.А. Ойунского, то, насколько нам известно, только известный фольклорист И.В. Пухов в 1979 г. в приложении к письму секретарю ЦК КПСС М.В. Замятину попытался объяснить метаморфозу его взглядов: *«Когда П.А. Ойунский называл Кулаковского националистом, он находился под впечатлением тяжелой критики, обрушившейся на него в конце двадца-*

тых годов..., почему П.А. Ойунский обрушился таким образом на А.Е. Кулаковского именно в такой книге, как “Русско-якутский терминологический словарь”. Но здесь ларчик открывается довольно просто. В те годы был весьма актуален вопрос, на какой основе создать якутскую национальную письменность, на основе латинского или на основе русского алфавита. А.Е. Кулаковский в свое время написал статью, в которой отстаивал идею алфавита на основе русской графики, что получало тогда поддержку и у других лиц. В то время в Якутии был принят алфавит на основе латинской графики, что имело своих противников. И вот Ойунский, защищая существующий государственный алфавит, полемизируя со сторонниками идей Кулаковского, и допустил свой выпад против него, как автора казавшегося ему ложным взгляда...» [Пухов, 1999, с. 163–164].

Принимая во внимание мнение И.В. Пухова, мы все же считаем, что причина была более серьезной.

Чтобы понять эту перемену во взгляде П.А. Ойунского, необходимо рассмотреть этот вопрос с учетом конкретно-исторического положения.

В стране стала осложняться внутривнутриполитическая обстановка. С. Потапов впоследствии написал: «Мы все, кто был в командировке в Москве, были завербованы ОГПУ» [НА РС(Я). Ф. 1457. Оп. 2. Д. 322. Л. 64]. Известные события по выявлению националистов 1928 г., последующие решения ЦК партии свидетельствовали о предстоящих суровых испытаниях, которые впоследствии вылились в репрессии 40-х гг. Эти события охватили и дальний, и ближний круг П.А. Ойунского, и его самого.

Я соглашусь с мнением Г.П. Башарина, который сказал: «... при подобной обстановке Платон Алексеевич, по-видимому, стремился облегчить свое положение путем отмежевания от Кулаковского, критикой его идейного наследия, в частности, поэмы “Сон шамана”. Это тем более было необходимо, так как “разоблачители” авторов poem “Сон шамана” и “Красный шаман”, в создании образов основных героев которых использованы типы шаманов, все время ставили Кулаковского и Ойунского, как “мистиков”, “фаталистов”, “символистов” на одну и ту же доску» [НА РС(Я). Ф. 5 п. Оп. 3. Д. 852. Л. 2].

Некоторые ответы или, по крайней мере, под- сказки к ним мы можем найти в статье Н.М. Федь-

Подвергая анализу 1930-е гг., он пишет, что доведенный до абсурда классовый подход поразил все общество. Большевики выдвинули идею «перековки» общества и всего мира. Н.И. Бухарин провозгласил: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике» [Федь, 1998, с. 195–204].

Сложная ситуация сложилась и в советском литературном пространстве.

«Литературная газета» печатала разносные статьи на С. Есенина, М. Шолохова, Н. Клюева, М. Булгакова, А. Веселого, Б. Пильняка и т.д., обвиняя их в декаденстве, идейном разложении и шпионаже в пользу иностранных государств. П.А. Ойунский в то время жил и учился в Москве и, надо полагать, как истинный, пламенный большевик, следовал курсу общей обстановки в стране, нацеленной на девиз: *«Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...»*.

Революционный дух разрушения эстетических ценностей прошлого не мог миновать и зарождающуюся якутскую советскую интеллигенцию. Литературные активисты (Кюндэ, Эллай, Абагинский, Чагылган, Г. Васильев и др.) быстро постигали суть новой власти и, говоря строками Мариэтты Шагинян, «до такой предельной глубины» растворялись в своей преданности большевизму, что в их произведениях *«...политика сливается с лирикой»*.

Но не только это. Думается, что главное, в чем можно обвинить большевистско-коммунистическую диктатуру, и это самое страшное, – в том, что она привела к тому, что люди перестали считать свободу ценностью и вполне готовы были ею пожертвовать ради удобной, бесконфликтной жизни. К тому же у каждого человека существует некая сфера, онтологически ему свойственная, которая не может быть удовлетворена меркантильной стороной жизни. Эта сфера тяготеет к осмысленности и фокусируется на духовном аспекте. Человеку просто необходимо заполнять духовную лауну, либо замещать ее идеологией. Так вот, через манипуляции с этими онтологическими устремлениями произошла подмена ценностей, порабощение человека, контролируемого конкретной идеей либо средствами материального благосостояния.

Здесь, в этом небольшом экскурсе в прошлое, мы попытались разобраться в весьма не-

простой проблеме инволюции эстетических взглядов деятелей советского периода. Понять трагичность душевного разлома великого Ойунского помогут размышления Д.С. Лихачева о закономерностях и антизакономерностях в литературе, где он определил антизакономерность как «проявление “свободы воли” историко-литературного процесса, писателя и даже его произведения» [Лихачев, 1990, с. 3–5].

В нашем случае антизакономерностью, проявлением «свободы воли» директора Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР, депутата Верховного Совета СССР первого созыва Платона Алексеевича Ойунского является распоряжение о подготовке к изданию художественных произведений классика якутской дореволюционной литературы А.Е. Кулаковского с предисловием, биографией и комментариями.

Мы солидарны с мнением Г.П. Башарина, что «это и есть последнее слово Ойунского о Кулаковском. Оно отражает общую положительную оценку Платоном Алексеевичем Алексея Елисеевича» [НА РС(Я). Ф. 1457. Оп. 2. Д. 322. Л. 86–87].

В статье в основном рассмотрено отношение П.А. Ойунского к А.Е. Кулаковскому, так как на сегодня, кроме двух писем к Ойунскому, имеющих в распоряжении исследователей, нет других источников для объективного выстраивания темы «Кулаковский об Ойунском».

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы:

1. При несомненной преемственности художественного слова и общности идеи развития якутского общества Кулаковский и Ойунский являются разными голосами разных эпох. Только в первом случае один победил эпоху, сделав её материалом для себя, другой – в некоторой степени сам стал материалом безжалостного молоха железной эпохи. Один, рожденный и проживший в традиционном обществе, как он сам писал в 1912 г., на свободной якутской земле, имел свободу духа, связанную, конечно же, со свободой слова, второй – несвободу духа и слова, когда сзади него, говоря словами Зинаиды Гиппиус, «стоял указующий с наганом».

2. Объективное изучение отношений между историческими личностями, оценки Ойунским наследия Кулаковского начиная с 1934 г. возможно только при переосмыслении всего его насле-

дия с учетом историко-культурного, общественного, философского контекстов. Мы воспринимаем позицию П.А. Ойунского по отношению к Кулаковскому, начиная с 1934 г., с уважением к его личности и видим стоящую за ней трагедию: внутреннюю конфликтность Ойунского-политика, Ойунского-ученого, Ойунского-писателя.

3. Нам необходимо сохранить традиционные ценности, поскольку на них зиждется свобода человеческой личности, они позволяют сохранить целостность духовной сферы.

В заключение хочется ещё раз напомнить о методологической проблемности контекстных интерпретаций имеющихся материалов, которая усугубилась неразработанностью поднятых в якутском литературоведении вопросов.

Анализируя становление советской литературы, Н.В. Корниенко [2010, с. 483] писала о необходимости изучения современным писателем исторического процесса, внутрипартийных дискуссий, культурной и низовой повседневной жизни эпохи, а также строения советских и эмигрантских литературных процессов, закономерностей советской литературы и строения русской литературы. Проецируя сказанное известным литературоведом на становление якутской литературы, можно надеяться, что у будущих исследователей будет меньше методологических неясностей: «...как интерпретировать, каковы пределы и ориентиры, границы релевантных контекстов возможного историзирующего реконструктивного анализа» [Надьярных, 2015, с. 105].

Литература

- Автономная Якутия. – 1924. – 19 сент.
 Автономная Якутия. – 1925. – 12 марта, 17 апр., 3 июня.
 Башарин Г.П. П.А. Ойуунускай А.Е. Кулаковская-га сыһыана // Хотугу сулус. – 1984. – № 3. – С. 98–106.
 Дорогой Максим, у нас есть будущее, счастливое и мирное.../ [В.Н. Протодияконов]. – Дьокуускай: Көмүөл, 2013.
 Корниенко Н.В. Нэповская оттепель: становление института советской литературной критики. – М.: ИМЛИ РАН, 2010.
 Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979.
 Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 2012.
 Иванов-Разумник (Р. Иванов). Творчество и критика. – Пб., 1922.
 Лихачев Д.С. Закономерности и антизакономерности в литературе // Русская литература. – 1990. – №1.
 Надьярных М.Ф. На границах «эпохи олонхо»: тексты П.А. Ойунского в динамике художественных и идеологических смыслов 1910–1930-х годов // П.А. Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель: матер. регион. науч.-практич. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося государственного и общественного деятеля, ученого-писателя Платона Алексеевича Слепцова-Ойунского, Якутск, 25–26 ноября 2013 г. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2015.
 НА РС(Я). Ф. 60. Оп. 5. Д. 16.; Ф.459. Оп. 1. Д. 69.
 Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 755.
 Там же. Ф. 386. Оп. 1. Д. 8.
 Там же. Д. 146.
 Там же. Ф. 1081. Оп. 6. Д. 52.
 Там же. Ф. 1457. Оп. 2. Д. 322.
 Там же.
 Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 217.
 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 142.
 Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 852.
 Ойуунускай П. Бырастыы!!! // Кыым. – 1926. – Бэс быйын 18 к.
 Ойуунускай П.А. Киһи, гражданин буолбут суолум //Талыллыбыт айымньылар. – Т.2. – Якутск: Кн. изд-во, 1975.
 Ойунский П. Якутский язык и пути его развития // Русско-якутский термино-орфографический словарь. – М., 1935.
 Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. – М., 1934. – С.639.
 Покатилова Н.В. Литературное творчество П.А. Ойунского в контексте смены парадигм XX века // П.А. Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель: матер. регион. науч.-практич. конф., посв. 120-летию со дня рождения выдающегося государственного и общественного деятеля, ученого-писателя Платона Алексеевича Слепцова-Ойунского, Якутск, 25–26 ноября 2013 г. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2015.
 Пухов И.В. О политической клевете: [Прил. К письму секр. ЦК КПСС тов.М.В. Замятину] // Пухов Иннокентий Васильевич. – Дьокуускай, 1999. – С. 163–164.
 Романова Л.Н. Мифологические основы творчества П.А. Ойунского // П.А. Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель: матер. регион. науч.-практич. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося государственного и общественного деятеля, ученого-писателя Платона Алексеевича Слепцова-Ойунского, Якутск, 25–26 ноября 2013 г. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2015.
 Федосеев И.Е. Ойуунускай уонна Өксөкүлээх// Кыым. – 1983. – Сэтинньи 5 к.
 Федь Н.М. Поиски и противостояния в русской литературе 30-х гг. // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. – М.: Наследие, 1998. – Вып. 3.

A.E. Kulakovsky and P.A. Oyunsky: the relationship of the "old" and "new" intellectuals in the historical and cultural context

In the article are considered the main approaches to understanding of the relation of Oyunsky to Kulakovsky. Questions of a historization of the persons and their heritage existing on borders of various sciences are brought up: stories, cultural science, sociology, philosophy, psychology, philology.

Keywords: heritage, time calls, reconsideration, formation of the personality, universal values, Yakut culture, involution problem, succession.

УДК94(41/99):339.13(571.56)«XIX»

Н.И. Бурнашева

Экономика Якутии в XIX веке: первые шаги к рыночным отношениям

В статье рассматриваются новые процессы, проявившиеся в экономике Якутии в XIX в. Под влиянием государственных реформ, проводимых в России в этот период, и в Якутии стало заметным развитие товарно-денежных отношений. В хозяйственной жизни Якутской области стали проявляться черты рыночных отношений. Об этом свидетельствовали возникшие на территории области золотые разработки, рост хлебопашества, оживление торговли и ремесла.

Ключевые слова: история Якутии, история экономики, товарно-денежные отношения, торговля, ярмарки, кустарное производство.

В XIX в. произошли огромные изменения в экономике Якутии. В основном они были связаны с переменами, происходившими в России. Отмена крепостного права открыла возможности для модернизации общества и вступления страны на путь рыночного развития. Крестьянское хозяйство все больше втягивалось в товарно-денежные отношения. Сельские общества и отдельные крестьянские хозяйства становились полноправными субъектами рыночных отношений. Большие изменения происходили и в развитии восточных территорий страны. Прогрессивное значение для вступления Сибири в новый этап экономического развития имело строительство Транссибирской магистрали, включившей огромные территории империи, расположенные за Уралом, во внутрироссийский хозяйственный оборот.

Якутская область в начале XIX в. представляла собой одну из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении областей дореволюционной России, где господствовали патриархально-феодальные отношения. Характерны

ми чертами социально-экономической жизни края являлись хозяйственная неосвоенность огромной территории и чрезвычайно низкая плотность населения. Вследствие суровых природно-климатических условий, экономической отсталости, примитивного характера труда и низкой доходности традиционных занятий коренного населения Якутия на протяжении веков оставалась непригодной для эффективного аграрного и промышленного освоения. Основная отрасль хозяйства якутов – скотоводство находилась в состоянии упадка, продуктивность была низкой, наблюдался процесс постепенного сокращения поголовья крупного рогатого скота и лошадей. Скот и земля были сосредоточены в руках относительно немногочисленного слоя богачей-тойонов. Уделом основной массы якутского населения являлись безземелье и малоземелье, которые влекли за собой разорение и нищету.

На фоне общего упадка и отсталости хозяйственной жизни Якутской области в XIX в. все явственнее стало проявляться проникновение в экономику товарно-денежных отношений. Благо-

приятные условия для развития этого процесса были созданы ясачными реформами 1760-х гг., заменившими пушной ясак денежным. Население получило возможность получать деньги за товар на специально учреждаемых пушных ярмарках, организуемых с целью ограничения массовой скупки у населения пушнины частными торговцами и ростовщиками. По предположению властей на ярмарки могла поступать пушнина, оставшаяся у населения после уплаты ясака. С конца XVIII в. благодаря организации пушных ярмарок значительная часть ясака стала поступать в казну деньгами. Вместе с тем свобода рыночной торговли была ограничена строго определенными сроками проведения ярмарок и запретом торговли вне их. Казна «всегда стремилась к тому, чтобы ясак поступал все-таки пушшиной» [Башарин, 2003, с. 76], так как доход от её дальнейшей продажи был значительным. Наряду с пушной торговлей развивалась ярмарочная (сезонная) торговля продуктами сельского хозяйства, охоты и рыболовства. Организация ярмарок играла важную роль в развитии торговли, способствовала зарождению местной якутской буржуазии, усиливала конкуренцию между местными и приезжими купцами. [Башарин, 2003, с. 75, 79]

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений было тесно связано с разработкой золотосодержащих месторождений, открытых в 1840-х гг. по притокам р. Лены. В 1861 г. предпринимателями Катышевцевым и Басниным была основана золотопромышленная компания под названием «Ленское товарищество», имевшая в своем распоряжении 20 приисков [История Якутии, 1988, с. 49]. Образование такого крупного и быстро развивающегося рынка сбыта местной продукции открыло для Якутской области огромные перспективы для экономического развития. Рост цен на продукты сельского хозяйства повысил заинтересованность населения в занятии скотоводством и в увеличении поголовья крупного рогатого скота. Однако фактором, значительно сдерживающим развитие якутских хозяйств, являлась нерешенность аграрного вопроса. Действовавшая в области классная система распределения земель, при которой сенокосные, хлебопахотные и пастбищные земли концентрировались в руках незначительной богатой части населения, приводила к значительному обезземеливанию сельского населения. Это становилось причиной растущих недоимок области, а также постоянных зе-

мельных неурядиц и тяжб между якутами. С каждым годом все очевидней становилась необходимость проведения реформ, учитывающих меняющиеся хозяйственные условия.

В 1890 г. иркутский генерал-губернатор предложил якутской областной администрации предпринять шаги по внедрению системы уравнительного распределения земель. Под руководством якутского губернатора В.Н. Скрипицына в 1892 г. началась подготовка земельной реформы. Сбор необходимых сведений о якутском хозяйстве и землепользовании был возложен на Якутский статистический комитет. К анализу и обобщению материалов были привлечены политические ссыльные – народники Майнов, Виташевский, Левенталь и другие, направившие основное внимание на претворение в жизнь народнических идей о передельной крестьянской общине. Итогом работы явилась «Инструкция о порядке уравнительного распределения в наслеге (селехии) земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами», согласно которой каждые пять лет земля должна была распределяться строго уравнительно по количеству душ, независимо от пола и возраста. Однако в условиях существовавшей в Якутии системы подобное реформирование земельных отношений было практически невозможным. Богатые скотоводы всеми мерами добивались провала принятия документа на наследных сходках, куда он был направлен на обсуждение. Документ не был одобрен и иркутским генерал-губернатором, в 1903 г. проект Инструкции был отменен Сенатом, который указал, что государственные органы впредь до окончательного поземельного устройства «инородцев» не вправе вмешиваться в земельные дела и споры наследных обществ. Поэтому классная система распределения земель сохранялась в Якутской области в неизменном виде до 1917 г.

Инициативы Якутского областного правления по разработке принципов и положений земельной реформы, их широкое обсуждение вызвали большой общественный резонанс, имели огромное значение в осознании населением своих экономических интересов. Несмотря на нерешенность аграрного вопроса земледелие продолжало распространяться. Расширялась запашка земель зерновыми культурами, внедрялись огородничество и картофелеводство. Под влиянием усиления российского капитализма в Якутии в

последней четверти XIX в. земледелие выделилось в самостоятельную отрасль хозяйства. При этом к русской земледельческой культуре все больше приобщалось коренное население. В 1889 г. на якутские хозяйства приходилось около 50% валового сбора зерновых [История Якутской АССР, 1957, с. 272–273]. Это способствовало упрочению оседлого образа жизни и развитию хозяйства якутов, расширению экономических связей между отдельными улусами и округами внутри области. В 1901 г. посев зерновых в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах увеличился по сравнению с 1861 г. более чем в три раза, а урожай – более чем в семь раз [История Якутии, 1988, с. 52].

Проникновение товарно-денежных отношений в экономическую жизнь Якутии создавало благоприятные условия для развития ремесла и кустарного производства. Первые кустарные производства появились еще в начале XIX в. В 30-е гг. якутский купец 3-й гильдии Григорий Катышевцев построил кожевенный, мыловаренный заводы и ветряную мельницу, которые в 1841 г. продал купцу П.М. Леонтьеву. В конце 60-х гг. на кожевенном предприятии Леонтьева трудились один мастер и 8 рабочих, заведение размещалось в трех деревянных корпусах, имело 9 чанов и две толчеи. Им производилось три вида кожи, более шестисот штук на сумму около 3000 рублей в год. По производительности и оснащенности это заведение являлось самым крупным в области. Леонтьев поставлял кожи большими партиями на летнюю ярмарку г. Якутска, отсюда через иркутских купцов кожи проникали даже в Китай [Попов, 2007, с. 108].

Кустарные производства также были представлены кирпичными, мыловаренными, сапожными и другими заведениями. Создавались они, как правило, ссыльнопоселенцами и располагались, главным образом, в Якутском округе. Незначительная их часть действовала в Олекминском округе и в г. Вилюйске. В отдельные годы их численность достигала 20. В начале 1911 г. в г. Якутске действовало 14 кустарных заведений. Среди них два лесопильных, одно кирпичное, одно мыловаренное производства, три колбасных, одно мукомольное заведения; одна железо-жестяная, три сапожные и одна шорная мастерские и паровая мельница [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп 1. Д 748, Л. 24]. Развитие ремесла и деятельность кустарных производств свидетельствовали о повыше-

нии потребности населения в товарах местного производства, а также о появлении в Якутии элементов предпринимательства и производственной инициативы.

В последней четверти XIX в. под влиянием быстрого роста российского капитализма в Якутской области постепенно формировались и укреплялись рыночные отношения, складывались новые тенденции в социально-экономическом развитии. С этого времени началась «эпоха ломки всего старого полупатриархально-полуфеодального быта и «укладывания» новых капиталистических отношений» [Башарин, 1994, с. 43]. Экономической основой перемен, наметившихся в развитии Якутии, являлся рост значения Ленских золотых приисков. В 1882 г. Гинцбургом, Мейером и другими владельцами приисков была создана новая компания «Ленское золотопромышленное товарищество», контрольные акции которой в 1908 г. были выкуплены английским обществом «Лена-Голдфилдс». В 1910 г. товарищество являлось владельцем Бодайбинской железной дороги, 122 приисков и всех пароходов Прибрежно-Витимской компании. Ежегодно на Лене добывалось золота на 18–20 млн. руб. В числе крупных держателей акций Ленского товарищества были императрица Мария Федоровна, царские министры, представители крупнейших банков [История Якутской АССР, 1957, с. 311].

Разработка золотых приисков способствовала развитию торгово-промышленного капитала, проникавшего во все уголки Якутии. Поставка на прииски съестных припасов превратилась в новый источник обогащения тойонов, которые набирали значительные суммы на посреднических операциях и извозном промысле. В 1916 г. в Якутской области было зарегистрировано 104 торговых предприятия, владельцами которых являлись 15 купцов 1-й и 2-й гильдий, 25 мещан, 12 русских крестьян, два почетных гражданина, два потомственных дворянина. Из якутов было два крупных купца и 39 мелких торговцев [Аргунов, 1988, с. 17]. Для населения южных округов области поставка на прииски продуктов животноводства, оказание транспортных и иных услуг служили источником получения дополнительных доходов и развития предпринимательства. В 1887–1889 гг. на прииски ежегодно доставлялось предметов потребления на 4 млн. руб., из которых приблизительно на 1 млн. – из якутских округов. Мясо и масло для приисков закупалось,

главным образом, в Олекминском и Вилюйском округах Якутской области, с низовий Лены доставлялась рыба. Вместе с общим оживлением предпринимательской деятельности в Якутии во второй половине XIX в. увеличился оборот якутских ярмарок (Якутская, Олекминская, Кыллахская, Учурская, Усть-Майская и Анюйская). В 1862 г. на эти ярмарки было завезено товаров на 1 228 980 руб. и продано на 590 025 руб. Через 27 лет, в 1889 г., товарооборот ярмарок вырос более чем в два раза, что привело к значительному укреплению связей сельского хозяйства Якутии с общероссийским рынком [История Якутской АССР, 1957, с. 274].

С конца XIX в. все разнообразнее становится финансовый рынок Якутской области. Банковское дело было представлено деятельностью отделения Русско-Азиатского банка. Функции государственного банка, не имевшего своего отделения в области, выполняло казначейство. Развитие предпринимательства и торговли выявило настоятельную необходимость в открытии еще одного банка. В 1907 г. с прошением об открытии нового банка к якутскому губернатору обратились известные в области купцы и предприниматели. В результате в 1911 г. на деньги, пожертвованные купцом 1-й гильдии М.Д. Эверстовым, был открыт Якутский городской общественный банк. В 1916 г. в Якутской области было 19 сберегательных касс с общей суммой вкладов 950 тыс. руб. Вкладчиков во всех кассах насчитывалось 2000 чел., годовой оборот касс переваливал за миллион рублей. По кассам вклады распадались: по Якутской центральной кассе 800 тыс., по приписным почтово-телеграфным кассам – 110 тыс. руб. и иным – 40 тыс. руб. Средний размер вклада был высок и достигал 475 руб., колеблясь от 100 руб. до 4 тыс. руб. Категории вкладчиков по сберкассам разбивались следующим образом: 20% крестьян, 30% служащих, 10% духовенства, 20% торговцев, прочих – 19% и юридических лиц – 1% [Там же, с. 320].

Развитие золотых разработок, рост хлебопашества, оживление торговли, улучшение путей сообщения, дальнейшее проникновение товарно-денежных отношений в якутские улусы и быстрое расслоение якутского крестьянства свидетельствовали об активном проникновении в Якутскую экономику во второй половине XIX в. элементов капитализма. Вместе с тем особенностью социально-экономического развития Яку-

тии на рубеже XIX–XX вв. было глубокое противоречие между полупатриархальным-полуфеодальным бытом, с одной стороны, и торговым капиталом, дополненным влиянием промышленного капитала, – с другой. Оно особенно ярко проявлялось в отсутствии заметных прогрессивных сдвигов в кустарном и сельскохозяйственном производстве при одновременном, довольно активном развитии торговли, товарно-денежных отношений, купеческого торгового и ростовщического капитала. Такое положение объяснялось неразвитостью промышленного капитализма, без которого торговый капитал не мог, «даже при продолжительном своем развитии, уничтожить старый дофеодальный и феодальный быт» [Башарин, 1994, с. 14], выйти за рамки сферы обращения и перерасти в производственный капитал, и вплоть до 1917 г. хозяйства улусных и русских крестьян Якутии в основе своей оставались натуральными.

Таким образом, под влиянием развития российского капитализма в XIX в. экономика Якутии вступила в новый этап развития: стал заметным процесс активного проникновения товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь Якутской области. Развитие золотых разработок, рост хлебопашества, оживление торговли, улучшение путей сообщения, дальнейшее проникновение товарно-денежных отношений в якутские улусы и быстрое расслоение якутского крестьянства показывают, что элементы рыночных отношений стали прокладывать себе путь в экономику Якутии. Проникновение в экономику Якутской области новых процессов способствовало вытеснению торгово-ростовщического капитала ссудным, приобщению сельского населения края к кредитному делу и к кооперации, расширению внутреннего рынка и повышению платежеспособности населения, открывая при этом все новые возможности и перспективы для развития якутской экономики.

Литература и источники

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 320 с.

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII–середина XIX в.). Т. 2, – М.: Арт-Флекс, 2003. – 428 с.

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя. – Якутск: Республиканское общество «Книга», 1994. – 148 с.

История Якутии: учеб. пособие / под ред. Г.П. Башарина. – Якутск: Кн. изд-во, 1988.

История Якутской АССР. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 418 с.

НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 748.

Попов Г.А. Сочинения. – Т. 3: История города Якутска: 1632–1917. – Якутск: Изд-во ЯГУ, – 312 с.

N.I. Burnasheva

The economy of Yakutia in XIX century: the first steps toward a market economy

The article discusses the new processes manifested in the history of the economy of Yakutia in XIX century. In the influence of government reforms conducted in Russia during this period, and in Yakutia was a significant development of commodity-money relations. In the economic life of the Yakut region began to show features of market relations. It was evidenced in the region arising gold development, the growth of arable farming, the revival of trade and craft.

Keywords: history of Yakutia, history of economy, commodity-money relations, trade, fairs, handicrafts.

УДК 94(571.56-17) «1917/1925»

С.Е. Никитина

Организационные мероприятия по установлению новой власти в северных округах Якутии (1917–1925 гг.)

На основе современных подходов к истории, широкого использования архивных материалов рассмотрено формирование органов власти в отдаленных северных округах Якутии, где отсутствовала постоянная информационная связь с центром. В постреволюционное время и на окраинах возросла социальная активность. Показано, как это сказалось на формировании органов власти, на их организационных и исполнительских функциях.

Ключевые слова: Верхоянский и Колымский округа, Комитеты общественной безопасности, ревкомы, Советы народных депутатов, родовые советы, исполнительские полномочия.

Период постреволюционных преобразований и установления новых организационных форм власти, экономических и социальных отношений на Севере Якутии в общей картине партийного строительства советской власти большевиками и их победы в Гражданской войне был достаточно исследован советскими историками [Алексеев, 1962; Макаров, 1979–1980, 1988; Новгородов, 1969; Петров, 1957]. Этнические процессы на Северо-Востоке Сибири в первые годы советской власти были рассмотрены И.С. Гурвичем [1966, с. 213–260]. Борьба за советскую власть на Севере стала объектом специального исследования Р.В. Шелеховой [1972]. В настоящее время тема не утратила актуальности в связи с пересмотром соотношения участия управления и самоуправления в социокультурном строитель-

стве нового государственного строя, в данном случае в труднодоступных регионах традиционной цивилизации Севера Якутии.

Сибирские историки, уделяя особое внимание вопросам власти и общества, отмечают, что в восточных регионах России в период Гражданской войны из-за их отдаленности от центра и труднодоступности органы местного самоуправления стали самостоятельной силой и принимали активное участие в политической и хозяйственной жизни, что именно здесь был накоплен самый продолжительный опыт строительства несоветской государственности [Рышков, 2012, с. 135]. Новизна данной статьи – в рассмотрении созданных постреволюционной модернизацией форм управления и территориального самоуправления с определением организационного и исполнительного

функционала в северных округах Якутии в 1917–1920-е гг.

В указанный период северные округа Якутии были представлены двумя: Верхоянским и Колымским. Административно Верхоянский округ включал четыре улуса: Верхоянский, Эльгетский, Устьянский и Жиганский, в состав которых входили 38 якутских наслегов, 2 тунгусских, 5 ламутских и 4 юкагирских рода, Усть-Оленекское и Усть-Янское крестьянские общества, Верхоянское мещанское общество (Русское Устье, р. Индигирка). Колымский округ состоял из Колымского улуса, к которому относились 11 якутских наслегов, 1 тунгусский, 5 ламутских и 5 юкагирских родов, Нижнеколымское и Среднеколымское мещанские общества и три группы кочующих чукчей: Восточной тундры; Западной, или Большой тундры; Тойоновские.

Географически и климатически арктические территории Якутии кардинально отделены от центральных округов Якутии горной цепью Верхоянского хребта, только речной путь позволяет выполнять грузоперевозки в эти отдаленные места через Восточно-Сибирское море. Погодные условия характеризуются длительной зимой – девять месяцев и коротким летом – три месяца тепла, при этом о коварности зимы свидетельствует закрепление за Верхоянском и Оймяконом звания «полюсов холода», что снижает природные возможности жизнеобеспечения. Со второй половины XIX в. для поддержки жизнеспособности населения необходимыми факторами служили завоз продуктов первой необходимости и охотничьего снаряжения по морю и меры областных органов власти по спасению голодающих. Труднодоступность арктических территорий повышала спрос и соответственно цены на завозимые товары, чем определялись злоупотребления и грабительские условия северной торговли. Неэквивалентный расчет за пушнину приносил купцам большую прибыль.

Исторически сложившиеся хозяйственные традиции сохранялись в течение длительного времени; тунгусы, ламуты, чукчи, юкагиры, оленекско-анабарские якуты, отнесенные к категории «бродячие инородцы», были кочующими оленеводами. К 1917 г. в Верхоянском округе численность оленей составляла 57442 гол., в Колымском округе – 55000 гол., до 1928 г. количество оленей уменьшилось на 40 тыс. гол. [Клоков, 2001]. Основными причинами являлись го-

лод в первой половине 1920-х гг. на Севере и массовая реквизиция оленей, единственной тогда тягловой силы на Севере, в период повстанчества. Якуты, отнесенные к категории «кочевые инородцы», вели скотоводческое хозяйство, сезонно перемещаясь по сенокосным угодьям и выпасам. По Г.П. Башарину [1962, с. 20], к 1917 г. в северных округах насчитывалось 5485 голов рогатого скота и 4886 лошадей. Русские арктические старожилы в низовьях рр. Индигирки и Колымы вели комплексное хозяйство, где равнозначно жизнеобеспечивающими занятиями были охота на песца, диких оленей и птиц, собаководство, рыболовство. В суровых условиях Арктики по причине неустойчивости системы жизнеобеспечения для всех северных культур традиционно охота и рыболовство выступали в качестве важнейших промыслов.

После победы Февральской революции в России народное собрание в г. Якутске 4 марта 1917 г. избрало Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) как орган Временного правительства в Якутской области. По предписаниям Российского Временного правительства ЯКОБ образовал ряд комиссий, в том числе Продовольственную, и милицеские органы, учредил институт уполномоченных. На местах начали создаваться КОБы, смешанные по представительству, куда входили купцы, крестьяне, мещане, духовенство, интеллигенция. На них возлагались полномочия «по охране частной и государственной собственности, порядку и спокойствию, учет запасов всех продуктов первой необходимости и исполнение всех постановлений Якутского КОБа», оплата по содержанию членов должна была производиться из Якутска при «предоставлении сведений о деятельности каждого с подробным указанием всего, что было сделано или предпринято за время существования» [Протоколы...]. Продовольственные комиссии становились стратегическими центрами влияния на население [Федоров, 2010, с. 73]. В условиях завоза товаров первой необходимости, товарного дефицита, спекулятивных цен мероприятия Продовольственных комитетов были направлены на обеспечение населения продовольствием, учет товаров, введение карточной системы и регулирование цен. Этот период отличался высокой активностью в самоорганизации населения в форме различных народных собраний, чему должен был способствовать институт уполномоченных

(комиссаров) Временного правительства. Так, в Верхоянский округ был направлен окружной комиссар А.Е. Кулаковский, им были организованы народные собрания по созданию Устьянского, Булунского КОБов и продкомитетов [НА РС(Я), Ф. 20]. Впоследствии опыт делегирования представителя центральной власти на места был использован советскими и российскими властями.

Народными собраниями на местах были созданы Верхоянский КОБ (1 апреля 1917 г. – 10 октября 1918 г.), Продовольственный комитет [Циркуляры...]; Устьянский КОБ (23 апреля 1917 г.), Продовольственный комитет; Булунский КОБ (24 апреля 1917 г.), Продовольственный комитет [Приговор...]; Абыйский КОБ (16 мая 1917 г.), Продовольственный комитет [Ведомость...]; Устьоленекский сельский КОБ (11 октября 1917 г.), Продовольственный комитет; Аллаиховский КОБ (декабрь 1917 г.), продкомиссия [Присяга...]. На волне народной активности в сентябре 1917 г. в Булуне был создан «Союз рабочих и бедняков», названный рабочей партией, боровшейся против повышения цен на продукты и товары. Осенью 1917 г. в г. Верхоянске возник филиал партии федералистов, в 1918 г. его члены составили большинство при выборах окружного КОБ. Но новые демократические органы не везде были избраны. Так, в Верхоянском улусе, в Кюпском и Эжанском родах Жиганского улуса остались в полном составе инородная управа и родовые управления [Шелехова, с. 53]. Архивные документы свидетельствуют о принятии мер Верхоянским КОБом по контролю фиксированных цен на товары первой необходимости и введению карточной системы с определением норм для сельских и городских жителей, по устройству лавки для розничной торговли мясом, по доставке медикаментов из Якутска до распутицы, по выдаче пайкового довольствия казакам из общественной лавки, о взыскании податей и т.д. [Переписка...].

В г. Среднеколымске 10 апреля 1917 г. первое свободное народное собрание избрало Колымский КОБ, который состоял из мещан, казаков, духовенства, служащих, рабочих, бывших полицейских. Колымский продкомитет был избран только 3 октября 1917 г. Из общественных организаций можно отметить создание комитета партии эсеров, профессиональных союзов: «Союз рабочих всех профессий», «Союз матросов», «Первый колымский торгово-промышленный кооператив». Нижнеколымский КОБ был избран в

августе 1917 г., Продовольственный комитет – 30 августа 1917 г. Для объективности картины необходимо прояснить ситуацию о политической деятельности глубоко на Севере, где в окружных центрах на момент революционных известий пребывали политические и административные ссыльные, которые активно откликнулись на формирование новых органов власти и общественных объединений.

В мае 1918 г. в северных округах началась кампания по передаче дел земству: Верхоянская продовольственная комиссия была переименована в «Верхоянскую продовольственную управу со списком того же состава», переизбрание членов состоялось в декабре 1918 г. уже в Верхоянскую уездную комиссию (после административных преобразований временного правительства А.В. Колчака) [Протоколы...].

В период Гражданской войны смена власти обусловила создание различных органов, при этом объем полномочий на северных территориях в основном был направлен на организацию вывоза в центр пушнины, обеспечение населения продовольствием. Исследователями отмечен последний организованный властями завоз товаров первой необходимости в северные округа в 1917 г., когда в Якутскую область было завезено всего 155 тыс. пудов грузов, в т.ч. и в Колымский округ из Владивостока [Федоров, 2010, с. 74]. Установленный в ноябре 1918 г. режим временного правительства А.В. Колчака внес административные изменения в наименование территориальных единиц: округа и улусы стали уездами и волостями. Были ликвидированы органы Верхоянского КОБа, взамен образована Временная Верхоянская уездная комиссия. В уездных и волостных центрах были восстановлены инородные управы, должности улусных голов, старост и старшин. Для решения вопроса обеспечения населения товарами первой необходимости местные органы договорились о коммерческой поставке товаров в навигацию 1919 г. с американскими фирмами «Юровэта»; были созданы филиалы фирм «М. Вульфсон и К°» в Верхоянске и Среднеколымске, занимавшиеся скупкой пушнины [Шелехова, 1972, с. 7].

15 декабря 1919 г. в г. Якутске была установлена советская власть. Под руководством Временного ревкома Якутской области (20 марта 1920 г.) советская власть учреждалась по всей Якутии, в северные уезды были направлены уполномоченные по организации советской вла-

сти. С 1 января 1920 г. Верхоянский уездный совет якутских и казачьих депутатов приступил к властным полномочиям по организации советских органов власти, на места были направлены инструкторы. 22 февраля 1920 г. был организован Эльгетский улусный Совдеп, в марте 1920 г. – Устьянский, Верхоянский улусные Советы, в апреле 1920 г. – Советы тунгусских депутатов Кюпского и Эжанского родов. 23 февраля 1920 г. народное собрание жителей г. Среднеколымска избрало Временный революционный комитет. Известно, что по составу они не все отвечали пробольшевистскому содержанию, в большинстве наследные органы, не меняя своего состава, подвергались механическому переименованию. Так, Жиганский Совдеп, Абыйские наследные Совдепы были сформированы из членов бывшей инородной управы [Абыйский улус: история..., 2014; Жиганский улус: история..., 2012].

В условиях классового противоборства Гражданской войны были сформированы органы революционной политики – ревкомы. Временный якутский губревком изменил состав Колымского уездного ревкома (март 1920 г.) и Верхоянского уездного Совдепа (ноябрь 1920 г.), были введены командированные из г. Якутска коммунисты, позднее были образованы Верхоянский, Устьянский, Жиганский, Эльгетский волостные ревкомы, утверждены наследные ревкомы. В их чрезвычайные полномочия входила насильственная реквизиция пушнины, оленей, сопровождаемая политикой изоляции тойонов и кулаков по принятому постановлению Якутского губревкома от 29 сентября 1921 г. В последнем было предусмотрено применение административных и уголовно-правовых норм при проведении политики классового расслоения в Якутии, что вызвало широкое социальное движение в форме вооруженных выступлений 1921–1922 гг. Это движение возникло в обстановке глубокой экономической разрухи, допущенных серьезных ошибок военно-политического руководства, которые выражались в проведении политики изоляции тойонов и классового расслоения, в игнорировании национальных и исторических особенностей Якутии.

Объективные факторы задержали советское переустройство северных территорий, даже вести о революционных событиях поступали с большим опозданием [Шелехова, 1972, с. 44]. Как отмечал И.С. Гурвич [1966, с. 213], помимо географических препятствий, в этом сыграла

свою роль затянувшаяся борьба с белым повстанчеством: «...бассейн Колымы в 1923 г. был очищен от белобандитов, но на средней Индигирке они вплоть до 1926 г. терроризировали коренное население» [Там же]. Общим для сибирских территорий был целый ряд сопутствующих Гражданской войне факторов: «...спад промышленного производства, образование политических анклавов, что при неравномерном экономическом развитии отдельных регионов вело к кризису снабжения; транспортные проблемы, внутренние миграции, казнокрадство, спекуляция и т.п. явления обусловили перебои со снабжением, товарный дефицит, рост цен и соответственно падение уровня жизни» [Фоминых и др., 2002, с. 47–48].

Р.В. Шелехова [1972, с. 83] отмечает, что почти во всей Якутии не было единообразия в формах первых органов советской власти, что переход к единой системе ревкомов начался на Севере только во второй половине 1920 г. и продолжался до весны 1921 г. При этом мы приходим к выводу, что первоначально органы советской власти – и советы, и ревкомы – были органами народного представительства, чем определялся контент местного самоуправления. Однако из имеющихся фактов видно, что решения советских органов по важным вопросам принимались Якутским губревкомом, который согласовывал их с центральными, сибирскими органами власти. Так, из-за захвата грузов белоповстанцами в Оле, Нелькане продовольствие завозилось коммерческими рейсами американских фирм в обмен на пушнину. В лето–осень 1921 г. первоначальное распоряжение Якутского губревкома Колымскому ревкому о реквизиции пушнины у американских купцов по решению Наркомата торговли и Сибвнешторга было отменено, а Колымский уездный комитет обменял 12 тонн американского груза товаров первой необходимости на пушнину [Там же, с. 89].

После I губернского съезда представителей уездных и волостных ревкомов Якутской губернии (октябрь 1921 г.) Комиссия по подготовке документов об автономии Якутской области учредила новые органы власти: органами управления стали местные Советы, подчинявшиеся Совету народных комиссаров (СНК) и Центральному исполнительному комитету (ЦИК), народным комиссариатам. VII Всероссийский съезд Советов (5–9 декабря 1919 г.) поручил ВЦИК РСФСР разработать подходы к новому административно-хозяйственному делению РСФСР. Советское прави-

тельство предоставило автономиям право самостоятельно устанавливать границы своих территориальных образований в соответствии с бытовыми условиями, этнографическими традициями и принципом целостности территории.

Трудности по организации органов управления на северных территориях были связаны со сложностью политической обстановки в центре страны и Якутии, а также с отсутствием экономической возможности оказать материальную поддержку населению Севера. Так, важный для арктических территорий вопрос о завозе грузов был решен впервые после 1917 г. только в апреле 1923 г., когда были доставлены в северные округа 2 тыс. пудов товарогрузов на 176 оленях экспедицией комиссии ЯЦИК во главе с И.Н. Прядазниковым и военкомом М. Мезенцевым для организации советской власти на местах. В навигацию 1923 г. из Владивостока на Колыму 350 т груза на сумму 150 тыс. руб. золотом были доставлены пароходом «Ставрополь». В 1924 г. на этом же пароходе было привезено 300 т груза, только после этого постепенно был решен вопрос о товарном голоде [Очерки..., 1957, с. 145]. В 1925 г. СНК РСФСР выделил Якутской АССР безвозвратно ссуду в 6 млн. руб. для снабжения северных народностей с целью организации кооперативной торговли [История..., 1963, с. 104]. Поэтому круг полномочий органов власти на местах включал в основном задачи по снабжению продовольствием «по случаю неприхода парохода», огнестрельными припасами, перераспределению и отведению рыболовных песков [О выдаче...].

В соответствии с решениями XII съезда РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) об экономическом районировании были выработаны основные принципы по административно-территориальному делению автономий. В 1924 г. Дальревком издал «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока»; в 1925 г. Президиум ЯЦИК подготовил «Положение об органах власти кочевых и бродячих малых туземных народов Якутской АССР». Органами управления были установлены «родовые собрания, родовые советы». Фактически получилось, что использовались дореволюционные родовые управы, где избранными оставались бывшие родовые старосты [НА РС (Я). Ф.П-45].

Рассмотренный материал позволил сделать следующие выводы:

– до 1926–1927 гг. в улусах органы местной

власти в северных округах представляли по большей части руководство территорий по типу общественного самоуправления: по представительству различных слоев местного населения, по исполнению задач за счет местных финансовых возможностей, по полномочиям, направленным на обеспечение жизнедеятельности жителей;

– в северных улусах только по прибытии уполномоченных во второй половине 1920-х гг. началось постепенное, по мере освобождения от повстанчества, замещение представительства в органах управления богатых родовичей революционными кадрами. Местные улусные структуры сохранили преемственность с дореволюционной сельской администрацией. Организационно эти органы составлялись из наиболее активных местных жителей, принимающих конструктивные по сложившимся обстоятельствам решения. Ухудшение товарного снабжения вынуждало принимать меры по «недопущению голода», особенно в северных улусах. Вероятнее всего, именно поэтому там надолго задержались у власти экономически крепкие, могущие оказать материальную помощь, «родовичи», от которых зависело жизнеобеспечение рядовых улусников. Важным представляется, что на должности секретарей волостных органов очень часто избирали бывших до революции старшин и писарей улусных инородных управ – единственных грамотных среди местных жителей;

– наблюдается искусственность в создании органов власти на местах, происходило насаждение «сверху» форм государственного устройства по образцу центральных регионов, что вызывало непонимание местными жителями назначения некоторых органов власти, их компетенции. Особую сложность вызывал кадровый вопрос. На местах Верхоянского и Колымского округов по традиции в советы избирались «почетные родовичи»;

– по организационным формам также было сделано интересное наблюдение: первоначально создание «революционных» органов власти и общественных объединений шло по местной инициативе, как например, рабочая партия в Булуне, с исполнением властных полномочий по типу учреждений Временного правительства. Повсеместно о переходе к новым органам советской власти можно говорить только к середине 1920-х гг., местами даже в 1926–1927 гг.;

– события 1920-х гг. в Якутии проходили на фоне переустройства российского государствен-

ного строя, гражданское противостояние в первые годы советской власти в северных улусах было достаточно заметным явлением социально-экономической жизни. Население этих территорий довольно долго не могло иметь возможности для исполнения управленческих операций. Первые мероприятия советских органов были осложнены не столько происходившими событиями гражданского противостояния в регионе, сколько политической нестабильностью и слабостью управления со стороны центральных органов власти Якутии.

Литература и источники.

- Абыйский улус: история, культура, фольклор. – М., 2014.
- Алексеев Е.Е. Роль В.И. Ленина в установлении и упрочении советской власти в Якутии. – Якутск, 1962.
- Баширин Г.П. История животноводства в Якутии второй половины XIX–начала XX веков. – Якутск, 1962.
- Ведомость и списки Абыйской Продовольственной комиссии по выдаче продовольствия // НА РС (Я). Ф. 11. Оп. 2. Д. 3.
- Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М., 1966.
- Жиганский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2012.
- Журнал 1-го Чрезвычайного Якутского губернского земского собрания об избрании уполномоченным Якутского областного земства по Верхоянскому уезду А.Е. Кулаковского // НА РС (Я). Ф. 20. Оп. 1. Д. 12.
- История Якутской АССР. – Т. 3. – М., 1963.
- Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. – Ч.1: Республика Саха (Якутия). – СПб., 2001.
- Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии: в 2-х частях. – Якутск, 1979–1980.
- Макаров Г.Г. Северо-Восток РСФСР в 1918–1921 гг. – Якутск, 1988.
- НА РС (Я). Ф.П- 45. Оп. 1. Д. 35.
- Новгородов А.И. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Якутии. – Новосибирск, 1969.
- О выдаче продовольственных пособий разным обществам Колымского уезда в 1918 и 1919 гг. по случаю неулова рыбы и неприхода парохода // НА РС (Я). Ф. 29. Оп. 1. Д. 10.
- Очерки по истории Якутии советского периода. – Якутск, 1957.
- Переписка с Жиганской инородной управой и Верхоянским КОБом по вопросам снабжения. Сведения о движении товаров, о происшествиях, о приходах и расходах // НА РС (Я). Ф. 4. Оп. 1. Д. 16.
- Петров П.У. Установление советской власти в Якутии. – Якутск, 1957.
- Приговор жителей Жиганского улуса об организации особого Жиганского КОБ // НА РС (Я). Ф. 4. Оп. 1. Д. 66.
- Присяга членов Аллаиховского КОБ. // НА РС (Я). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1.
- Протоколы, отчеты и отношения об организации Верхоянского уездного Продовольственного комитета // НА РС (Я). Ф. 5. Оп. 1. Д. 13.
- Рышков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на Востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на Востоке России в период революции и Гражданской войны. – Вып. 2. – Новосибирск, 2012. – С. 126–157.
- Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. – Кн. 2. – Новосибирск, 2010.
- Фоминых С.Ф., Шевелев Д.Н., Черняк Э.И. Повседневная жизнь сибирского города в годы Гражданской войны // Россия в XX в. Реформы и революции. – Т. 2. / Под общ. ред. акад. Г.Н. Севастьянова. – М., 2002. – С. 46–51.
- Циркуляры областного комиссара и переписка с ним окружного комитета общественной безопасности о работе органов управления // НА РС (Я). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7.
- Шелехова Р.В. Борьба за советскую власть на Севере Якутии. – Якутск, 1972.

S.E. Nikitina

Arrangements for the establishment of the new government in the northern districts of Yakutia (1917–1925)

On the basis of modern approaches to history, extensive use of archival materials The formation of government in remote areas of northern Yakutia, where there was no constant information connection to the center. In the post-revolutionary period and on the outskirts of increased social activity. It is shown how this affected the formation of the government, their organizational and executive functions.

Keywords: Verkhoyansk and Kolyma regions, County Committee of Public Safety, revolutionary committees, the Soviets of People's Deputies, tribal councils, executive powers.

Т.В. Захарова

Офицерский состав якутского гарнизона сибирской армии А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.)

В статье обобщены некоторые данные об офицерах, служивших в Якутском гарнизоне Сибирской армии А.В. Колчака. Приведены данные о штатах и фактическом количестве офицеров, сведения об уровне военной подготовки и социальном происхождении.

Ключевые слова: Гражданская война, Якутия, армия А.В. Колчака, Якутская местная команда, офицеры белой армии.

На территории Сибири, не подконтрольной Советскому правительству, после восстания Чехословацкого корпуса (май 1918 г.) произошла консолидация антибольшевистских сил, которые летом 1918 г. приступили к формированию альтернативной государственности. В июле 1918 г. в Томске было создано антибольшевистское Временное Сибирское правительство под председательством В.П. Вологодского. Правительство, имея своей целью противостоять большевикам, приступило к строительству новых вооружённых сил – Сибирской армии.

Иркутский военный округ, к которому относилась Якутская область (кроме казачьих земель), в июле 1918 г. был восстановлен, военная организация создавалась по образцу дореволюционной. В Якутске снова стали действовать военные части и учреждения, составлявшие гарнизон. В первую очередь была воссоздана Якутская местная команда – единственное в регионе регулярное военное формирование, входящее в состав постоянной армии. Функции команды определялись Уставом гарнизонной службы: обеспечение порядка и дисциплины, караульная служба и надежная охрана и оборона хранилищ с вооружением, другими материальными средствами и иных военных и государственных объектов. Начальник Якутской местной команды также исполнял обязанности воинского начальника, который возглавлял восстановленное Якутское уездное по воинской повинности присутствие. Заключает список учреждений, составлявших Якутский гарнизон, сборный пункт – место, где содержались до отправки в действующую армию новобранцы.

По штатному расписанию, приложенному к приказу об организации местных команд от 18 августа 1918 г., в Якутской местной команде предполагались три офицера: один обер-офицер (подполковник, полковник), два штаб-офицера (от прапорщика до капитана). Однако по списку в команде состояло (по данным на ноябрь 1918 г.) 10 офицеров [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 18. Л. 201–203] (см. табл. 1). Из-за недостатка в штате команды офицерских должностей офицеры занимали унтер-офицерские должности и исполняли обязанности младших командиров, командовавших взводом (от 12 до 40 человек) и ротой (состояла из четырех взводов) [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 4. Л. 423].

Таблица 1

Штатное расписание и списочный состав Якутской местной команды на 01.11.1918 г.*

Состав	По штату от 18.08.1918	По списку на 1.11.1918
Штаб-офицеры	1	1
Обер-офицеры	2	9
Зауряд. военные чины	–	1

* Составлена по архивным документам: РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 18. Л. 370

Штаты местных команд претерпели изменения с приходом к власти А.В. Колчака (ноябрь 1918 г.). В феврале–марте 1919 г. было проведено укрупнение воинских частей Иркутского военного округа (ИВО), местные команды преобразовали в батальоны (табл. 2).

Таблица 2
Штатное расписание и списочный состав
чинов Якутского местного пехотного
батальона (май 1919 г.)*

	По штату на 1.05.1919	По штату на 18.05.1919	По списку на 9.04.1919	По списку на 25.04.1919	По списку на 10.05.1919	По списку на 17.05.1919
Штаб-офицеры	1	2	–	–	–	–
Обер-офицеры	14	18	17	17	17	17
Военные чиновники	1	2	–	–	–	–
Всего:	16	22	17	17	17	17

* Составлена по архивным документам: РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 18; Д. 19. Л. 362, 392. Д. 87. Л. 30 об. – 31.

В конце января 1919 г. в области одновременно с объявлением военного положения было введено военное управление. Приказом по войскам Иркутского военного округа от 28 января 1919 г. (на основании Постановления Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 г.) было объявлено, что права и обязанности по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Якутской области возлагаются на начальника гарнизона г. Якутска, с наименованием последнего «уполномоченный командующего войсками Иркутского военного округа по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Якутской области» [НА РС(Я). Ф. 217. Оп. 1. Д. 35. Л. 2]. Вместе с должностью уполномоченного 15 февраля 1919 г. была введена новая должностная единица, соответствовавшая условиям военного времени, – начальник военного района. При начальнике военного района создавалось управление, которое состояло из нескольких отделов: административного, комендантского, а также сборного пункта (место содержания новобранцев до их отправки в распоряжение штаба военного округа).

Таким образом, в Якутске формально стала действовать довольно сложная система управления, требовавшая штата офицеров. Как следует из приведённых выше таблиц, в Якутской местной команде с ноября 1918 по май 1919 г. служи-

ло от 11 до 17 офицеров; офицеры проходили службу в Управлении Якутского военного района и уполномоченного. Итого в Якутском гарнизоне в указанное выше время состояло на службе не менее 26 офицеров.

В связи с этим возникает вопрос, как Якутская местная команда (где до роспуска Российской армии служило не более двух офицеров) и Якутский гарнизон в целом были укомплектованы таким штатом офицеров.

Временное Сибирское правительство, пришедшее к власти на территории Сибири в августе 1918 г., объявило мобилизацию во вновь организуемую Сибирскую армию офицеров и военных чиновников [Новиков, 2005, с. 119]. Только что вернувшиеся с фронта Первой мировой войны и едва начавшие гражданскую жизнь офицеры Якутской области вновь вернулись к военной службе. Подавляющее большинство прибывших на призывной участок не имели документов, и сведения для формулярных списков восстанавливались со слов мобилизованных.

Собранные архивные материалы, хотя и не всегда полные, дают некоторое представление об офицерах Якутского гарнизона. Как показал анализ, сведения о чинах – наиболее точные, так как в любых документах перед фамилией офицера указывался его чин. Большинство офицеров Якутской местной команды (12 из 26) имели чин прапорщика* – самый распространённый в годы Первой мировой войны. Этот чин присваивался выпускникам ускоренных выпусков военных училищ и школ прапорщиков.

Данные о кадровом составе известны на 81%. Большинство офицеров Якутской местной команды в звании поручика, подпоручика и прапорщика (13 из 19) обучались и получили первый чин в 1916–1917 гг. Двое офицеров сдали экзамен на чин при штабе дивизии, где служили в военное время (1905 г.); это было возможно только при наличии воинских заслуг. Все офицеры, получившие звание в военное время (ускоренные выпуски – до 1914 г., экзамен на чин в действующей армии), имели статус офицера военного времени и были некадровыми.

Кадровые офицеры Якутской местной команды, как правило, имели обер-офицерские, штаб-офицерские чины. Трое из четырёх офицеров этого звания получили военное образование

* Первый обер-офицерский чин только для военного времени, в мирное время не присваивался.

в мирное время, один – в военное время. Из 16 некадровых офицеров Якутской местной команды один имел воинское звание штабс-капитана, три – поручика, два – подпоручика.

Сведения о боевом опыте отсутствуют у четырех офицеров. Большинство офицеров (21 из 22) имели опыт фронтовой войны и только один не был в действующей армии. Двое были участниками подавления Ихэтуаньского восстания в Китае в 1900–1902 гг., воевали на фронтах Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.), трое участвовали в двух из названных выше войн, 16 офицеров прошли фронты Первой мировой войны.

Не всегда в документах указывался возраст офицера, удалось установить возраст 17 из 26 офицеров (65%). Из 17 человек девять имели возраст от 21 до 30 лет, пятеро – от 32 до 38 лет. Один офицер был в возрасте 41 года, двое – 46 лет.

Данные о социальном составе офицеров неполны. Известно, что из 26 офицеров трое были из крестьян, трое – из духовного звания.

Интересные выводы по социальному составу офицерского корпуса армии сделаны учёными-исследователями истории Гражданской войны. Как пишет исследователь И.Н. Гребенкин, во время Первой мировой войны из-за массовых потерь кадрового офицерского состава на ускоренных курсах военных училищ и в школах прапорщиков были отменены ограничения по сословному признаку, и офицерство в целом «...включало преимущественно образованных или хотя бы грамотных людей» [Гребенкин, 2010, с. 53].

По наблюдениям С.В. Волкова [2003, с. 307–308], после Первой мировой войны 80% офицеров русской армии были выходцами из крестьян. Первый офицерский чин давал многим из них возможность перейти из своего сословия в новую, более высокую социально-профессиональную общность. Известный американский учёный П. Кенез писал, что лидеры белого движения – выходцы из низов (например, Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин) – не смогли воспользоваться своим происхождением и предстать перед народом в качестве «своих». П. Кенез [2007, с. 20] назвал несколько причин этого: 1) выйдя из своего сословия, офицеры не желали иметь ничего общего с «невежественными крестьянами, из которых состояла армия»; 2) условия жизни искусственно разделяли офицеров и солдат; они жили как будто в разных мирах. Таким образом, портрет

среднестатистического офицера Якутской местной команды таков: это прапорщик, из крестьян или духовного звания, некадровый, в возрасте до 30 лет, прошедший Первую мировую войну.

Набранный материал позволяет сделать вывод, что появление новой для Якутии социальной группы – офицерства связано только с мобилизацией на Первую мировую войну, поскольку действовавшая до 1914 г. система мобилизации не давала возможности новобранцам и ополченцам получать офицерские чины (молодые люди, имевшие возможность по образовательному цензу претендовать на офицерское звание, не призывались). Так, будущие офицеры М.И. Гордеев (отряд под его командованием занял Якутск в августе 1918 г.), И.С. Захаренко, Е.И. Сухонин были призваны на войну в 1915–1916 гг. и получили первое офицерское звание за военные заслуги. Часть якутян, как видится, были призваны вне Якутии, из учебных заведений, где обучались на момент наступления призывного возраста (например, и.о. начальника Якутской местной команды С.М. Расторгуев). Офицерские звания были получены в результате обучения на ускоренных курсах. Пребывание молодых людей в офицерском звании было сравнительно кратковременным (два–четыре года) (с момента получения звания и до большевистского переворота 1919-го года в г. Якутске). Однако условия их жизни и материального обеспечения в корне отличались от солдатских, что довольно быстро способствовало отрыву молодых людей от своей социальной среды (большинство были выходцами из крестьян). Офицеры Якутской местной команды находились на государственной службе и получали от правительства А.В. Колчака жалованье и другие виды выплат (жалованье, столовые деньги, квартирные).

Офицеры Якутской местной команды занимались обучением новобранцев первоначальным военным знаниям и навыкам. В Национальном архиве РС(Я) сохранилось расписание занятий с солдатами с 6 января по 1 марта 1919 г. Занятия проводились 6 дней в неделю (воскресенье – выходной). Обучение шло в нескольких направлениях. Первое: стрельба и движение на поле боя (стрельба из сомкнутой и разомкнутой шеренги, в цепь; размыкание и смыкание шеренги, выстраивание рядов; движение к противнику – скрытое и открытое, умение держать направление, связь с товарищами, передача приказа по цепи, шты-

ковой бой, фехтование и пр.). Второе: устав гарнизонной и караульной службы (ночной обход и дозор, обязанности должностных лиц, регламент гарнизонных мероприятий и пр.) и первоначальные военные знания (деление войсковых частей, род войск и их назначение, чины и звания военнослужащих, умение различать их и обращаться к ним, чины и фамилии прямых начальников, вплоть до Верховного главнокомандующего включительно). Третье: разборка и сборка итальянских винтовок Веттерли-Витали (в русской армии использовались в качестве учебных). Четвёртое: воинский устав [НА РС(Я). Ф. 170. Оп. 1. Д. 13. Л. 36–37 об., 47–48 об.].

Кроме обучения военным навыкам в команде организовывались ротные школы, где солдат обучали грамоте. Так, среди документов обнаружен приказ от 28 февраля 1919 г. о списании в расход денег, потраченных на покупку 30 экземпляров азбук [Там же. Л. 44 об.]. Кроме этого выявлен приказ об организации ротной школы от 2 октября 1919 г. [Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 124. Л. 31 об.]. Обучение было возложено на прапорщика Е.И. Сухонина, имевшего специальное педагогическое образование [Там же].

Как уже было сказано выше, Якутская местная команда в основном занималась гарнизонной (караульной) службой. Однако в условиях Гражданской войны она предпринимала военные экспедиции. Так, в октябре–ноябре 1918 г. экспедиционный отряд Якутской местной команды под командой поручика И.С. Захаренко преследовал членов Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь, г. Иркутск). Члены Центросибири в связи с отступлением Красной армии в июле 1918 г. эвакуировались из Иркутска.

Якутский уездный воинский начальник Н.Д. Попов доносил в Управление Иркутской местной бригады, что во время похода были убиты 12 членов Центросибири, доставлены в Олёкминск шесть военнопленных. Поручик И.С. Захаренко, по сведениям якутского уездного воинского начальника, захватил денежные ценности: сто тысяч рублей (не указана принадлежность к какой-либо денежной системе), чековую книжку Владивостокского банка на 1 млн. 300 тыс. руб. [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 18. Л. 340]. Куда были доставлены указанные ценности, в документах сведения не обнаружены. Возможно, они были отправлены в столицу сибирской государственности, в г. Омск.

В те же ноябрьские дни 1918 г., когда была захвачена группа Центросибири, был обнаружен

крупный, хорошо вооружённый партизанский отряд Конторовича, двигавшийся в сторону Алдана. Представляется, что сведения о красном отряде привёз поручик И.С. Захаренко. Якутский уездный воинский начальник подполковник Н.Д. Попов просил перед Управлением Иркутской местной бригады разрешить сделать разведку по пути следования красного партизанского отряда, вёзшего к тому же крупные ценности [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 18. Л. 340–342].

В сентябре 1919 г., когда положение на колчаковском фронте было критическим, часть солдат местной команды по приказу штаба Иркутского военного округа была отправлена на фронт. В телефонограммах № 12 и 13 от 19 сентября сообщалось об отправке 10 солдат [НА РС(Я). Ф. 169. Оп. 1. Д. 89. Л. 2–3].

Кроме этого имеются сведения, что солдаты и офицеры Якутской местной команды участвовали в боях на местных сибирских фронтах. Так, в приказе по управлению якутского воинского начальника от 20 октября 1919 г. содержится «Ведомость обмундированию, оружию и другим вещам, выданным ... для солдат [Якутской местной] команды, отправленных в составе отряда Якутского гарнизона на Усть-Кутский фронт 14 октября 1919 г.» [Там же. Д. 124. Л. 37–37 об.]. Из количества выданного обмундирования (валенки, шапки, ватные шаровары, полушубки и проч.) – 50 штук и пар – можно заключить, что из местной команды было отправлено на фронт 50 солдат.

В исследовательской литературе не обнаружены сведения об Усть-Кутском фронте. Известно, что в сентябре 1919 г. в Лено-Ангарском районе красными был образован Северо-Восточный фронт (командующий Д.Е. Зверев). Усть-Кут для Якутии был стратегически важным объектом, через который осуществлялась связь между областью и Восточной Сибирью. В ноябре 1919 г. за Усть-Кут шли бои, 13 ноября посёлок был занят красными партизанскими отрядами [Гражданская война ..., 1986, с. 361].

Таким образом, участие офицеров Якутского гарнизона в военных операциях носило в основном характер оборонительных боёв на местном фронте. Экспедиционным отрядам, формировавшимся по приказу местных органов управления, придавались разведывательные функции.

Поскольку большинство офицеров были выходцами из крестьян, большой интерес вызывает характер взаимоотношений между солдатами и

офицерами. Выявленные документы позволяют сделать вывод о том, что солдаты испытывали недоверие к офицерам. Так, по воспоминаниям бывших солдат, прибывших в команду из Киренска осенью 1918 г., их волновало отсутствие тёплой одежды и обуви (так как ехали в места, славившиеся сильными холодами). Солдаты решили требовать от начальства необходимое обмундирование и в случае отказа проявить непослушание и возвратиться в Киренск. Прибывшим осенью 1918 г. необученным солдатам-новобранцам сразу не выдали оружие, как они того ожидали; это было расценено ими как факт недоверия [В ночь на 15 декабря..., 1939, с. 2].

Тема недоверия между офицерами и солдатами, пожалуй, прослеживается наиболее чётко. Так, в августе 1919 г. якутский воинский начальник сделал запрос в Управление Иркутской местной бригады по поводу льгот по призыву. Солдатам команды стало известно, что киренский воинский начальник освободил от службы солдата, как имеющего льготу по семейному положению 1-го разряда (единственный сын в семье; единственный способный к труду в семье и т.д.). В телеграмме якутский воинский начальник писал: «Подобное освобождение волнует всех [солдат], имеющих фактически [эту] льготу, подрывает доверие [к] военачальникам, думая, что от них умышленно скрывают их права на льготу по семейному положению» [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 109. Л. 204, 205].

Летом 1919 г., когда армия А.В. Колчака терпела поражения, особенно обострились отношения между офицерами и солдатами. Так, начальник штаба Иркутского военного округа сообщал начальнику Иркутской местной бригады в секретной депеше (датирована 17-м июля 1919 г.): «Настоящий момент в жизни Сибири, на протяжении целого года борьбы с большевиками, является наиболее тяжёлым, наиболее угрожающим. Весьма резко складываются теперь результаты общей крестьянской темноты, полного непонимания сибирским и уральским крестьянином-солдатом идей государственности и правопорядка.

Прежде чем рассчитывать на дружественную помощь иностранных войск, необходимо принять зависящие [от нас] меры по сближению офицеров и солдат.

Ряд сведений указывает на то, что офицерский состав частей Иркутского военного округа относится к солдатам сухо-официально, необходимо использовать имеющееся время всемерной ин-

формацией солдат, пользуясь всем присылаемым ШИВО [штабом Иркутского военного округа. – Т.3.] информационным материалом, вести беседы на общегосударственные темы, разъясняя отношение настоящей власти к земельному и рабочему вопросу» [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 19. Л. 292].

Однако изменить ситуацию было уже невозможно. Ни отправка на фронт получивших дисциплинарные взыскания офицеров и солдат, ни организация бесед и полезных развлечений уже не могли поправить положение: в солдатской среде Якутской местной команды, как и во всей армии А.В. Колчака, полным ходом шло разложение. По свидетельству большевиков, руководивших осенью 1919 г. агитационной работой среди солдат местной команды, для «обработки» последних не потребовалось больших усилий, так как солдаты «... сверх ожидания были революционизированы ... и рвались расправиться с [офицерами]» [Кочнев, 1925, с. 4].

Литература и источники

В ночь на 15 декабря 1919 года // Социалистическая Якутия. – 1939. – 15 дек. Э (№ 283). – С. 2.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 2003. – 414 с.

Гражданская война в СССР: В 2 т. – Т. 2: Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922 г.). – М., 1986. – 446 с.

Гребенкин И.Н. Офицерство Российской армии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – №2. – С. 52–66.

Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. – М., 2007. – 287 с.

Кочнев П. 1919-й год в Якутске // Автономная Якутия. – Якутск. – 1925. – (15 дек. (№ 285). – С. 4.

НА РС(Я). Ф. 169 (Якутский уездный воинский начальник). Оп. 1 Д. 89 (Книга на записку входящих телефонограмм, поступающих в управление Якутского уездного воинского начальника). 30 л.

НА РС(Я). Ф. 169. Оп. 1. Д. 124 (Приказы по управлению Якутского уездного воинского начальника). 45 л.

НА РС(Я). Ф. 170 (Якутская местная команда). Оп. 1. Д. 13 (Приказы по Якутской местной команде). 48 л.

НА РС(Я). Ф. 217 (Управление Верхоянской уездной милицией). Оп. 1. Д. 35 (О введении военного положения в Якутской области). 14 л.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М., 2005. – 415 с.

РГВА. Ф. 39861 (Штаб Иркутской местной бригады). Оп. 1. Д. 4 (Приказы, приказания, распоряжения штаба бригады...). 495 л.

Там же. Д. 18 (Штаты местных команд Иркутского военного округа...). 445 л.

Там же. Д. 19 (Доклады, донесения командиров местных частей и начальников гарнизонов...). 633 л.

Там же. Д. 87 (Сведения о штатном, списочном и наличном составе частей бригады). 471 л.

Там же. Д. 109 (Переписка ... о призыве новобранцев...). 207 л.

T.V. Zakharova

Officers Siberian Yakut garrison A.V. Kolchak's army (November 1918 - December 1919)

The article summarizes some of the data about the officers who had served in the army of the Siberian Yakut garrison of A.V. Kolchak. The data on the state and the actual number of officers, information about the level of military training and social origin.

Keywords: Civil War, Yakutia, the army of A.V. Kolchak, Yakut local team, the officers of the White Army.

УДК902(571.56)«04/14»

Л.Н. Жукова

Якутские захоронения позднего средневековья в исследованиях музея им. Ем. Ярославского в конце XX в.

Публикуются результаты археологических работ, выполненных музеем в 1976–1978 гг. под руководством научного сотрудника Л.Н. Жуковой. Осмотр древнеякутских грунтовых захоронений производился в Чурапчинском районе ЯАССР и под г. Якутском.

Ключевые слова: женское и мужское захоронения, одежда, сопроводительный инвентарь, украшения, датировка памятников.

Систематические археологические работы были начаты Якутским республиканским краеведческим музеем им. Ем. Ярославского (ныне – Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского) в 1933 г. Участниками экспедиций являлись директор музея Михаил Иакимович Ковынин, научные сотрудники Сесен Иванович Боло, Григорий Андреевич Попов и Иван Дмитриевич Новгородов [Заборовская, 1966, с. 93; Бравина, Попов В.В., 2008, с. 19–27].

С 1937 по 1945 г. руководил археологическими работами этнограф И.Д. Новгородов [Березкин, 1960, с. 99]. За двадцать с лишним лет экспедициями были вскрыты 91 древняя грунтовая и арангасная могила в самом г. Якутске и его окрестностях, а также во многих районах республики (Анабарский, Сунтарский, Мегино-Кангаласский, Орджоникидзевский (ныне – Западно-Кангаласский), Намский, Усть-Алданский и др.) [Новгородов, 1955, с. 144]. В результате полевых

работ были добыты чрезвычайно интересные сведения о погребальных сооружениях и обрядах, предметах домашнего обихода, одежде, вооружении и украшениях, по-новому освещающие вопросы общественно-культурной жизни якутов XVII–XVIII вв. Эти материалы частично выставлены в экспозициях, хранятся в фондах музея и являются бесценными источниками в изучении исторического прошлого якутов.

С 1940 по 1943 г. научным сотрудником музея был Алексей Павлович Окладников, впоследствии известный археолог, академик, в то время возглавивший Ленскую историко-археологическую экспедицию. По материалам работ экспедиции изданы три тома «Ленских древностей», где впервые описаны археологические памятники бассейна р. Лены от палеолита до древнеякутской культуры [Окладников, 1945; 1946; 1950]. А.П. Окладниковым предложена периодизация археологических культур Якутии. Как считают д.и.н. Ю.А. Мочанов и д.и.н. С.А. Федосеева, еще

раньше попытку наметить систематизацию дописменных культур предпринял Г.А. Попов в книге «Очерки по истории Якутии» [Попов, 1924; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 38–39, 62–63].

В 1976–1978 гг. были возобновлены археолого-этнографические изыскания музея. По поступавшим от разных лиц сообщениям осмотрены древнеякутские грунтовые погребения, вскрытые во время строительных работ. Кроме того, по Открытым листам из отдела Полевых исследований Института археологии АН СССР, дающим право на осмотр и частичное вскрытие памятников, произведены работы в Жиганском и Мегино-Кангаласском районах ЯАССР. Итоги исследований по Открытым листам будут опубликованы позже; в настоящей статье изложены результаты осмотра древних случайно вскрытых погребений [Жукова, 1976; 1978; 1984].

30 августа 1976 г. из Министерства культуры ЯАССР в музей поступили отдельные вещи из старинного грунтового погребения у пос. Хатассы (окрестности г. Якутска). При осмотре места находки 6 сентября 1976 г. выяснилось, что мужское захоронение вскрыто бульдозером 27 августа в результате земляных работ в поле на окраине поселка. Оно находилось на глубине около 30 см, было полностью выбрано из земли, а место погребения распаханно. Часть вещей оказалась утраченной. Собранные предметы доставлены в фондохранилище музея, но, к сожалению,

коллекционная опись составлена только в 1995 г. Ко времени написания данной статьи часть собранных на месте захоронения предметов не сохранилась, лук частично восстановлен. Приведенное ниже описание найденных при осмотре места захоронения предметов взято из авторского отчета о результатах командировки в 1976 г.

Судя по сохранившимся частям, гроб был изготовлен из толстых, обтесанных топором плах. В нем находился костяк мужчины с остатками одежды и погребального инвентаря. На голову надета небольшая беличья шапка типа капора, покрытая сукном, с опушкой из лисьего меха, с завязками у подбородка. Возможно, из ровдуги, коровьей кожи с оторочкой из белого меха песца(?) была сшита верхняя одежда типа камзола с длинными рукавами. Отделка ее состояла из крученого конского волоса, цветных ниток, узких полосок кожи и цветного бисера. О другой одежде судить трудно из-за невыразительности сохранившихся фрагментов. Обувь мехом внутрь сверху была крыта ровдугой.

Относительно хорошо сохранился поясной ремень из толстой кожи (пряжка не обнаружена) с привязанными к нему колчаном с семью стрелами (справа), налучником со сложным луком и чехлом с плохо сохранившейся внутри него небольшой пальмой (слева) (табл. I, I).

Таблица I

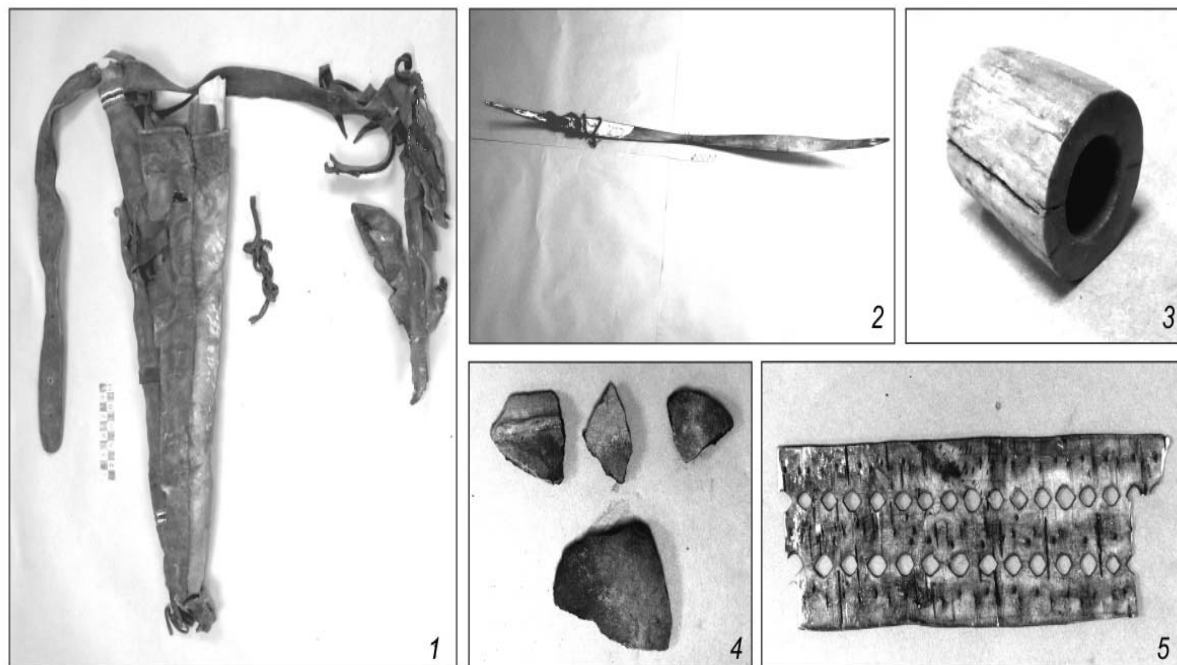

Таблица I. 1 — ремень с налучником, чехлом для пальмы и колчаном (кол. 5/345); 2 — лук (кол. 5/348); 3 — костяной наконечник стрелы «томар» (кол. 5/350); 4 — фрагменты глиняного сосуда (кол. 5/352); 5 — деталь урасы (кол. 5/349). Фото А.П. Абрамова.)

Лук (табл. I, 2) состоял из нескольких слоев дерева, обклеен берестяными полосками и обмотан на концах сухожильными волокнами. Рога лука были укреплены костяными пластинками, назначением которых является предохранение концов лука от растрескивания и расщепления при сильном натяжении [Константинов, 1971, с. 112].

Обычно лук имеет два налучника, одеваемых на его рога. В захоронении сохранился один, сшитый из ровдуги и украшенный металлическими бляшками, бусами и узкими полосками кожи, образующими сложный криволинейно-арочный орнамент*.

Тремя кожаными ремешками к налучнику крепился чехол с небольшой пальмой. Чехол также сшит из ровдуги, орнаментирован по окружности в верхней и нижней частях поясками белого, голубого и черного бисера. Из того же материала изготовлен колчан для стрел, украшенный узорами из пришитых полосок кожи.

Найдены древки семи стрел и два костяных наконечника. Один длиной 13 см, уплощенный, четырехгранный, с прямоугольным поперечным сечением. Второй тупой, в виде усеченного конуса, со сквозным цилиндрическим отверстием, относящийся к охотничьим так называемым «тома-рам» (табл. I, 3) По-видимому, три наконечника были из железа, о чем свидетельствуют проржавевшие остатки на концах древков стрел.

В погребении оказались фрагменты нескольких сосудов: низкой круглой деревянной чаши без орнамента на небольшом поддоне и толстостенного глиняного горшка с гладкими стенками, с невысоким валиком под бортиком. Тесто в изломе и на внутренней поверхности черного цвета (табл. I, 4)

Берестяных туеса два. От одного сохранились днище и боковая поверхность из двухслойной бересты. Наружный слой украшен тисненым кружковым орнаментом с точкой в центре, двойными узорами В-образной формы и прочерченными линиями (табл. II, 1)

От второго туеса подняты двухслойное днище и фрагмент боковой поверхности, украшенный тем же кружковым орнаментом в сочетании с прочерченными линиями (табл. II, 2)**. Кружковый орнамент известен народам Сибири с древних времен и трактуется исследователями как изображение солнца или глаза [Иванов, 1963].

Сохранились два небольших берестяных кружка различного диаметра: один, со следами прошивки по краю, возможно, часть берестяного сосуда.

Небольшая полоска бересты, орнаментированная двумя рядами сквозных округлых отвер-

Таблица II

Таблица II. 1, 2 – орнаменты на боковых поверхностях берестяных сосудов; 3 – топографический план местности у аласа Челем Чурапчинского района; 4 – искусственная земляная насыпь с захоронением. Справа у края насыпи Д.А. Дадаев

* Во время осмотра налучника в фондохранилище музея в мае 2015 г. металлические бляшки и бусы отсутствовали.

** В мае 2015 г. боковые поверхности двух описанных выше берестяных сосудов отсутствовали.

стей, является, по мнению исследователя раннего железного века Якутии и древнеякутской культуры, к.и.н. И.В. Константинова, в то время сотрудника лаборатории археологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, к которому мы обратились с просьбой прокомментировать находки, деталью урасы – летнего жилища якутов (табл. I, 5)

В целом весь погребальный инвентарь определен И.В. Константиновым как богатое захоронение якута-охотника. Об этнической принадлежности свидетельствуют некоторые особенности орнамента на одежде и предметах быта, уплощенный четырехгранный наконечник стрелы из кости. Им же на основе анализа охотничье-боевого инвентаря, немногочисленности привозных изделий (ткань, нитки, бусы) и небольшой глубины могилы (которая в Якутии увеличивалась с распространением христианства) определено примерное время захоронения – середина XVIII в.

По рассказам местных жителей и сведениям сотрудников лаборатории археологии ИЯЛИ, подобные погребения обнаружены в пос. Хатассы не впервые.

Другое якутское женское захоронение XVIII в. осмотрено в августе 1978 г. Осенью 1977 г. в музей поступило сообщение от директора СПТУ пос. Ожулун Чурапчинского района А.С. Шишигина о том, что при строительстве дороги Чурапча – Ытык-Кюель в 24 км от пос. Ожулун у аласа Челем бульдозером еще в 1976 г. было вскрыто старинное якутское грунтовое захоронение, не имевшее наземных сооружений. Только в августе 1978 г. удалось осмотреть место находки группой, в состав которой входили директор СПТУ А.С. Шишигин, трое учащихся СПТУ и табунщик совхоза им. Карла Маркса Д.А. Дадаев, проживавший с семьей в 4 км от захоронения в м. Василий алас.

Погребение находилось в 5 м от дороги на искусственной земляной насыпи, оставленной бульдозером (табл. II, 3). Далее в 10 м от насыпи высилась небольшая 2–3-метровая терраса аласа, поросшая лиственничной тайгой. На краю террасы стояла высокая старая лиственница, имеющая на вершине *кочей/кочай* в виде колоды прямоугольной формы с отверстием в центре. В.Л. Серошевский [1993, с. 624–625] в книге «Якуты» пишет, что в шаманском обряде жертвоприношения духам кожу жертвенного животного «с копытами, головой и хвостом вешают где-нибудь на ветвях дерева в глухой чаще. Тут же поблизости, часто на том же дереве, делают обыкновенно и

кочей или *кочай* – палку в сажень длиною, отделанную в виде стрелы и надетую высоко над землею на сучок между росохами какой-либо старой, ветхой лиственницы. В середине палки проделана дыра, острие палки всегда направлено на юг и чуть приподнято кверху; эта палка должна собою изображать дорогу, по которой шаман и жертвенное животное отправляются на небо». По рассказу Д.А. Дадаева, еще 30 лет назад здесь стояло 9–10 деревьев с подобными знаками. Но уже тогда никаких следов захоронения не было. Сведений о погребенных здесь людях также не сохранилось.

Тот же Д.А. Дадаев сообщил, что исследуемое погребение первоначально было несколько ближе к террасе и находилось на глубине около 1 м 10 см. Бульдозером оно было сдвинуто к дороге. По И.В. Константинову [1971, с. 153], на устройство погребения оказывали влияние два фактора – культ солнца и культ местности. В данном случае, несмотря на смещение, удалось установить, что погребенная лежала головой на запад вдоль длинной оси аласа, ориентированной по линии запад–восток.

При разборке насыпи были найдены угольки, части сруба из толстых обтесанных топором плах, фрагменты верхней половины колоды и множество берестяных фрагментов от полотнища, в которое была завернута колода.

Здесь же собраны кости нижней челюсти, шейные позвонки, ребро, кости голени. Состояние зубов нижней челюсти позволяет сделать предположение о преклонном возрасте погребенной. Имеются всего пять зубных гнезд, в которых сохранилось три зуба. Найден полуистлевший кол длиной 15 см, диаметром 5 см с заостренным концом. Возможно, это нижняя часть березки, обычно ставившейся в могильную яму.

Колода находилась на поверхности насыпи и была присыпана землей на 1–10 см, нижняя ее часть сохранилась хорошо, а верхняя сильно истлела и представлена фрагментами (табл. II, 4).

В колоде находился костяк старой женщины, лежавшей на спине со сложенными на животе руками. Кости были в анатомическом порядке, за исключением уже упомянутых, найденных в насыпи.

Некоторые кости черепа (сам он лежал глазами вниз, а нижняя челюсть отсутствовала), кости голени и стопы вывалились и были подняты нами из курганной насыпи.

Погребального инвентаря не было. Одежда совершенно истлела, но украшения ее дают воз-

Таблица III

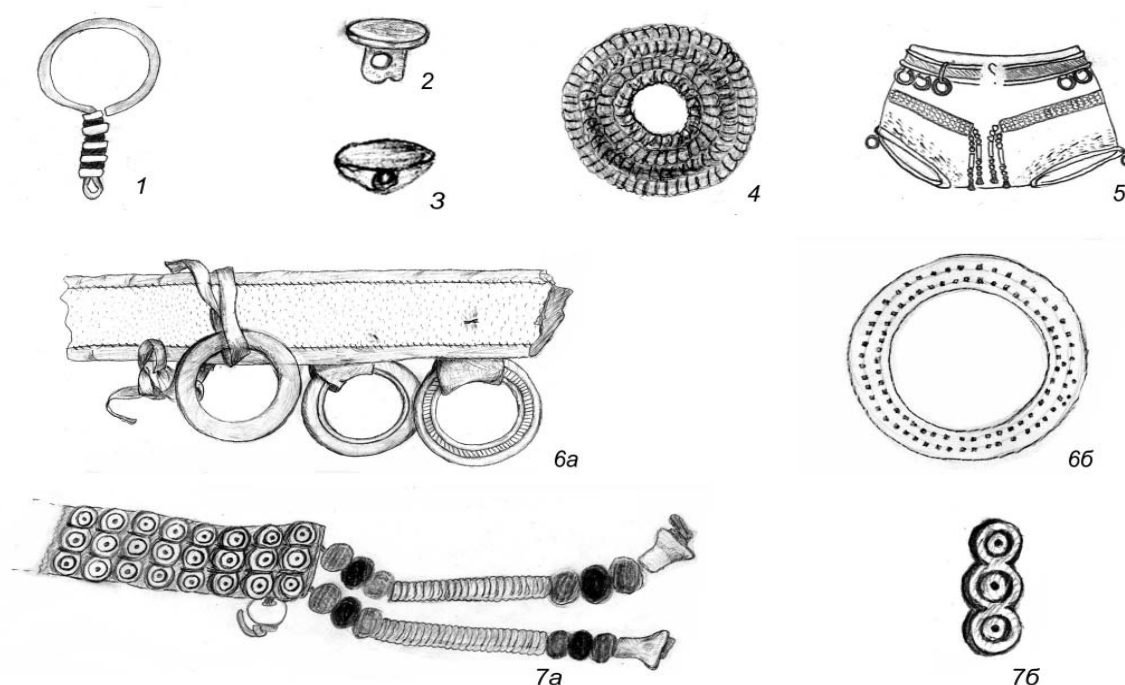

Таблица III. 1 – серьга (38391; А-44 ч.); 2, 3 – металлические пуговицы (38391/1, 2; А-45 ч., 46 ч.); 4 – узор из цветного бисера; 5 – общий вид натазников (реконструкция); 6а, б – кожаный пояс с металлическими кольцами (38391/3; А-47 ч.); 7а, б – украшения к натазникам из металла и бусин (38391/4; А-48 ч.)

можно предположить, что здесь была похоронена женщина среднего достатка.

На голову была надета шапка мехом внутрь, крытая сукном коричневого цвета. В мочки ушей вдеты по паре проволочных серег с нанизанными 9 плоскими бусинами черного и белого цвета (табл. III, 1). У трех сережек черные бусины заменены вырезанными из кожи кружками. Проволочные серьги встречаются почти во всех якутских женских погребениях, датированных не позднее конца XVIII в.

Верхняя одежда состояла из лисьей(?) шубы, в верхней части которой найдены две крупные голубые бусины и металлическая сильно окислившаяся пуговица с ушком (табл. III, 2). Под верхней шубой находилась нижняя, мехом внутрь. Шуба имела подклад из синей ткани, сверху украшена аппликацией из зеленого и темно-желтого сукна. Рассыпанный разноцветный бисер свидетельствовал о ее богатой вышивке. На груди сохранился небольшой фрагмент кожи с узором из концентрических кругов черного и голубого бисера, украшение в центре его отсутствовало (табл. III, 4). Под костяком в области

спины в ворохе истлевшей одежды обнаружены еще одна маленькая металлическая пуговица (табл. III, 3) и крупная голубая бусина.

Для сшивания одежды и наложения узоров использовались крученный конский волос, сухожильные нитки и тонкие кожаные ремешки.

На животе ниже фаланг пальцев лежали меховые рукавицы кожей наружу.

Более детально можно восстановить украшения натазников, изготовленных из хорошо выделанной шкуры ворсом внутрь (табл. III, 5). Сверху их стягивал кожаный пояс, снаружи на него нашта полоска черного сукна. Концы пояса соединялись, возможно, кожаными ремешками (табл. III, 6а). К поясу с боков на широких ремешках прикреплены по два кольца из окислившейся меди(?) диаметром 4 см. Одно из колец слева и два правых орнаментированы двумя резными ободками с короткими косыми насечками между ними. У второго кольца слева имеется только один резной ободок. Здесь же, слева, дополнительным тонким ремешком подвязано еще одно такое же кольцо, украшенное двойной опояской из неглубоких тычков подпрямоугольной формы

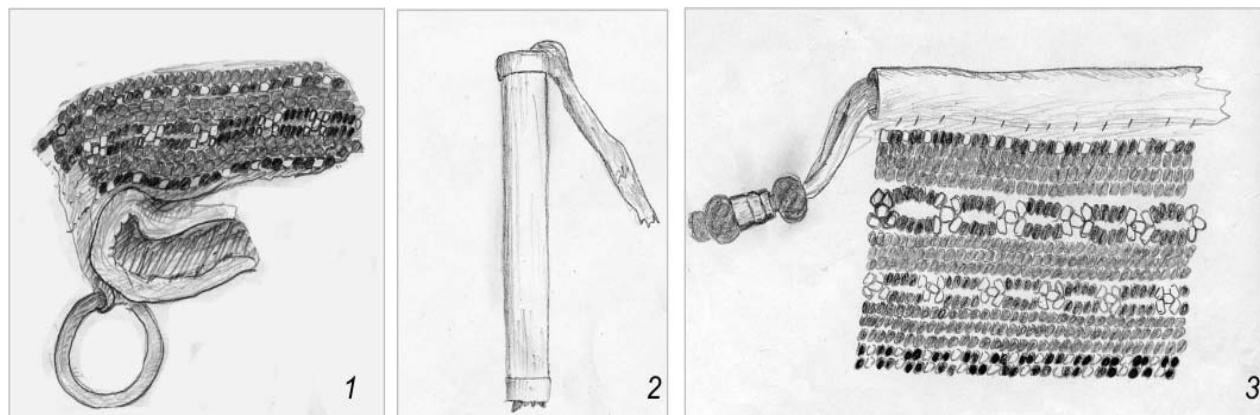

Таблица IV. 1 – фрагмент нижнего края натазников (38391/5; А-49 ч.); 2 – игольница(?) из металла (38391/8; А-52 ч.); 3 – фрагмент верхней части ноговиц (реконструкция) (38391/6; А-50 ч.)

(табл. III, 6б). Это кольцо подвязано на месте оторванного ремешка.

Спереди, примерно по средней линии натазников, пришиты два кожаных ремешка шириной 2 см, на них плотно одна к другой нашиты по 15 фигурных муравьиновидных бляшек, украшенных кружковым орнаментом с точкой в центре (табл. III, 7а, 7б). Концы ремешков имеют по две подвески из крупных бусин (голубая – черная – голубая), медных трубочек и колокольчиковидных подвесок с узелком внутри. Концы подвесок закреплены на внутренней стороне ремешков 1–2 бусинами и узлом.

Проймы натазников украшены 9 и более рядами горизонтального орнамента из белого, голубого и черного бисера. Ширина орнаментальной полосы 3,2 см. Снаружи, внизу пришиты два медных кольца (диаметр 2,5 см) для привязывания ноговиц (табл. IV, 1). Кроме того, в ворохе истлевшей одежды найдено еще одно такое же кольцо с короткими насечками и обрывками ремешков.

У левого бедра находилась полуразрушенная металлическая трубочка (игольница?) с фрагментом ремешка и следами бисерного украшения на противоположном конце (табл. IV, 2). Здесь же у верхнего края ноговиц лежали мелкие фрагменты рассыпавшегося железного предмета, а ниже, у колена, просматривалась та же железная крошка, смешанная с бисером. Возможно, это остатки одного железного предмета, но какого – определить не удалось.

Ровдужные ноговицы имели по верху кулиску и стягивались ремешком с двумя голубыми бусинами, металлической короткой трубочкой между ними и узлом на конце (табл. IV, 3). Шест-

надцать или более параллельных рядов горизонтального орнамента из белого, черного, голубого бисера украшали верхний край ноговиц. Орнамент идентичен узору натазников. Обувь не сохранилась. По некоторым фрагментам можно судить, что она была меховой, ворсом внутрь.

Перечисленные материалы исчерпывают все находки данного захоронения. Несмотря на плохую сохранность предметов одежды и отсутствие погребального инвентаря, в целом погребение может быть датировано не позднее конца XVIII в. Характерными датирующими элементами явились серьги, вдетые по две в ухо с 9 бусинами черного и белого цвета без дополнительных «поздних» привесок: монет, ажурных серебряных бляшек [Константинов, 1971, с. 81, 82], а также отсутствие ниток, незначительное использование ткани, глубина и способ захоронения в колоде.

Ко времени осмотра алас Челем не был населен, но в северо-западной его части сохранялись остатки деревянных построек. Прямо против осмотренного захоронения на противоположной террасе аласа находилось другое старинное якутское погребение с надмогильным сооружением типа небольшого амбара (*чардат*). К наиболее ранним, по-видимому, относится женское грунтовое погребение без надмогильного сооружения у подножья террасы. Не ясно, как соотносятся с ним стоявшие на террасе аласа старые деревья, от которых осталось только одно со стрелой *кочай*. Более поздним по времени (предположительно, XIX в.) является погребение с надмогильной постройкой в виде небольшого амбара.

Комплекс разнородных памятников свидетельствует о том, что в прошлом алас Челем был

населен, а перечисленные памятники принадлежат к середине XVIII–XIX вв.

Осуществленные в 1976 и 1978 гг. аварийно-спасательные работы Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского по изучению якутских захоронений были эпизодическими. Впоследствии к материалам якутских захоронений позднего средневековья обращался старший научный сотрудник музея, этнограф Ф.Ф. Васильев [1985]*. Итоги археологических изысканий музея за период с 1891 по 1986 г. освещены в небольшой статье Л.Б. Степановой [2008].

Систематический характер археологические работы музея стали носить начиная с 2004 г., когда научным сотрудником в отдел истории был принят В.В. Попов, с 2002 г. принимавший участие в работах Саха-французской археолого-этнографической экспедиции. Конкретные задания В.В. Попова заключались в поиске средневековых и более ранних погребений. Результаты раскопок введены в научный оборот [Попов, 2012; Бравина, Попов, 2008; Попов, Бравина, 2009; Попов, Николаев, 2008 и др.]; в республиканской прессе («Илин», «Кыым», «Саха сирэ») опубликован ряд научно-популярных статей.

В настоящее время работы комплексной археологической экспедиции, в которых принимают участие научные сотрудники ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского, Института гуманитарных исследований ИГИиПМНС СО РАН и Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, продолжаются.

Литература

Березкин И.Г. Археологические и этнографические материалы отдела истории дореволюционного прошлого / Якутский республиканский краеведческий музей им. Ем. Ярославского: Сб. науч. ст. – Вып. 3. – Якутск: Кн. изд-во, 1960. – С. 94–108.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 294 с.

Васильев Ф.Ф. Типология позднесредневековых железных наконечников стрел (по материалам археологических раскопок) // Тезисы докл. II конф. молодых обществоведов. – Якутск, 1985. – С. 13.

Жукова Л.Н. Находка в Хатассах // Социалистическая Якутия. – 1976. – 17 сент.

Жукова Л.Н. Это интересно: (Письма из музея) // Там же. – 1978. – 5 дек.

Жукова Л.Н. Археологические исследования Якутского государственного объединенного музея им. Ем. Ярославского в 1976–1978 гг. // Тезисы докладов V республиканской конф. молодых ученых и специалистов. – Ч. 2: Общественные науки. – Якутск, 1984. – С. 18.

Заборовская И.В. Этнографические коллекции Якутского краеведческого музея // Сб. научных статей (Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского). – Вып. 4. – Якутск: Кн. изд-во, 1966. – С. 93–101.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 500 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в.: (По материалам погребений). – Якутск, Кн. изд-во, 1971. – 212 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. – Якутск: АН РС(Я), 2013. – Т. 1. – 504 с.

Новгородов И.Д. Археологические раскопки музея (некоторые предварительные данные) // Сб. научных статей (Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского). – Вып. 1. – Якутск: Кн. изд-во, 1955. – С. 138–163.

Окладников А.П. Ленские древности. – Вып. 1. – Якутск: Кн. изд-во, 1945. – 85 с.; Вып. 2. – Якутск: Кн. изд-во, 1946. – 186 с.; Вып. 3. – М.; Л., 1950. – 195 с.

Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. – 1-е изд. – Якутск: Наркомпроздрав ЯАССР, 1924. – 122 с.; Он же. – 3-е изд. – Сочинения. – Т. 1. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2013. – С. 144–238.

Попов В.В. Новые открытия в палеоэтнографии якутов XV–XVIII вв. (по итогам археологических изысканий 2004–2012 гг.) // Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX–XXI вв.», посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. – Хабаровск, 2012. – С. 44–48.

Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). – Якутск: Бичик, 2009. – 30 с.

Попов В.В., Николаев В.С. Захоронения животных в обрядовой практике саха-якутов // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 194–212.

Серошевский В.Л. Якуты: (Опыт этнографического исследования). – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.

Степанова Л.Б. Археологические экспедиции ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского (1891–1986) // Сб. материалов X науч.-практ. конф. «Научно-исследовательская работа в музее» (29 нояб. – 1 дек. 2007 г.). – М., 2008. – С. 88–93.

* Библиографию работ Ф.Ф. Васильева см.: Васильев Федор Федорович // Венок памяти / сост.: А.Н. Жирков и др. – Якутск: Бичик, 2008. – С. 139–140.

L.N. Zhukova

The Yakut burials of the late Middle Ages in researches of the museum named after Yaroslavskiy at the end of the XX century

The results of the archaeological works are published. The work was carried out by the museum in 1976-1978, the leadership of the researcher L.N. Zhukova.

View the ancient burial ground of Yakutia was made in the area of Churapchinsky district YASSR and near Yakutsk.

Keywords: female and man's burials, clothes, accompanying stock, jewelry, dating of monuments.

УДК 903.2“06/10”

А.Д. Винокуров

Сравнительный анализ и реконструкция ламеллярного панциря раннего железного века Якутии

На основе анализа овально-прямоугольных панцирных пластин, найденных на территории Якутии, произведена реконструкция ламеллярного панциря раннего железного века. Установлена примерная датировка подобных панцирных пластин, связанная с древнетюркским временем VII–XI вв. н.э., и выявлены их аналоги среди памятников тюркской культуры Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Ключевые слова: панцирная пластина, ламеллярный панцирь, военные традиции, институт боотуров, поселение, реконструкция элементов вооружения, защитный комплекс, межродовые конфликты, миграция племен.

Изучение и сравнительный анализ панцирных пластин раннего железного века из фондов хранения музея археологии и этнографии СВФУ и Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского были первым этапом работы над реконструкцией ламеллярного панциря типа «корсет-кираса» на основе практического опыта реконструкции элементов вооружения и защитного комплекса ведущих отечественных и зарубежных оружейников [Горбунов, 2005а, с. 15].

С целью реконструкции ламеллярного панциря также произведена графическая реконструкция возможных схем их сборки и крепления. Для идентификации типа пластин была использована система классификации древнетюркских панцирных пластин, разработанная В.В. Горбуновым [2013, с. 25–29].

Необходимо отметить, что панцирные пластины овально-прямоугольного типа с 13 отверстиями впервые появились в начале IV в. н.э. у сяньбийцев и широко распространились среди народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Можно предположить, что пластины из памятников раннего железного века Якутии не характерны для коренных наро-

дов Севера. Учитывая датировку V культурного слоя поселения Улахан Сегеленнях (II–VIII вв.), где были найдены панцирные пластины, концевые роговые накладки лука хуннского типа, наконечники стрел, керамика, железные и костяные изделия, А.Н. Алексеев [1996, с. 24] выявил их сходство с подобными изделиями из памятников древнетюркской культуры.

Изучая панцирные пластины, найденные в археологических памятниках Якутии, А.Д. Степанов [1992, с. 173] выдвинул предположение об их аналогии с материалами мохэской культуры Среднего Амура IV–VIII вв. и предпринял первый практический опыт реконструкции на их основе ламеллярного доспеха. В то же время Е.И. Деревянко отметила влияние древнетюркских оружейных традиций, объясняя их торговыми и военными контактами среди сопредельных племен, в том числе и амурских мохэ [Деревянко, 1975, с. 187–190].

Овально-прямоугольные панцирные пластины были обнаружены в двух объектах культуры раннего железного века в Якутии:

1. Дюктайская пещера (р. Алдан, Алданский район). На предпещерной площадке обнаружена овально-прямоугольная панцирная пластина с 13

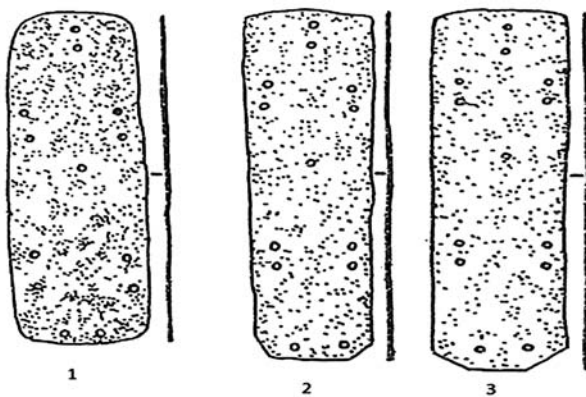

Рис. 1. 1 – пещера Дюктай, слой 3а; 2–3 – стоянка Улахан-Сегеленнях, слой 5-й. Рисунок А.Д. Степанова

Рис. 2. Панцирная пластина из жертвенника на острове Тойон Арыы. Фотография Е. Николаева

отверстиями (вариант А по Горбунову). Размер пластины 8×2,7 см (рис.1.1).

2. Многослойная стоянка Улахан-Сегеленнях (р. Токко, Олекминский район). В V слое найдены две панцирные пластины с 13 отверстиями. Размеры пластин 8,7×2,4 см и 8,9×2,5 см (рис.1.2, 1.3).

Находки панцирных пластин без конкретной хронологической датировки:

1. Остров Бэс-Юрях (р. Лена, Хангаласский улус). В жертвеннике обнаружена панцирная пластина с 13 отверстиями размером 9×2,5 см (рис.2).

2. Панцирная пластина из фонда хранения ГБУ РС(Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского»*. Пластина принадлежит коллекции якутского историка и этнографа Ф.Ф. Васильева, без конкретной географической привязки и хронологической датировки. Размер пластины 8,8×2,7 см (рис.3).

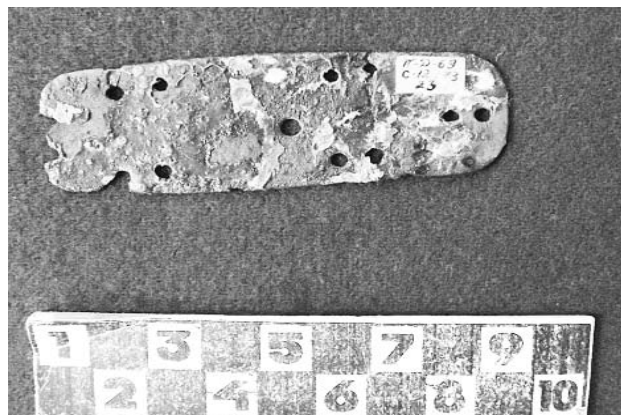

Рис. 3. Панцирная пластина из фондов ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. Фотография А. Абрамова

Хронологически пластины близки к аналогичным пластинам из памятников тюркской культуры V–XI вв. н.э. Центральной и Средней Азии. Все пластины, представленные на рисунках, согласно классификации В.В. Горбунова имеют овально-прямоугольную форму размером 7,0–9,0×2,0–3,0 см, и относятся к 3-му типу с 13 отверстиями, характерными для панцирей с гетерогенной ламеллярной структурой бронирования [Горбунов, 2013, с. 25]. Пластины данного типа имеют 13 отверстий для соединения путем скрепления кожаными ремешками в горизонтальные полосы. С целью придания жесткости горизонтальным полосам пластина имеет два отверстия в нижней центральной части для окантовки полосой кожи. В верхней центральной части пробиты два отверстия и в центре одно большое для соединения горизонтальных полос из пластин. На основании типа пластины и изученного материала мы можем предположить, что пластины данного типа скреплялись между собой с помощью кожаных ремешков в горизонтальные полосы, которые в свою очередь соединялись между собой методом «провиса» для обеспечения подвижности панциря.

Пластины данного типа идентичны овально-прямоугольным пластинам (тип 3, вариант а), найденным в семи памятниках древнетюркского времени на территории России и стран ближнего зарубежья (Кудыргэ – 4 экз., Загал – 2, Балык-Соок – 40, Сарыг-Булун – 1, Шурмак-Тей – 1, Монгун-Тайга – 2, Актерек – 8 экз.). Пластины с такой системой крепления впервые появились у сянбхи

* Инвентарный номер «П-Д-69, С.12.73 23»

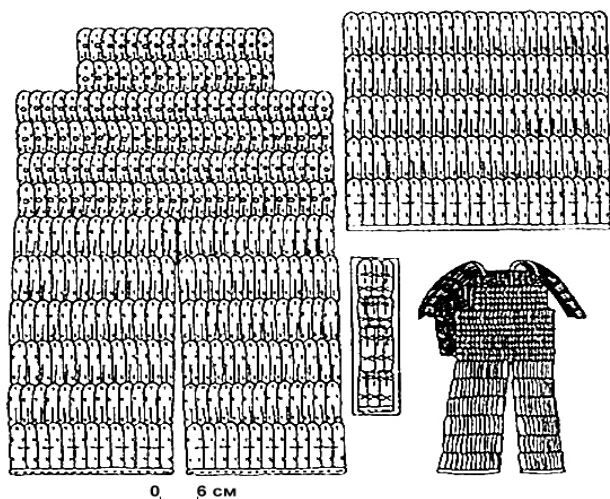

Рис. 4. Тюркский ламеллярный панцирь из Балык-Соок. Рисунок Г.В. Кубарева

и хуннов в начале IV в. н.э. [Горбунов, 2005б, с. 209] и в дальнейшем распространялись в обиходе у кочевых народов Евразии на протяжении IV—XIV вв. н.э. [Горбунов, 2013, с. 25].

Ламеллярный панцирь типа «корсет-кираса» с аналогичными панцирными пластинами из Балык-Соокбыл реконструирован Г.В. Кубаревым [2002, с. 92](рис.4), на основании чего мы можем предположить и предложить гипотетический способ вязки панцирных пластин раннего железного века Якутии путем соединения между собой панцирных пластин. Согласно Г.В. Кубареву, пластины из Балык-Соок были собраны в горизонтальные полосы путем наложения и соединения между собой способом диагональной вязки боковых отверстий пластин кожаными ремешками с перехлестом 0,8–1 см. Горизонтальные полосы соединялись между собой кожаными ремешками через центральные отверстия. Два нижних цен-

тральных отверстия предназначались для окантовки с целью придания жесткости горизонтальной полосе путем дополнительного закрепления пластин на кожаной основе.

Реконструированный ламеллярный панцирь из овально-прямоугольных пластин с 13 отверстиями раннего железного века имеет покроем «корсет-кираса» с наплечниками и набедренниками (рис. 5). Можно предположить, что кираса панциря была собрана из горизонтальных панцирных полос, соединенных методом «провиса» для сохранения подвижности (рис. 6). Наибольшее сомнение вызывает реконструкция формы и кроя наплечников. Чтобы прояснить этот вопрос, мы обратились к реконструкции ламеллярного панциря, выполненной Г.В. Кубаревым [2002, с. 92] из аналогичных пластин. Возможно, крой и способ ношения якутских набедренников на широком ремне «бэлэпчи», аналогичном киргизскому «белдемчи», имеют общие черты с панцирной набедренной юбкой степного доспеха, ниспадающей чуть ниже колена.

Вероятно, тяжеловооруженные всадники с ламеллярными доспехами были задействованы в боевых операциях, или несли пограничные функции, или обеспечивали боевое сопровождение продвижения ранних кочевников в глубь территории Якутии в первой половине I тысячелетия н.э., о чем свидетельствуют находки панцирных пластин в культурных памятниках Южной Якутии [Степанов, 1992, с. 168]. На основании анализа артефактов, найденных археологами при раскопках V–IV культурных слоев поселения Улахан-Сегеленнях, находящегося на р. Токко (бассейн р. Олекма), в статье «Ранние кочевники в Якутии» А.Н. Алексеев [2013, с. 62] предпо-

Рис. 5. Тяжеловооруженный всадник раннего железного века Якутии. Реконструкция и рисунок А. Винокурова

Рис. 6. Принцип сборки. Фотография А. Винокурова

жил возможный сценарий участия хунно-сяньбийского компонента в этногенезе и культурогенезе народа саха.

Железные ламеллярные панцири распространялись среди населения Якутии с эпохи раннего железного века вплоть до присоединения к Русскому государству в XVII в. К сожалению, из-за крайне ограниченного количества находок панцирных пластин и отсутствия экземпляров полного панцирного доспеха мы не имеем возможности проследить зарождение и развитие традиции изготовления ламеллярного доспеха на Северо-Востоке Азии.

В фольклоре сохранились сведения об использовании «боотурами», позднесредневековыми профессиональными якутскими воинами, защитного вооружения, что подтверждается архивными документами [Багрин, http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/zashhitnoe_vooruzhenie_sluzhilykh_ljudej_v_sibiri_i_na_dalnem_vostoke_v_xvii_nachale_xviii_vv_po_pismennym_istochnikam/41-1-0-143]. В якутском фольклоре и героическом эпосе олонхо имеются описания панцирей ламеллярного типа «тимиркуйах», собранных из пластин на ременной вязке. К сожалению, в настоящее время отсутствуют археологические находки доспехов, однако документально зафиксированы сведения о случаях обнаружения полных панцирей [Васильев, 1995, с. 114].

С присоединением Якутии к Русскому государству и появлением возможности решать межродовые конфликты в контексте российского правового пространства отпала необходимость в межплеменных столкновениях, требующих наличия наступательного и защитного военного комплекса. В связи с этим царская администрация в регионе принимала ясак оружием и доспехами, а институт боотуров исчез уже к концу XVII в. [Артемов, 1999, с. 18].

Таким образом, овально-прямоугольные панцирные пластины с 13 отверстиями из памятников раннего железного века Якутии мы можем идентифицировать как сходные с древнетюркскими. Предположительно, их появление на терри-

тории Якутии связано с хуннской и сяньбийской традициями изготовления элементов защитного комплекса.

Литература

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИФиЭ СО РАН, 1996. – С. 24.

Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник СВФУ. – 2013. – Т.10, №5. – С.62.

Артемов А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток, 1999. – С. 18.

Багрин Е.А. Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII – начале XVIII вв. (по письменным источникам) // Города и остроги земли Сибирской – электронный ресурс. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/zashhitnoe_vooruzhenie_sluzhilykh_ljudej_v_sibiri_i_na_dalnem_vostoke_v_xvii_nachale_xviii_vv_po_pismennym_istochnikam/41-1-0-143 (дата обращения: 24 мая 2014 г.)

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: НКИ «Бичик», 1995. – С.114.

Горбунов В.В. Методика реконструкции древнего оружия // Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 15.

Горбунов В.В. Пластины тюркского ламеллярного доспеха // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С.25–29.

Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т; под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. – Новосибирск, 2005. – С. 209.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск, 1975. – С. 187–190.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2002. – С. 92.

Степанов А.Д. Находки панцирных пластин на памятниках раннего железного века Якутии // Археологические исследования в Якутии: Труды Приленской археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука. 1992. – С. 168–173.

Comparative analysis and reconstruction lamellar armour early Iron Age Yakutia

On the basis of the analysis of ovate-rectangular plates of the early Iron Age of Yakutia of the VII–XI centuries reconstruction of a lamellar armor of ancient turk type is AD made. Approximate dating of these armor-clad plates of the VII–XI centuries connected with ancient turk time AD is established and analogs of armor-clad plates among monuments of Turkic culture of Southern Siberia, Central Asia and the Far East are revealed.

Keywords: armor-clad plate, lamellar armor, military traditions, bootur institute, settlement, reconstruction of elements of arms, protective complex, tribal conflicts, migration of tribes.

УДК94(571.54./56)«18»

В.В. Ушницкий

Батулинская проблема в этногенезе саха и бурят

Рассматривается происхождение батулинского рода, сыгравшего большую роль в этногенезе саха и бурят. Об этом свидетельствуют историографические материалы, накопленные с XVIII в. после работы Камчатских экспедиций. Топонимические и фольклорные источники говорят о большой роли батулинцев в этногенезе якутских улусов: Намского, Батурусского, а также вилюйских и верховяньских групп якутов.

Ключевые слова: этногенез, родовой состав, историография, научные экспедиции, фольклорные источники, топонимика, якуты.

Анализируя старинные фольклорные источники, сохранившиеся в материалах досоветской историографии, можно прийти к мысли, что в этногенезе саха исключительную роль сыграло весьма загадочное батулинское племя. Так, в материалах участников экспедиции И.И. Биллингса говорится о том, что «Омогой-бей, начальник батулинского поколения, пошел с народом своим и с табунами через землю бурятскую... к берегам р. Лены». В 1822 г. на страницах «Северного Архива» в статье о якутах также речь идет о переселении «батулинского поколения». В обоих материалах говорится о переселении саха из Барабинской степи и присоединении их к хоринцам [Гоголев, 1993, с. 117].

В досоветской историографии считалось аксиомой тождество между боотулу и батулинцами в составе бурят, более того в документах упоминались батулинцы. Их этническую связь признавали и исследователи советского периода. Следует указать и тот факт, что в акающих районах вместо *боотулу* принято было говорить *баатылы*. Таким образом, батулинцы в этих текстах выступают вроде как южные предки саха. В то же время *боотулу* представлены в качестве от-

дельного рода, что свидетельствует о вхождении их в состав саха в качестве подразделения.

Согласно Миллеру, якутов-саха можно подразделить на три группы (по нему – секты): «1. Батулинцы и хоринцы, почитавшие орла как наивысшее божество, самое близкое к божеству Урун Айыы. 2. Намцы и остальные относящиеся к ним волости, исключая бётюнцев, почитают лебедя так же, как вышеупомянутые орла. 3. Остальные улусы и волости, не относящиеся к двум, но все же почитающие орла под именем Хомпоруун Хотой» [Элерт, 2001, с.112–113].

По информации шамана Сотоя Трекина из Баксинской волости Мегинского улуса, к батулинской «секте» (родовому объединению. – В.У.) относятся: «1. Бахсынцы; 2. Батулинцы; 3. Сыланцы; 4. Игидейцы; 5. Джохсогонцы; 6. Тыарасынцы; 7. Оргеты; 8. Байагантайцы – все они относятся к особой секте, которая преимущественно называется Батулинской, так как Батулинская волость самая большая из них, и она разделена между тремя улусами, а именно, Батурусским, Кангаласским, Мегинским». Сам Г.Ф. Миллер к «Батулинской секте» относил и хоринцев [Там же].

Батулинскую волость (род) в документах XVII в. некоторые усматривают в жексогонцах (таттинцах). Действительно, предок жексогонцев Кэрэкээн-Ойуун (Нарекан) в архивных источниках выведен как один из родовых тойонов батулинцев. Известно, что в 1640 г. на Амге и в Татте проживал Батулинский род (Нарекановы дети) [Боло, 1994, с. 309]. Таким образом, одно из крупных подразделений саха – жексогонцы (таттинцы) также происходит от батулинцев.

Согласно некоторым вариантам якутской генеалогии, сына Омогоя Баарагай Баатылы иногда считают предком-основателем не только Баягантайского, но и Батурусского улуса. В Батурусский улус входили пять бологурских и семь хатылинских наслегов, помимо них, еще шесть наслегов, которые основали потомки прежнего Батулинского рода, – Хадаар, два Чакыра, Хоптого (прежние батулинцы-каптуги), Одьулуун, Хайахсыт [Там же, с. 28]. По предположению Б.О. Долгих, в Батурусскую волость, существовавшую в XVII в. отдельно от Хатылинской и Батулинской волостей, входили бологуры, жексогонцы, телейцы, тыарасынцы, жулейцы, хаяхсыты [Долгих, 1960, с. 363].

В XVII в. в архивных документах в качестве отдельной волости фигурируют батулинцы–каптуги и чакыры. Предки трех других наслегов современных батулинцев: Хадарского, Сулгачинского и Кугдинского – в XVII в. не упоминаются [Там же, с. 376].

Согласно Я.И. Линденау [1983, с. 21], род Энсиэли (намцы) также происходит от Омогоя, который был из рода Боотулу. По данным одной генеалогической таблицы, Нам являлся внуком Омогой Бая, сыном Баарагай Баатылы [Исторические предания..., 1960, с. 88].

Г.Ф. Миллер к батулинскому племени относил хоринцев и баягантайцев [Элерт, 2001, с. 112–113]. По данным Г.В. Ксенофонтова [1977, с. 305], сын Элэя Кэлтэгэй Тобук стал прародителем кангаласцев. По данным Н.Н. Ефремова, прародителем бётюнцев являлся человек из рода Баатылы [Иванов, 2011, с. 111]. Имя батулинцев образовано от слова *бата* – твердый, крепкий, постоянный в бурятском и монгольском языках [Там же, с. 115].

Прародителем рода Байагантай в фольклорных текстах иногда выступает Баарагай Баатылы, поэтому и баягантайцы могли также быть частью батулинцев. Сын Омогоя Баарагай Баатылы иногда считается предком не только Баягантайского,

но и Батурусского улуса. Следует подчеркнуть, что среди харганаевской, т.е. батулинской, группы родов хори-бурят существовал род мэнгэй, одноименный с крупнейшим племенем саха Мэнэ [Цыдендамбаев, 1972, с. 205].

Батулинцы почитали орла: «Предком этого Баатылы была, говорят, птица-орел. Батылинцы его не убивают и очень чтят. Женщины рода Баатылы, если увидят парящего орла, надевали, говорят, ровдужный кафтан, называемый тангалай, почитая его, как невестки своего свекра» [Исторические предания..., 1960, с. 63].

Кроме того, о сыне Омогоя Баарагай Баатылы сообщается: «Терпел нищету и питался добычею, которую приносила черная собака». Следовательно, бедность батулинцев и их занятия охотой и рыболовством были ходячей поговоркой [Ксенофонтов, 1992, с. 166]. То же сообщается и о баягантайцах; возможно эти два рода некогда имели общее происхождение. Баягантайцы и батулинцы не поминали в своих молениях Юрюнг Айыы, они не должны были пускать в свои табуны белого жеребца, не должны были держать веревку «сэлэ» [Ксенофонтов, 1977, с. 28]. Наконец, необходимо напомнить, что монголоязычные племена в древности были обитателями лесов, занимавшимися охотой и рыболовством.

Якутские антропонимы, относящиеся к именам жен, дочерей и сыновей Омогоя, находят объяснение в монгольских языках. Так, имя единственного сына Омогоя Дайбаахы Хара, жившего за счет охоты с помощью собаки, вероятно, происходит от монгольского слова *дайвах* ‘качаться, колебаться’ [Иванов, 2011, с. 204]. По одной фольклорной версии, Омогой имел дочь по имени Эмчэй [Боло, 1994, с. 41]. В основе этого имени лежит монгольское: «эмсгэр – щербатый» и бурятское «эмсэгэр – без передних зубов» [Там же, с. 200]. Эпоним Тюёнэ М.С. Иванов выводит от монг. слова *тооно* – ‘прижигание» [Там же, с. 53].

Примечательно, что батулинцы, или же боотулу, встречались среди вилюйских и северных саха, однако считается, что они переселились на окраины Якутии, спасаясь от ясачного произвола. Название «боотулу» зафиксировано в вилюйских, оленекских, жиганских и усть-янских группах саха [Васильев, 1985, с. 31]. Эгинцы Верхоянского улуса также считаются подразделением батулинцев [Долгих, 1960, с. 376, 463].

В легенде о происхождении праздника Ысыах в записи Г.Ф. Миллера, опубликованной

А.Х. Элртом, говорится о том, что в районе Якутска вначале жили лишь батулинцы. Потом с верховьев р. Лены приплыл на бревне человек из якутского народа, видимо, Эр-Соготох Элэй Боотур и дал начало народу саха, породнившись с батулинцами [Элерт, 2001, с. 269–270]. Следовательно, батулинцы, по этим данным, выступают в качестве аборигенов края.

Участник Камчатской экспедиции И. Линденау, проезжая в 1745 г. через Байкал, увидел укрепление в местности под чисто якутским названием Кёбюёлююр. В этой местности некогда проживал владыка Омогой из рода Боотулу [Линденау, 1983, с. 176]. Как видно, в этническом сознании саха XVIII в. сохранилось предание о том, что их предки рассматривали пребывание на территории Байкальского региона как один из этапов своей истории.

Представляется, что большую роль в этногенезе бурят играли роды под названием «батулинцы», встретившиеся с русскими в регионе Байкала. Существует версия о том, что хоринцы в Монгольском Алтае в XIII в. подчинили и ассимилировали часть тюрков во главе с батулинцами–харганаевцами [Цыдендамбаев 1972, с. 227]. Тюркоязычие последних доказывается тем, что одна половина хоринских родов – харганаевцы, судя по названиям родов, в прошлом была тюркского происхождения [Там же, с. 227].

Действительно, в русских документах XVII в. на территории Забайкалья упоминаются коринцы и батулинцы. Считается, что название «батулинцы» также относится к предкам нынешних кудинских бурят, являющихся одной из ветвей булагатов. Следует указать, что среди кудинских бурят существовали предания и о проживании их предков около Тобольска, оттуда они направились на восток и переправились через озеро Байкал. При этом большая часть ушла в Монголию, меньшая – в Якутию [Румянцев 1962, с. 164]. Так, генеалогия значительной части булагатов восходит к так называемой «Батлаевской семерке». Их предок Батлай считается потомком Алагуя [Нимаев, 2000, с. 171]. Следовательно, якутских боотулу можно считать сородичами булагатского племени бурят.

Обычно якутские исследователи считают батулинцев бурятским племенем. Поэтому следует определиться с тем, когда в Байкальском регионе начался процесс формирования бурятского этноса и с кем его следует связывать? И. Линденау,

опиравшийся на собранные им бурятские предания, указывал, что род Боотулу был сильнейшим среди местных, байкальских родов, предводителем его был Омогой [Линденау, 1983]. Таким образом, ко времени прихода тюркских предков саха в Прибайкалье там уже обитали боотулу, народ Омогой Баая.

Обычно этническую историю бурятских племен принято связывать с этносами, упоминаемыми в хрониках XIII в., поэтому исследователи корни батулинцев тоже пытались найти среди тюрко-монгольских племен той эпохи. Версия Ц.Б. Цыдендамбаева [1972], отождествившего батулинцев с тюркоязычными найманами, подвергается нами сомнению, так как найманы скорее были монголоязычными и сохранились под своим именем в составе современных тюрко-монголоязычных народов. Мнение Г.Н. Румянцева [1962], отождествлявшего батулинцев с туматами, основано на том, что туматы и хори могли быть фратриями единого племени, как и потом батулинцы, и, вероятно, относились к хоринскому племени. Однако в составе саха одновременно есть боотулу и туматы, что свидетельствует о том, что это все-таки различные этносы.

Надо отметить, что племя батулинцев в Забайкалье иногда именовалось как батуринское. Поэтому следует обратить внимание на имя одного из четырех древнеойратских племен домонгольской эпохи – батут. Название ойратского племени «багатут» или «батут» произошло от термина «батур» (богатырь) [Владимирцов, 2002, с. 293].

У донских калмыков есть станица Батлаевская, в которой жили представители рода багут. Багуты в составе калмыков считаются потомками баргутов. Их называют дойда-багутами, при этом смысл слова *дойда* не понятен современным калмыкам. Укажем, что этноним *дойда* сопоставим с якутским словом *дойду*, в значении 'родина, страна'. Отсюда, батулинцы могли иметь этнические связи с баргутами. Следовательно, баргуты сыграли огромную роль в этногенезе саха и бурят.

Получается, что батулинцы или батуты могли быть в числе ойратов, оттеснивших курыкан. В результате этих этногенетических процессов (смешения) и появились монголоязычные булагаты и хоринцы. Однако этимологическая связь имени рода *боотулу* – *баатылы* с названием ойратского племени *батут-багатут* довольно сомнительна. В составе саха есть

очень крупный род Боотур ага ууса, превратившийся в XVIII в. в отдельный крупный улус. Этимология рода Боотуруус (батурусцы) возводится к тюркскому термину *батур*.

Этноним *боотулу* исследователи сопоставляли с якутским словом «иноходец» или обозначением вида изгороди – «боотулу кюрюётэ». Батлаевцы в составе булагатов – потомки некоего Батлая, выступавшего в качестве предка булагатского племени. Имя забайкальских батулинцев в одном документе XVII в. написано как батуринцы. Это название близко к имени якутского улуса Боотуруус, в состав которых входили батулинцы (боотулу).

Литература

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Бичик, 1994. –

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 220 с.

Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. литература, 2002. – 560 с.

Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Наука, 1960. – 600 с.

Иванов М.С. Түгэх ёбүгэлэр (Древние предки). – Якутск: Бичик, 2011. – 256 с.

Исторические предания и рассказы якутов. – Ч. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск, 1975. – 212 с.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры / Акад. наук Респ. Саха (Яку-

тия). Ин-т гуманитар.исслед.; Ю.А. Мочанов. – 2-е изд., испр. – Якутск, 2003. – 92 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I., кн. I. – Якутск: Бичик, 1992 (1937). – 416 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Кн. I. – 607 с.

Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история: дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2000.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. – 400 с.

Остолопов Н. О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. – 1806. – Ч. I. – С. 118 – 147.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.; Л.: Наука, 1955. – 295 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I, кн. I – 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962. – 240 с.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», 1993. – 736 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая). Общественное сознание и литература XVI – XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – С. 107–124.

V.V. Ushnitskiy

Batulinsky problem in ethnogenesis Sakha and Buryats

This article discusses the origin of the batulinsky genus, played a major role in the ethnogenesis of the Sakha and Buryats. This is evidenced by the historiographical materials saved up from the XVIII century after work of the Kamchatka expeditions. Toponymic and folklore sources say of the importance role of batulin's people in the ethnogenesis of the Yakut uluses: Namsky, Baturusky and Viliuy and Verkhoyansk groups Yakuts.

Keywords: Ethnogenesis, generic composition, historiography, scientific expeditions, folklore sources, place names, Yakuts.

В.Е. Васильев

Теория «белого шаманства» народа саха в свете ранних источников

В отечественной этнографии утвердилось деление шаманов на «белых» и «чёрных», что отражало их расхождение на жрецов и колдунов, целителей. Но, судя по источникам, первые сведения о «белых» шаманах были записаны миссионерами. Это даёт право утверждать, что ранние источники требуют критического анализа со стороны современных религиоведов. На сложение известной теории о «белом» шаманстве определённый отпечаток наложило влияние мировой религии в лице православной церкви. Так, со времён тюрколога В.В. Радлова христиане видели в шаманах «слуг дьявола», а всех языческих богов и духов относили к сонму нечистых сил. Это привело к тому, что в первой научной монографии о «чёрной вере» у якутов их религия сопоставлялась с воззрениями иезидов – «идолопоклонников», почитавших солнце. Из всех религий шаманству не повезло больше всех: в советское время его часто считали шарлатанством, а камлания шаманов – дикими проявлениями спиритизма. Негативное отношение к шаманам со стороны историков сохраняется до сегодняшнего дня, и эта проблема требует более объективного научного анализа.

Ключевые слова: шаманизм, шаманы, Христос, Сатана, дьявол, слуги дьявола, Улуу Тойон, Атай Улан, олонхо, мифология.

Теория В.Ф. Трощанского о существовании «белого» и «чёрного» шаманства у якутов разделяется почти всеми учёными России. Первое сведение о белом шамане появилось в статье Н.С. Горохова «Юрюнг-Уолан» и давно стало аксиомой, не подлежащей сомнению [Алексеев, 1975, с. 12]. Тема «белого» шаманства обрела форму стройной концепции в советскую эпоху. Так, по мнению проф. А.И. Гоголева, культ солнца и магия плодородия оформляются в среде скифо-иранских кочевых племён, откуда берёт начало праздник *ыһыах* и связанный с ним культ творцов *айыы* во главе с верховным богом солнца и неба Аар-Айыы тойоном. Автор пишет, что развитие религии на ранней стадии истории, видимо, шло по двум путям – жреческому и шаманскому. Комплекс культов и обрядов саха, в основном не связанных с шаманством, имеет единые корни с верованиями тюркских народов Южной Сибири [Гоголев, 1980, с. 69–71, 76, 80–81].

Несмотря на стройность этой концепции, нам не стоит забывать, что ранние источники часто отражали не реальную жизнь, а степень восприятия тех или иных явлений создателем или переписчиком документа. Значит, мы изучаем материалы, прошедшие через призму взглядов людей прошлых эпох. В этом плане не представляет исключения и труд В.Ф. Трощанского, который в приложениях к своей книге включил комментарии купца и учёного-самоучки Н.С. Горохова [Трощанский, 1903, с. 149–150]. Таким образом, представление о

жрецах «Белого Бога» без каких-либо изменений пришло к нам из уст пересказчика и переводчика эпоса о светлом витязе Юрюнг-Уолане. Это даёт нам возможность проверить степень достоверности фактов, исходящих из первоисточника.

Для этого приведём отрывки из статьи Н.С. Горохова: «Для сношения земных человеков с Юрюнг Ай Тоеном существуют “*Аи оюна*”, шаманы *аи*, которые никому, никогда зла не могут сделать и не делают. *Аи оюна* не имеют никакого шаманского костюма, не имеют даже бубна, они только благословляют и выпрашивают милость Юрюнг Ай Тоена. *Аи-оюна* постоянно обращаются только к Юрюнг Ай Тоену, и только в одном случае, когда нужно излечить бесплодие, они обращаются к Маган сылгылах или к какому-нибудь другому небожителю, чтобы испросить сына. *Аи оюна* жертвоприношений не делают, т.е. не режут скотины в жертву, а только могут посвятить ту или другую скотину тому или другому небожителю и тогда на этом животном ничего не работают, берегут и холят... <...> Я лично знал нескольких *Аи-оюна* – это были действительно прекраснейшие люди – тихие, кроткие до нежности, безусловно, честные и искренно добрые. Глядя на них, трудно было усомниться в искренности их веры в свое призвание, тогда как *абасы-оюна* – дьявольский шаман – сплошь и рядом плут, протобестия, пройдоха, которому небезызвестны, кажись, ядовитость многих растений, употребляемых ими прямо для отравы.

Слово *аи* я перевожу 'святой, божий' по противоположности его слову *абасы* – дьявол. Вообще, всё мировоззрение якута делит видимый и невидимый мир на две части: на *аи* – божеское, святое, чистое и доброе и *абасы* – дьявольское, злое, нечистое. От слова *аи* производят и другое – *аиллыбыт* – созданный. О человеке, о скоте говорится: *аи айбыт киситя*, *аи айбыт сёсютя*, – созданный *аи* человек, созданная *аи* скотина» [Горохов, 1884, с. 56].

Из этой выдержки становятся очевидными следующие факты: Н.С. Горохов сообщал о благословителях, которые пели гимны в честь бога Юрюнг Аи тоена – «Белого Святого господина». Автор описал портрет крещёных шаманов конца XIX в., которые соблюдали требование церкви не совершать шаманские кровавые обряды и не приносить «чертям» жертвы. Эти шаманы *аи* отличались «добротой и кротостью», а злые «протобестии» могли отравить честных христиан ядовитыми травами, т.е. они были лекарями-травниками *отохут*. «Святой» шаман был антиподом «дьявольского» шамана, как Христос по отношению к Сатане. Интерпретируя слово *аи* с христианской точки зрения, автор приводил и исконное значение термина – 'создатель, божество'.

Тезисы Н.С. Горохова содержат противоречия. По аналогии с героями эпоса шаманы разделены на *аи* и *абасы*. Автор не совсем точно перевёл *юрюнг* как 'белый', сопоставляя Юрюнг Аи с Зевсом. При этом он понятие «белый» или «чёрный» шаман не применял. Образованный якут, обращаясь к европейским читателям, даже не посмел назвать *аи оюна* «божьем шаманом», так как прекрасно знал, что шаманы в христианском мире вообще олицетворяли «слуг дьявола».

Интересен факт, что *аи оюна* спрашивал детей у Маган сылгылаха ('Белолошадного'), под которым скрывался глава верхних злых духов Улуу Тойон. В материалах Г.Ф. Миллера настоящее имя Улуу Тойона звучало как Муна-Манган-тойон или Юссарагас-Муна-тойон. Вилуйские шаманы называли его «отцом» бога Юрюнг Аи. По мнению А.Х. ЭлERTA [2003, с. 98–99], наделение Улуу Тойона чертами злого демона может иметь глубокие корни. Эта тема, бесспорно имеющая параллели в бурятской мифологии, до сих пор достаточно не разработана.

По записям якутского этнографа А.А. Саввина, сунтарские хангаласцы сообщали о верхних предках лошадей (*сылгы тёрдө*) следующее: в

древности, когда народ саха ещё зарождался, покровители коней, которых нынче называют *абааһы*, на самом деле были творцами *айыы*. Для знакомства *билсии* люди посвящали им лошадей *ытык* и получали взамен созданный ими конный скот. Для обряда посвящения выбирались лошади особых мастей, которые имелись у верхних божеств. Позднее стали вселять в лошадей духов умерших, поэтому «предки коней», как и духи всех усопших, стали духами *абааһы*. На самом дальнем ярусе неба восседал грозный *Муна-барар Мунаа манган сылгылаах Мудан Эрили* [Саввин, 1937–1941, л. 164–165].

Полное имя этого творца переводится как 'Имеющий блуждающих бледно-белых лошадей Мудан Эрили'. Таким образом, настоящее имя Улуу Тойона – Мудан Эрили, а эпитет *мунаа манган* указывает на масть небесных коней. Имя *Мудан* можно сопоставить с як. *мудараан кун* 'ненастный день', 'непогода' [Пекарский, 1959, стб. 1617]. Следовательно, полное имя означает 'Грозный Эрили, насылающий непогоду'. Улуу Тойон также был хозяином коней светло-желтой масти *ыыс араҕас* (по Миллеру, «*Юссарагас*»), что связывает его с культом солнца.

В этом свете интересно описание праздника *ыһыах*, проведённого родом Тумэти в Мегино-Кангаласском районе в начале XX в. *Алгысчыт* обращался к верховному божеству *Үрүҥ Аар тойону* – создателю *айыыһыт* светлых коней *үрүҥ сылгы*, поднимал чашу *айах* над головой на высоте около трёх пальцев. Затем опускал чашу с кумысом до уровня бровей и призывал Улуу Тойона как творца *айыы* коней красной масти *улаан* [Ксенофонов, 1947, л. 11–12]. Упоминание Улуу Тойона вторым после Аар Тойона указывает на то, что у древних саха он по праву мог занимать и первое место как высшее племенное божество.

В.Ф. Трощанский утверждал, что якуты превратились в «поклонников дьявола» потому, что от них отвернулся *Юрюнг айыы Тойон*, и они вынуждены были обратиться к грозному богу грома *Улуу айыы Тойону* [Трощанский, 1903, с. 154–164]. Из этого видно, что Аар Тойон и Айыы Тойон по рангу стоят в одном ряду, замещая друг друга, а Улуу Тойон наделяется эпитетом «*айыы*» и как бы тоже включается в триаду высших богов пантеона, выступая вместо бога грома и молнии *Сүгэ-Тойона* («Топора-господина»). Но В.Ф. Трощанский умолчал о масти священных лошадей, созданных Улуу Тойоном.

В своё время Н.С. Горохов [1884, с. 57] писал, что в эпосе слово *улан* обозначает масть белой лошади. Схожий пример из «Гэсэриады» приводит бурятский филолог Б.С. Дугаров: в монгольских языках восходящее солнце наделяется эпитетом *улан*. А у части бурят существует обычай называть белую масть коней «красной» – *улаан*. Восточное божество Атай Улаан тэнгэри «обнаруживает солнечную природу» и напоминает Улуу Тойона, отколовшегося от культа творца Юрюнг Айыы [Дугаров, 2005, с. 77, 79, 82–86]. Все эти образы, по мнению автора, вполне сопоставимы, так как солярные *тэнгэри* западного неба также носили эпитеты *алтан* ‘золотой’, *шара* ‘желтый’ и др. [Дугаров, 2007, с. 52].

Мы согласны с мнением Т.В. Жеребиной [2011, с. 19, 98] о том, что две категории шаманов («белых» и «чёрных») могли быть очень близки. Однако автор утверждает, что якуты во время «чёрного ысыаха» приносили кровавую жертву Улуу Тойону во имя плодородия коров. Здесь парадокс заключается в том, что верхние боги выступали исключительно как коневоды и не содержали рогатый скот. Об общих чертах двух культовых систем пишет и А.И. Гоголев [1980, с. 76]: «Разумеется, жречество и шаманство имеют много общего, но вместе с тем существуют и различия, в основном, в методах “общения” с духами и божествами».

По мнению Т.В. Жеребиной, насильственный метод крещения привёл к религиозному синкретизму и созданию бытового «православного язычества». Мифология саха была дополнена образами из Библии, но церковь не добилась того, чтобы саха полностью отказались от шаманизма в пользу православного христианства [Жеребина, 2011, с. 60–134].

Почти схожую точку зрения на эту тему высказывал старейший якутский этнограф С.И. Николаев-Сомоготто, который не видел связи между религией и шаманством. Он считал, что слово *ойун* происходит от угро-самодийского *йунг* ‘живой дьявол’. Отсюда *айыы ойуна* означает ‘божий дьявол’. После прихода русских на Лену «охотники на дьяволов» начали подражать священникам и объявили себя «белыми шаманами». Позже они, как «набожные люди», стали ставить кресты и исполнять гимны *алгыс*. Именно эти бывшие шаманы и основали «православный шаманизм». Между прочим, последний автор, видя в шаманах «охотников за бесами», отрицал какую-либо связь шаманов с религией [Николаев, 2007, с. 45, 48, 50–53].

В своё время В.Ф. Трошанский был убеждён в том, что верования саха приближаются к верованиям иезидов – «поклонников дьявола», результатом чего стало отсутствие в «чёрной вере» саха этико-нравственной стороны. Хотя даже иезитские боги Мельк-Тауз и Сивва проповедуют некоторые нравственные принципы [Трошанский, 2012, с. 157–158]. Из истории известно, что курды-езиды своё самоназвание *езди* ‘божеский’ получили от древнеперсидского слова *Ezd* ‘Бог’. Они поклоняются верховному создателю мира, почитают солнце и огонь, что дает учёным основание видеть в езидизме остатки зороастризма. Мусульмане и христиане относили езидов к «поклонникам дьявола» и преследовали, превращая их в изгоев общества. Но сами езиды, становясь более замкнутыми и скрытными, всё же опровергают обожествление ими дьявола [Веселовский, 1991, с. 567].

Для выяснения этой проблемы вспомним хронику немецкого автора Гельмольда, который писал о славянах, поклонявшихся «Чёрнобогу». На этом малодостоверном факте некоторые исследователи построили гипотезу о том, что «Чёрнобог» мог иметь антипода в лице «Белобога». Но современные религиоведы отрицают существование у славян «чёрно-белых» божеств и считают, что такая трактовка появилась для того, чтобы приравнять славянских кумиров к Сатане [Топоров, 1995, с. 213].

Тюрколог В.В. Радлов свидетельствовал, что русское население Алтая воспринимало шаманство как «религию дьявола». По этому поводу учёный отмечал, что он далёк от мысли о том, что притесняемые шаманы сибирских «инородцев» могут быть много хуже жрецов мировых религий [Радлов, 1989, с. 366, 401–402]. Как видим, сопоставление иезидов и якутов, одинаково поклонявшихся светлomu солнцу и небу, имеет далеко идущие корни. Неслучайно и первые интеллигенты саха, собиравшие народный фольклор, находились под сильным влиянием труда о «чёрной вере» якутов – «инородцев» [Васильев, 2001, с. 141]. По этому поводу можно вспомнить слова Г.В. Ксенофонта о том, что скотоводы Лены «к шаманам относились неприязненно, смотрели на них как на служителей скверной профессии, чуждой исконным обычаям якутов» [Гоголев, 1980, с. 77].

Ныне всем понятно то, что в сталинскую эпоху учёные не могли писать в ином духе. Как нам кажется, в словах Г.В. Ксенофонта отражена попытка отгородиться от идеологии «чёрных»

шаманов, причисленных к «врагам народа». Обращение же к культу «белого» шаманства было более безопасно, так как данного культа в связи с крещением якутов, проведённым почти полтора столетия назад, давно не существовало.

Н.С. Горохов противопоставлял «святого» (но не «божеского») шамана «дьявольскому» шаману в свете антагонизма Христа и Сатаны. Его идеи были подхвачены автором «чёрной веры» у якутов. Возможно, В.Ф. Трощанский заимствовал мысль о существовании «Чёрного» и «Белого» богов у якутов из славянской старины. Однако современные учёные до сих пор приписывают Г.Ф. Миллеру и его товарищам неверное деление шаманов на «белых» и «чёрных» [Шишигина, 2005, с. 158]. Эти идеи дожили до наших дней благодаря трудам советских исследователей. Использование сомнительного источника из уст убеждённого христианина идеологи атеизма могли простить, ибо труды той эпохи были направлены против всех религий.

На наш взгляд, в примечаниях Н.С. Горохова шла речь о крещёных «полушаманах», которые до конца ещё не отошли от язычества. Именно потому эти бывшие шаманы были «кроткими до нежности» и ночью пугливо озирались на духов предков, а днём – на церковь, одинаково боясь кары с двух сторон. Примечательно мнение Н.С. Горохова о том, что всё мировоззрение якута делит видимый и невидимый мир на две части: на *аи* – божеское, святое, доброе и *абасы* – дьявольское, злое, нечистое. Эти слова стали опорой для зарождения идеи о дуалистической системе якутского мировоззрения.

При этом отнесение Улуу Тойона к сонму творцов показывает солярное происхождение всех главных божеств саха. Слабое упоминание этого мотива встречается в мифе о создании верховным божеством сразу «трёх солнц», которым поклонялись древние саха. Как утверждал В.Ф. Трощанский, в сказках якутов единое Небо распадается на божества солнца, видимого неба и облаков, которые затем разделились на благих и злых в лице Үрүн Айыы и Улуу Тойона. Благодаря *общему происхождению*, эти «разноцветные» боги сохраняли свою независимость до наступления христианства [Трощанский, 2012, с.154]. Таким образом, В.Ф. Трощанский тоже признавал, что культы *айыы* (добра) и *абааһы* (зла) в воззрениях якутов могли часто пересекаться.

Проблемы трансформации шаманизма под влиянием мировых религий являются отдельной темой исследований. По сути, схожие процессы гонений со стороны адептов христианства, буддизма и ислама в разные эпохи испытывали все тюрко-монгольские народы Сибири. В этом плане монография Т.В. Жеребиной является интересным опытом по изучению шаманства саха на переходном этапе от язычества к православию, который был прерван эрой торжества советского общественного устройства.

Литература

- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука. 1975. – 199 с.
- Васильев В.Е. Культ «белых» и «чёрных» шаманов у якутов: происхождение и сущность (постановка проблемы) // Россия и Польша: Историко-культурные контакты (сибирский феномен): мат. науч. конф. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 140–144.
- Веселовский Н. Езиды // Энциклопедический словарь. – Т. 22. Евреиновы – Жилон. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890 г. – Ярославль: Изд. центр «Терра», 1991. – С. 567.
- Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. учеб. пособие. – Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1980. – 108 с.
- Горохов Н. Юрюнг-Уолан. Якутская сказка. – Ч. I // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества / под ред. Н.Н. Агапитова. – Т. XV, № 5–6. 1884. – С. 43–60.
- Дугаров Б.С. Мифология бурятской «Гэсэриады»: восточные тэнгри. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 226 с.
- Дугаров Б.С. Мифология бурятской «Гэсэриады»: западные тэнгри. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 268 с.
- Жеребина Т.В. Шаманизм и христианство (на материале религии народа саха XVII–XX вв.). – СПб.: Изд-во РХГА, 2011. – 175 с.
- Ксенофонтов С. Я участвовал на празднике Ыһаах. Материалы корреспондентов о современном и старинном Ыһаахе в Мегино-Кангаласском районе. 1947 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 11, 21 л.
- Николаев С.Н.-Сомоготто. Два язычества народа саха. – Якутск: Якутский край, 2007. – 60 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Стб. 1282–2507.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1989. – 749 с.
- Саввин А.А. Вера якутов. 1937–1941 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70, 347 л.

Топоров В.Н. Боги // Славянские древности: этнолингвистический словарь. – Т. 1. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 204–215.

Троцанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. – Казань: Типолитография Императ. ун-та, 1903. – 185 с.

Троцанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. – 2-е изд. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 224 с.

Шишигина А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке (по материалам Второй Камчатской экспедиции). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. – 299 с.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (Статья вторая) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 94–119.

V.E. Vasilev

The theory of "white shamanism" Sakha people in the light of the early sources.

In domestic Ethnography established division of shamans on "white" and "black" that reflect their bundle of priests and sorcerers, healers. But, according to sources, the first information about the "white" shamans were written in the spirit of missionary work. It gives the right to assert that the early sources require a critical analysis of the modern religious studies. In addition the well-known theory of "white" shamanism has left a certain mark the influence of world religion in the face of the Orthodox Church. So, since the turkologist V.V. Radlov Christians saw in the shamans "servants of the devil", and all the pagan gods and spirits are relegated to the ranks of the impure forces. This has resulted in the first scientific monograph on the "black faith" the Yakuts, their religion was compared with the beliefs of the Yezidi nation – "idolaters" that revered the sun. Of all the religions, shamanism is not lucky: in Soviet times, it is often considered quackery, ritual shamans - wild manifestations of spiritualism. Negative attitude towards shamans by historians maintained to this day, and this problem requires a more objective scientific analysis.

Keywords: shamanism, shamans, Christ, Satan, devil, servant of the devil, Uluu Toyon, Atai Ulaan, Olonkho, mythology.

УДК82/091(571.56+574)

Ж.О. Артыкбаев

Казахская эпическая поэма «Козы Корпеш – Баян сулу»: саха-казахские мифо-исторические параллели

В статье автор рассматривает некоторые общие проблемы и параллели в устной традиции казахов и саха-якутов. В качестве примера взята эпическая поэма «Козы Корпеш – Баян сулу». Первыми вопрос о родстве казахского и якутского вариантов поэмы поставили выдающиеся исследователи, видные государственные и общественные деятели начала XX в. П.А. Ойунский и М. Тынышпаев. Автором выявлены причины распространения сюжетов «Козы Корпеш – Баян сулу» на огромной территории Центральной Азии.

Ключевые слова: эпическая поэма, мифо-исторические параллели, саха, казах.

На первый взгляд «Козы Корпеш – Баян сулу» посвящена несчастной любви «прекрасной Баян к золотоволосому Кузу-Курпеш». Так образно назвал героев поэмы выдающийся казахский ученый Ч.Ч. Валиханов [1984, с. 307]. Большинство исследователей считали ее социально-бытовым эпосом, поскольку в лейтмотиве они видели такие явления, как «традиционная брачная поездка, добывание жены, состязание женихов, которые трансформируются в казахской версии в историю любви и борьбы любящих с отцовским произволом, за право любить, за супружеское

счастье» [Смирнова, 1967, с. 84]. Эта точка зрения до сих пор господствует в среде исследователей эпоса и отвлекает нас от поисков исторических реалий, связанных с происхождением носителей этой поэмы, от выявления причин распространения сюжетов «Козы Корпеш – Баян сулу» на огромной территории Центральной Азии, на которые в свое время указывал М. Тынышпаев. Но вместе с этим следует подчеркнуть, что ряд исследователей Центральной Азии оценивали эпос «Козы Корпеш – Баян сулу» – как вечное и величественное произведение челове-

ского духа. Академик А.Х. Маргулан считал, что эпос «Козы Корпеш – Баян сулу» самый древний и самый мощный вариант казахского эпического творчества. Он не был одинок в своем мнении – только перечисление имен исследователей, обративших внимание на древность, загадочность, одухотворенность этого эпоса, займет несколько страниц нашего исследования.

Однако, несмотря на столь пристальное внимание к эпосу, исследовательская практика еще не дала полноценную расшифровку той информации, которая заложена в «Козы Корпеш – Баян сулу». Мы не сомневаемся в том, что эпос, столь много переживший на своем веку, любимый многими народами на евразийском пространстве, притягивавший к себе внимание выдающихся исследователей, несет огромное количество сакральной и исторической информации. Мы посвятили изучению мощного мифологического контекста поэмы «Козы Корпеш – Баян сулу» несколько статей. Безусловно, мифологические сюжеты поэмы, как яркое проявление сложившихся представлений о богах и сотворении мира, служат для сакрализации определенных общественных установок, для узаконивания определенного типа верований и поведения кочевников Центральной Азии. Мы исходим из того, что миф – это не первоначальная форма знания, а особый вид мировоззрения, специфическое образное представление о явлениях природы, космической и коллективной жизни. Миф для человека – подлинная действительность, совершенно необходимая категория мысли и жизни. Миф – это представление о мире, не идеальное, но желающее наиболее полно обрисовать его картину.

Мифологию как явление исследовали такие маститые философы, этнологи и культурологи, как К. Леви-Строс, Л. Леви-Брюль, В.Я. Пропп и др. Обращение к этой теме актуально и в наши дни, в связи с теми процессами, которые происходят в исторической науке. Многие образы и символы нашей истории обретают в наше время особенные оттенки, краски, находят интерпретации и смысловую нагрузку. Мифологизация – очень живой способ оценки действительности, инструмент, который позволяет сконструировать целостное представление об окружающем мире. Миф и история – родные сестры, но если миф – увлекающаяся, романтическая натура, то история реалистична и прагматична, достижения ее основаны на холодном расчете, и поскольку они род-

ные сестры, то у них много общего, схожего. Все созданные человеком исторические концепции мироздания мифологичны по своей сути, так как основаны на известных символах и рассматривают какой-либо взгляд на мир, претендуя на его истинность или абсолютность.

Обычно под мифом принято понимать древние народные сказания о легендарных героях, богах. Устная традиция тюркских народов занимает как бы промежуточное положение между мифом и историей, сочетая в себе романтичность, яркие образы мифа и конкретные реальные очертания истории. В ней невозможно увидеть глобальные мифы вроде божественного пантеона древнегреческой мифологии. Но отсутствие стройной мифологической конструкции успешно заменяется и восполняется многочисленными сверхъестественными, мифологическими элементами, сопровождающими как исторических лиц – героев прошлых времен, так и события. В отображении исторической действительности прошлого, в особенности для казахского шежира, характерны некоторые проявления мифологического сознания. Миф в шежире выступает, как инструмент сакрализации личности. Эта традиция, вероятно, с самых глубин человеческой истории, когда появилась устная традиция повествования о прошлом. Она с самого начала была нацелена на личность, которая является носителем лучших черт своей эпохи. Во всяком случае шежире всегда стремилось создать мощный, колоритный, сакральный образ действующих лиц исторического прошлого. Это характерно как для эпох древности и средневековья, так и для более позднего времени.

На наш взгляд, именно в легендарных сюжетах спрятан ключ к разгадке многих вопросов общей древней истории казахов и саха (якутов). Саха (якуты) – самый северный народ тюркской языковой группы, поэтому считается, что именно из-за этой своей изолированности якутский язык является самым близким к древним корням всех тюркских языков. Мы вполне разделяем данное мнение, и эта статья в какой-то степени подтверждает такие предположения. Есть также мнение о степном, южном происхождении якутов, об их изначальной принадлежности к миру тюрков-скотоводов Великой степи. Некоторые народные предания, легенды якутов повествуют о прежней родине – прекрасной стране, где «никогда не заходило солнце, месяц был без ущерба, кукушки не переставали куковать, трава не жел-

тела, деревья никогда не валились, и никуда не улетали стерхи...». И сетуют, что теперь придется жить в земле «...с валящимся недолговечным лесом, с недолговечными людьми, с поздно рождающимся скотом..., жгучим трескучим морозом, с обжигающей вечной выюгой и слякотью с отвратительным видом, с пургой и метелью, с плетью из резкого ветра; стране, зачарованной сильным морозом и туманом...». К тому же якуты – единственный из народов Сибири, который до прихода русских знал тайну гончарного производства, имел довольно развитые железоделательное и кузнечное ремесла. Кузнецы, как и у казахов, среди саха вызывали большое почтение и страх. В отдельных фольклорных сюжетах говорится о письменности, о неких таинственных знаках, которыми владели предки современных саха. Нас в данной статье больше интересуют мифо-исторические параллели, обнаруживаемые в фольклоре казахов и саха. В этом плане своеобразным кладом знаний служит «Словарь якутского языка», составленный Э.К. Пекарским. Нами использованы также публикации В.Ф. Трошанского, посвященные языческому прошлому саха. Знаменитая «Эллэйада» Г.В. Ксенофонтова включает предания, представляющие исключительный интерес по той причине, что их мотивы и сюжеты встречаются в фольклоре казахов. В «Исторических преданиях и рассказах якутов», опубликованных под редакцией Г.У. Эргиса, есть ряд интересных материалов, особенно имеющих отношение к генеалогии, которые мы использовали в своих публикациях. Рассказ, записанный П.Е. Готовцевым, якутом из Баягантайского улуса – «Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими» в переводе Э.К. Пекарского также уникален.

Однако ознакомление с многочисленными публикациями по устной традиции якутов обнаруживает все же недостаточное использование потенциала исторических преданий, как источников. На наш взгляд, для восстановления исторических событий и прежде всего для решения этногенетических проблем степных народов Евразии необходимо активно обращаться к уникальному наследию. Нерешенность многих вопросов темы, по нашему мнению, объясняется тем, что у истоков народа саха находятся племена, когда-то обитавшие на территории казахской степи, история которых, прежде всего с источниковедческой точки зрения, еще во многом не ясна.

Попробуем поискать древнее общее наследие наших предков в лиро-эпической поэме «Козы Корпеш – Баян сулу»:

*Ведомые им сказания сказители (рекой) разливают,
Сказ заводят с стародавних времен.*

В те далекие времена

Прошли по жизни Карабай и бай Сарыбай.

У истинного акына слова лучатся,

Много лет с тех пор миновало,

И Карабай, и Сарыбай ушли,

Оба они от нас далеко в прошлом.

И те, кто много о них сказывали, тоже ушли,

Вот внимательно сказ мой (о них) послушайте.

Хоть невелик аул был, где Карабай жил,

/А/ девяносто тысяч лошадей у Карабая было.

О них уже не раз сказывали,

С рождения Бог его богатством (одарил).

Но хоть девяносто тысяч лошадей (у Карабая) было

В юрте достойного убранства-утвари не было.

Когда ему восемьдесят три года исполнилось,

Чтобы полюбоваться, (в юрте Карабая) ребенка не было,

Если же кто спросит о его происхождении,

Старые певцы его туркменом звали.

А Сарыбай из ногай был,

Его род кондыкер-кубаном был.

Богатство да малую семью дать им у Бога прося,

Немногих караишы с собой уведя.

Оба богача от родов своих откочевали

От сородичей насилье потерпев,

В далекую-далекую землю перекочевали.

Здесь от других людей они

Видом своим отличались.

Перекочевали они к Курдыму-устью,

Где кочевали балталы.

На своих девяносто тысяч (лошадей), не глядя,

Карабай не гнушался охотой.

Раз он охотиться на Шырыш-гору поехал,

Ни на одного зверя, чтобы подстрелить, не наехал.

Только к вечеру едучи,

Лежку марала Карабай заметил.

Таким образом, «охотники встречают жеребую самку марала. Карабай уговаривает Сарыбая застрелить марала. Сарыбай вспомнил, что у него жена дома в тягости и ожидает ребенка, но, поддавшись на уговоры товарища, убивает марала. Бог не медлит наказать его, но перед смертью они с Карабаем (у него жена также была беременна) договариваются и дают

клятву о том, что если у одного из них родится сын, а у другого дочь, посвататься...».

Так начинается одно из самых величественных произведений казахского эпического творчества:

«Сыну Сарыбая дали имя Козы Корпеш, а дочери Карабая – Баян сулу. Когда жених стал подрастать, Карабай, чтобы не выдавать свою дочь за сироту, решил откочевать вверх по реке Оленты и в одну ночь скрылся из этих мест. Когда Козы Корпешу исполнилось 15 лет, он узнал от старухи, которая ткала урмек, что у него есть невеста. Он решил спросить у матери, но она долго запиралась и, наконец рассказала о Карабае и его дочери Баян сулу. Несмотря на угрозы матери, он отправился на поиски своей невесты. Мать пыталась остановить его и колдовством: появлялась перед ним то в виде волчьей стаи, то в виде змеиной орды. Но парень был непреклонен, и тяжелые испытания продолжались и тогда, когда он, пройдя пустыни и горы, оказался в местности Шок терек, недалеко от аула Баян сулу. Для того чтобы скрыть свои намерения, он переоделся в мальчика-тазша (по дороге он встретил пастушкатазша и снял с него его кеб, т.е. маску). Некоторое время он пас овец у отца Баян сулу, жадного Карабая, но овечка с золотым колечком в носу, которая была любимой овечкой Баян сулу, увидела золотой хохол (алтын айдар) на голове Козы Корпеш и, догадавшись, что именно он жених, побежала к своей хозяйке с новостью:

Апеке, что же ты мне дашь на суюншы,

Увидел я своего зятя на сером коне!

Прекрасная Баян не поверила овечке и слегка ударила её по курдюку (по задней части). (От этого сакрального действия отныне овечий курдюк состоит из двух половинок. – Ж.А.).

Затем начинается борьба Козы Корпеш с многочисленными женихами Баян сулу, и в особенности, с Кодар, который был помощником бая и спас его девяносто тысяч лошадей при переходе через безводные пустыни Бетпак дала. И надеялся за это получить Баян сулу в жены:

«Баян сулу, узнавши о прибытии жениха, посылает к нему прирученного своего воробья, чтобы предупредить его о том, что грозит опасность. Но одна из женщин из лагеря недоброжелателей влюбленных поймала воробья и начала допрашивать его, пытаясь узнать местонахождение Козы Корпеша. Птичка запиралась до тех пор, пока у нее все перья не были вы-

тереблены. Остались только в целости перья на голове. Тогда женщина взялась тереть и голову, птичка не выдержала и со словами «шок» померла. Люди догадались, что Козы Корпеш находится в местности Шок терек. После чего Кодар отправился в урочище Шок терек и нашел своего врага спящим. Выстрелом из лука Кодар убивает Козы Корпеша...» [Казахский фольклор..., 1972, с. 241–253].

Безусловно, в основе сюжетной линии эпоса лежат идея поиска Бога, стремление наших дальних предков понять законы мироздания и место человека в нем, но вместе с тем в эпосе «Козы Корпеш – Баян сулу» представлена самая ранняя история пастушеских народов Евразии и в этом контексте – становление образа жизни, domestикация животных, определение территориальных границ и др. (О том что именно эти идеи заложены в эпосе «Козы Корпеш – Баян сулу» [Артыкбаев, 2009, с. 3–27].

Первым из якутских исследователей вопрос о родстве казахского и якутского вариантов поэмы поставил выдающийся этнограф, основоположник якутской советской литературы, видный государственный и общественный деятель П.А. Ойунский. Он отождествлял персонажей олонхо, прародителей саха, Саха Саарын тойона и Сабыйа Баай хотуна с героями казахского эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу» Сары-беем и Сабыйа Хатуном [Ойунский, 1975, с. 78]. Примечательно, что П.А. Ойунский располагал прародину саха «на востоке или в северо-восточном направлении от Аральского моря», т.е. на современной территории Казахстана. По фольклорным источникам, предком саха в некоторых случаях является женщина из племени татар по имени Сайсары или Сахсары. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в старинных преданиях саха их имя иногда чередуется с названием Саара. Например, в олонхо предком народа «ураанхай-саха» выступает Саха Саарын тойон. Или же первоначальное место, где остановились предки саха на средней Лене – озеро Сайсары или Сахсары. Считается также, что Сахсара – это древнее название Лены, но нас данный топоним интересует прежде всего в плане созвучия его с Оленты, в низовьях которой жили Карабай и Сарыбай. Вот здесь мы приближаемся к нашей проблеме вплотную, в фольклоре уже появляется этноним «киргиз». В записях Э. Пекарского: «Сай-сар жена киргиза Сарыбай-тойона, родом

татарка, которая по смерти мужа, с детьми прибыла с юга «на то место, где теперь стоит г. Якутск, около рукава Лены Сайсары» [Пекарский, 1958, т. 2, стб. 2137].

Надо иметь в виду, что в древолюционной русской историографии было принято называть казахов «киргизами», тогда как самих кыргызов называли «кара киргиз», или еще хуже «дикокаменный киргиз». В литературе по якутам, в том числе в «Словаре якутского языка» Э. Пекарского это правописание также было принято. Современные исследователи проблемы происхождения якутов не знают эти вещи и начинают связывать этногенез якутов с кыргызами.

Следует сказать, что Сары-бай в якутских преданиях считается родоначальником всего «кыргызского», т.е. казахского народа. Этот материал можно подкрепить также данными якутских преданий о том, что один из их родоначальников «Эллэй – выходец из племени кыргызского хана Сарабая». По одним фольклорным данным, предки саха «пришли из страны, находящейся на три тысячи верст южнее того места, где стоит Иркутск. Киргиз Сарабай Тойон и его жена Сайсар, родом татарка, с детьми своими отправились со своей родины на север. Сарабай Тойон умер в том месте, где ныне стоит Иркутск, а жена его с детьми отправилась дальше и прибыла на то место, где ныне стоит г. Якутск». В записях В.Ф. Трошанского «Сарыбай тойон – имя киргиза, от которого, по одному из преданий, произошли якуты» [Трошанский, 1902, с. 13–14]. Также у него есть небольшое, но очень интересное примечание, где говорится, что есть заметка Николая Пряезникова, одного из ранних представителей якутской интеллигенции, на полях прочитанной им II главы «Этнографических очерков» В.Л. Приклонского, где одному из предков якутов по имени Эр Эллей приписано «киргизское происхождение из племени хана Харабая» [Там же, с. 14]. Получается, что якуты знали и почитали не только Сарыбая в качестве первопредка, но и знали имя Карабая с его девяносто тысячами лошадей.

Карабай, Сарыбай (в ряде казахских вариантов эпоса – Қарахан, Сарыхан) – ключевые персонажи поэмы. В древности понятие «сары», т.е. желтый, светлый, рыжий применялось в основном относительно Запада, тогда как понятие «кара», т.е. черный, древний, многочисленный, – к понятию Восток. Возможно, за именами героев эпоса Карабай, Сарыбай кроются сильные проти-

воречия между Востоком и Западом, между силой разума и мощными чувствами. Можно предположить, что это следы дуального экзогамного деления первобытных родов Евразии. Следует также учесть, что «сара» как на казахском, так и на якутском означает «быть светлым, сиять, издавать свет, светить» [Пекарский, 1958, т. 2, стб. 2094].

В эпосе происхождение Карабая и Сарыбая связывается с туркменами: «Старые певцы его туркменом звали...». На наш взгляд, здесь применяется обычный эпический прием, вероятно, нужный для того, чтобы удревнить события, в качестве привязки к древности. Сказители, безусловно, знают об огузо-туркменских мифах, которые вошли в субстрат многих эпических сюжетов и поэм казахов (более подробнее см. в наших публикациях об эпосе «Короглы»).

Баян сулу – у многих евразийских народов это идеал женской красоты, верности, хранительницы семейного очага и т.д. Наиболее древний прототип образа Баян сулу – палеолитические мадонны, находимые во многих стоянках Сибири и Центральной Азии. Корневое слово «бай» применяется в значении богатство, достаток и т.д. «Бай ана» – производное от «бай» – сакральный образ богини Земли и Воды (Ыдык Иер – Су), она покровительница человека, животных и птиц, растений и др. Мы, историки, обращаем внимание только на социальную составляющую этого слова, тогда как за ней обнаруживается мощная сакральная основа мироздания. Имя «Баян сулу» – производное от Байана (Умай ана, Май ана), т.е. Богиня плодородия. Махмуд Кашгари [1997, т. 1, с. 152] относительно значения «байана» пишет: «Это слово в значении бога встречается у племен аргу, которые обитали в местностях от Сайрама до Баласагуна». В индоевропеистике смысл этого понятия раскрывается при анализе героической терминологии «Вед» и рассматривается несколько по-другому: «*vaia* – обозначает силу, свойственную богам, героям и коням, силу, благодаря которой они побеждают; это также мистическая сила жертвоприношения... Это также сила, которая проявляется в дарах, откуда значения – щедрость, богатство ...» [Бенвенист, с. 256–257].

Образ Баян сулу восходит к казахскому Бай ана и якутскому Байанай, богине удачи на охоте [Пекарский, 1958, т. 3, стб. 3234.]. Следует предположить, что первоначально Байана (Байанай) покровительствовала охотничьим племенам. В наши дни в наиболее полном виде представление

о древнем божестве «Бай ана» сохранилось у алтайских телеутов. По их мнению; Байана (Пайана) – общее название всех небесных богов, глава всего божественного пантеона. В качестве носителя верховной власти в божественном пантеоне Байана называется «Тотай пайана». В то же время алтайцы называют Байана и как «Ене йайачы» (т.е. мать-творец), и в честь «Ене йайачы» бездетные женщины Алтая совершают поклонения, приносят жертвоприношения и т.д. Если после обрядовых действий женщина забеременеет и родит ребенка, то «про него говорили “ереге пайанадан йайылган бала”, т.е. сотворенный верхним божеством ребенок» [Потапов, 1986, с. 233].

В этой связи хотелось бы упомянуть о некоторых ипостасях культа Бай ана, и прежде всего, об образе Кунекей (Күн астындағы Күнекей қыз). Красивая, умная и верная, она – одна из самых любимых героинь казахских сказок, безусловно связана с главной фигурой божественного пантеона народов Евразии – Бай ана. В качестве аргумента этой гипотезы мы хотели бы сослаться на следующий тезис из статьи якутского лингвиста В.Е. Васильева: «Имя Кюбэ (Кюбэй) можно сопоставить с тюрк. куба/коба “сосуд, кубок”, “пещера”. ...Сосуд ассоциируется с сакральной утробой богини Умай... Следовательно, богиня солнца Кюн Кюбэй является прямой ипостасью... богини Умай» [Васильев, 2011, с. 59].

Этнографические источники доказывают, что образ «байана» широко распространился не только у телеутов, но и у челкарцев, кумандинцев, шорцев, якутов, бурят, калмыков, монголов. В казахском языке понятия «бәйтерек», «бәйшешек», «байғыз», «бәйбише», «бәйтөбет» и др. тесно взаимосвязаны с сакральным значением слова «бай» («байана»). Часто употребляемое слово «баян» означает плодотворный, бережливый, происходит от слова «байана». Так как этот термин «байана» тесно связан с земельно-водной стихией, то необходимо помнить, что все блага, которые дарует Тенгри, необходимо отождествлять с женским плодородием. Этнографические источники уточняют, что у тюрко-монгольских племен Байана, Умай ана, Май ана ассоциируются с женским божеством.

В казахской среде многие сакральные действия и обряды, связанные с поклонением Байана, уже забыты, но хорошо сохранились традиции обращения к божеству Бай ана в горных пещерах. Также, как и у алтайцев, к духу Байана

у казахов обращаются бездетные женщины. Это обращение как и у алтайцев, сопровождается жертвоприношением (овца), затем с горящей свечкой, сделанной из жира жертвенной овцы, женщины перед заходом солнца входят в священную пещеру и совершают обряд очищения огнем. Среди степных казахов до сих пор сохранились традиции посещения священных пещер, обряд жертвоприношения, излечения от болезней, вымывание ребенка у «Байана».

Еще одним доказательством присутствия у саха культа Байана является сохранившаяся в недрах народной памяти «ойбай». Наряду со словами «туом», «бабат», «бачах», «айыкка», «астык», «буой», ойбуой, это слово применяется в качестве междометия и означает удивление, восклицание и восхищение. На казахском языке «ойбай» – также междометие, обозначающее удивление и восклицание. Казахское выражение «ой-бай» можно понять только с помощью понятия «Байана». Говоря «ойбай», женщины просят или умоляют о помощи Байана, полный вариант выражения – «ой-бай-ана». В мусульманстве понятие «ой-бай» связано с нечистой силой, поэтому верующие говорят, «не произноси имя дьявола, очисти язык от скверны». Именно с распространением ислама связано отмирание ранее существовавших языческих традиций. Однако нередко и сейчас можно услышать такие выражения, как «Аллаһнан Ойбайым тыныш», т.е. «с Ойбай спокойнее нежели с Аллахом». В древности понятие «Байана» имело широкие географические и этнические границы. Это понятие широко распространилось не только у тюрков, но и в индо-европейских, финно-угорских, семито-хамитских языковых семьях.

Говорят, что в старину у якутов-саха эпос назывался «Хазы (Хоһу) Харбас и Байан солу». Один из якутских краеведов утверждает: «Мой дед рассказывал одну сказку Хазы Харбас и Баян Солу, что она начинается свой сюжет в “великой степи” и, затрагивая Якутию, обзаводится здесь потомками, а когда они – Хазы и Баян умерли, их младший ушел обратно в “великую степь”. И они похоронены около реки Айауус (Аяуз)» [Forum-eurasica.ru..., р. 2]. Можно ли доверять такого рода информации – дело совести каждого исследователя, к сожалению, якутские фольклористы и этнографы не обращались к данной теме. Среди казахов она, хотя и достаточно популярная еще со времен М. Тынышпаева, но не получила

научного подкрепления со стороны современных исследователей. Нам хотелось бы поддержать гипотезу одного из основоположников казахской историографии, выдающегося инженера и политического деятеля начала XX в. Мне думается, что приведенные нами материалы в данной статье позволяют сделать некоторые выводы.

М. Тынышпаев, полагаясь на исследования Кочнева, Иохельсона, впервые в казахской историографии предложил гипотезу о туркестанском прошлом саха. Его гипотеза была подкреплена рассказом казаха по имени Джаксылык, который в конце XIX в. некоторое время прожил среди якутов. М. Тынышпаев пишет следующее: «Якуты спросили Джаксылыка, не знает ли он что-нибудь о могиле Козы Корпеша и Баян. Джаксылык был крайне удивлен и сказал, что могила их находится в Лепсинском уезде на р. Аягуз. Они сказали, что Козы Корпеш и Баян – якуты и что они сами происходят от самых близких родственников Козы Корпеша и Баян (не помню, кого из них назвал Джаксылык); они рассказали былинку о Козы Корпеше и Баян, причем она оказалась очень близкой к киргизской (казахской. – Ж.А.) былинке» [Тынышпаев, 1925, с. 81]. Далее М. Тынышпаев отмечает, что Джаксылык был малограмотным и был не из тех, кто являлся живым хранителем преданий, сказаний, «выдумывать такие сложные и с первого взгляда непонятные вещи ему совершенно незачем, да и по развитию своему он не в состоянии».

К сожалению, версия М. Тынышпаева, его ссылки на информацию, предоставленную Джаксылыком, всегда находили массу противников и скептиков. Вышеизложенные нами материалы о стране «Счастливая Сайсара», где обитают потомки киргиза, т.е. казаха Сарабай Тойона и его жены Сайсар, а также представители племени хана Харабая подтверждают правдивость рассказа Джаксылыка, и, следовательно логичность предположения М. Тынышпаева о среднеазиатском происхождении якутов.

Литература

Артыкбаев Ж.О. «Козы Корпеш-Баян сулу» – идея поиска Бога в эпосе // Среднее Прииртышье в контексте проблем истории Евразийских степей. – Павлодар, 2009. – С. 3–44.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.

Валиханов Ч.Ч. О формах казахской поэзии // Ч.Ч.Валиханов: собр. соч.: в 5 т. – Т.1. – Алма-Ата, 1984. – С. 280–286.

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-куль. 1856 г. // Там же. – С. 306–357.

Васильев В.Е. Древнетюркские истоки шаманизма народа саха // Алтай – түркі элемінін алтын бесігі: Халыкаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Усть-Каменогорск, 2011. – С. 56–63.

Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. – Алма-Ата, 1972.

Көпеев М.-Ж. Шығармалары. – Т. 1–20. – Павлодар, 2003–2009.

Қашқари Махмұд. Түрік тілінің сөздігі («Диуани лұғат ит-түрік») 3 томдық шығармалар жинағы // Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылымы түсініктерін жазған А. Егеубай. – Алматы, 1997.

«Қозы Көрпеш – Баян сулу» – қазақ эпосының шоқтығы. Құраст. М. Жолдасбеков, С. Қасқабасов. – Астана: Фолиант, 2002.

Марғұлан Ә.Х. Ежелгі жыр – аңыздар. – Алматы, 1985.

Ойунский П.А. Избранные произведения. – Т. 2. – Якутск, 1975.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. 1–3. – М., 1958.

Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича (Из поездки в Кокчетавский уезд) // Г.Н. Потанин. Избр. соч.: в 3 т. – Т. 3. – Павлодар, 2005. – С. 89–118.

Потапов Л. П. Сакральное значение слова «богатый» в алтае-саянских тюркских языках (По этнографическим материалам) Тюркология. – Л., 1986. – С. 230–237.

Приклонский В.Л. Три года в Якутской области. Этнографические очерки // Живая старина. – 1890. – Вып. II. – С. 27.

Смирнова Н.С. Казахская народная поэзия. – Алма-Ата, 1967.

Троцанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. – Казань, 1902 (Приложение). (Отд. оттиск из «Ученых записок Казанского университета»).

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Ташкент, 1925.

Forum-eurasica.ru /index.php /topik /-sakha-iakut/ (Евразийский исторический сервер. История народов Евразии. Тюрки).

Zh.O. Artekbaev

Kazakh epic poem "Kozy Korpesh - Bayan sulu": Sakha-Kazakh mythological and historical parallels

In this article the author considers some common problems and parallels in oral tradition of Kazakhs and Yakut-Sakha. The epic poem «Kozy Korpesh – Bayan sulu» is taken in qualities of an example. At first the question of relationship of the Kazakh and Yakut versions of the poem was put by outstanding researchers, eminent state and public figures of the beginning of the XX century P.A. Oyunsky and M. Tynyshpayev. The author established the reasons of distribution of plots «Kozy Korpesh – Bayan sulu» in the huge territory of Central Asia.

Keywords: epic poem, mythological and historical parallels, Sakha Kazakh.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 94(671.621)

Ю.Н. Аверина

Влияние этнокультурного наследия еврейских переселенцев на общественную жизнь в Еврейской автономной области

Рассматривается степень влияния наследия еврейских переселенцев на общественную жизнь ЕАО. Приведены результаты социологического опроса городского населения и предварительные данные опроса сельского населения по теме «Преобразовательные возможности еврейских сообществ в социальном пространстве ЕАО».

Ключевые слова: социальное пространство, «идиш-сообщество», этнос, этническая культура, городское население, сельское население.

Мы выделили в рамках нашего исследования три основные задачи:

- определить характер влияния «идиш-сообществ» на общественную жизнь в первые годы существования еврейской автономии и в наши дни;
- выявить сохранившиеся и вновь возникшие атрибуты «идиш-культуры»;
- определить отношение жителей ЕАО к компонентам «идиш-культуры».

Новизна и задача исследования заключается в выявлении влияния «идиш-культуры» и «идиш-сообществ» на состояние общественной жизни области в целом.

До начала массового переселения евреев на территории нынешней Еврейской автономной области (ЕАО) проживало 33 тыс. человек. Основное население составляли русские – 85% (бывшие забайкальские казаки и крестьяне, работники транспорта, связи и немногочисленных по тем временам промышленных предприятий, военные), которые преимущественно были сосредоточены по берегам Амура и его притоков (Бира, Биджан и др.), а также на бывшем почтовом тракте – «колесухе» и вдоль железной дороги (амурского участка Транссиба). Жители Приамурья того времени занимались в основном сельским хозяйством, обслуживанием транспортных магистралей, охраной государственной границы, работали на предприятиях местной промышленности и связи. Немногочисленными поселения-

ми были представлены коренные народы Приамурья, занимавшиеся традиционными для них промыслами (собирачество, охота, рыбная ловля) [Вайсерман, 1993].

Массовое переселение евреев в Биробиджанский район началось в 1928 г. Вместе с идишговорящими восточноевропейскими евреями [Shyovitz] на территорию Приамурья была принесена «идиш-культура», стали формироваться «идиш-сообщества». Примерами таких сообществ могут служить коллективы и коммуны «Найланд», «Эмеес», «Найколхоз», которые в дальнейшем разрослись до населённых пунктов (Бирофельд, Валдгейм, Найфельд и др.) [Там же]. Большой приток переселенцев способствовал оживлению промышленности и повышению культурного уровня территории. Еврейскими переселенцами стала выпускаться газета на идиш «Биробиджанер Штерн»; открывались школы, где преподавание велось на идиш, возник театр с еврейским репертуаром, результатом деятельности которого стало появление большого количества драмкружков на предприятиях.

Переселение евреев на территорию области способствовало расширению социального пространства (изменению состава социальных субъектов, структуры их взаимодействия и протекающих социальных процессов) [Филиппов, 2008] за счёт интеграции в него новых социальных субъектов – носителей «идиш-культуры», которые

стали одним из значимых социообразующих факторов, придающих особый колорит общественной жизни в области [Аверина, Никитенко, 2012].

Наиболее ярко влияние «идиш-сообществ» на социальное пространство проявилось в областном центре – г. Биробиджане. Об этом свидетельствует анализ материалов социологического опроса городского населения, проведённого в 2013 г., и предварительных данных материалов текущего исследования сельского населения 2014 г. Всего опрошено: среди городского населения 297 жителей; сельского населения – 75 из 222 человек. В исследовании принимали участие только лица старше 18 лет. Тип выборочной совокупности – квотный, выборка репрезентативна по полу и возрасту.

Сегодня сложно говорить об особенностях «идиш-культуры», так как один из главных её атрибутов – язык идиш, употребляется крайне редко. Если в первые годы существования ЕАО он использовался, наряду с русским, как официальный в делопроизводстве, изучался в учреждениях общего образования и ряде профессиональных учебных заведений, то в настоящее время только в немногих еврейских семьях говорят на идиш, лишь в некоторых школах изучается факультативно, в делопроизводстве не применяется вообще. Встретить сегодня человека, который свободно разговаривал бы на идиш, – большая редкость. В ходе социологического опроса только один человек указал, что владеет языком идиш, и лишь 34% жителей города и 33% сельского населения знают отдельные слова и выражения на этом языке. Это говорит о том, что идиш в настоящее время почти вышел из оборота.

Тем не менее сегодня в Еврейской автономной области осуществляют свою деятельность ряд сообществ, целью которых является возрождение еврейской культуры, сохранение этнического самосознания евреев [Примаков, 2011]. Благодаря деятельности общин «Бейт-Тшува» и «Фрейд», художественных коллективов «Иланот», «Когелет», «Мазлтов», «Сюрприз», в репертуаре которых большое место занимает еврейский жанр, клубов «Хава» и «Мишпоха», общественная жизнь в ЕАО имеет особый колорит, в ней происходит интеграция еврейской этнической культуры с культурой других этносов.

По данным опроса, около 60% городского населения ответили, что они, по возможности, посещают еврейские организации (художественные

и творческие коллективы или клубы). Среди опрошенных сельских жителей лишь 28% отметили, что они посещают еврейские организации. То, что среди сельских жителей значительно меньший процент взаимодействия с еврейскими образованиями, чаще всего объясняется отсутствием в малых населённых пунктах таких организаций.

Изучение отношения городского населения к еврейским традициям показало, что большинство респондентов – 69% позитивно относится к еврейским традициям и только 31% – нейтрально. По показателю отношения к проведению на территории ЕАО еврейских фестивалей и праздников из 100% городских опрошенных более 71% отметили, что относятся к ним заинтересованно, почти 29% – нейтрально. Негативно настроенных респондентов не выявлено. Среди сельского населения позитивно относятся к еврейским традициям 36% опрошенных, около 58% – нейтрально и 4% – негативно. К проведению еврейских фестивалей и праздников 40% опрошенных относятся с повышенным интересом, чуть более 46% – нейтрально и 4% – негативно. В отличие от жителей г. Биробиджана, большинство сельского населения индифферентно относится к традициям и праздникам еврейского народа. Это связано в большей мере с тем, что не все регулярно могут посещать административный центр, а в селах редко устраиваются соответствующие мероприятия или такая координация вообще отсутствует.

Несмотря на достаточно низкий уровень взаимодействия с еврейскими организациями и высокий процент равнодушного отношения к еврейской культуре среди сельского населения, в целом по ЕАО эти показатели находятся в положительном поле. Около 53% жителей автономии посещают какие-либо еврейские организации и клубы. С симпатией относятся к еврейским традициям 62% жителей области. Более 64% жителей области положительно относятся к проведению на территории еврейских фестивалей и праздников.

Таким образом, краткий исторический экскурс и проведённое социологическое исследование позволяют сделать следующие выводы:

- переселение евреев на территорию области способствовало расширению социального пространства (изменению состава социальных субъектов, структуры их взаимодействия и протекающих социальных процессов) за счёт интеграции в него новых социальных субъектов – носителей «идиш-культуры», которые стали одним из зна-

чимых социообразующих факторов, придающих особый колорит общественной жизни в области;

- сегодня «идиш-культура» широко распространена в форме соответствующих атрибутов и символов: в самом факте проживания в области еврейских семей, существовании и деятельности «идиш-сообществ», в возрождении еврейских традиций и праздников, в репертуаре еврейских творческих коллективов, фестивалях еврейской культуры и музыки, наследии еврейских писателей и поэтов на языке идиш, изучении еврейских языков и культуры в ряде образовательных учреждений, материалах средств массовой информации;

- язык идиш – один из главных атрибутов «идиш-культуры», в настоящее время на территории области исчезает из оборота, и для его сохранения необходима соответствующая государственная и общественная поддержка;

- большинство жителей ЕАО (независимо от этнической принадлежности) приобщаются к еврейской культуре, интересуются её атрибутами и символами, участвуют в фестивалях еврейской музыки и культуры, обрядах и праздниках, кото-

рые проводятся на территории автономии. Но влияние еврейской культуры в большей степени проявляется в общественной жизни областного центра. Это говорит о необходимости уделять больше внимания еврейской культуре на селе.

Литература

Аверина Ю.Н., Никитенко В.Н. «Идиш-сообщества» в социальном пространстве Еврейской автономной области // Региональные проблемы. – 2012. – Т. 15, № 2. – С. 62–66.

Вайсерман Д.И. Как это было? – Биробиджан, 1993. – 234с.

Shyovitz David. История создания и развития идиш // Энциклопедия иудаики. – М., 1986.

Примаков П.В. Этнокультурная адаптация евреев Еврейской автономной области к общественным трансформациям на рубеже XX–XXI вв. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 231 с.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир-Даль, 2008. – 285 с.

URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/yiddish.htm>.

Yu.N. Averina

The influence of ethnocultural heritage of Jewish immigrants on public life in the Jewish autonomous region

In the report is considered the influences heritage of the Jewish immigrants on public life the Jewish Autonomous Region. The results are given of sociological poll of urban population and preliminary data of poll country people on a subject: "Converting opportunities of the Jewish communities in social space of the Jewish Autonomous Region".

Keywords: social space, "yiddish community", ethnos, ethnic culture, urban population, country people.

УДК 316.42(=1.571.56-81)»1985»/»20»

С.А. Григорьев

Положение коренных малочисленных народов Якутии в постперестроечный период (по материалам республиканской прессы)

Рассмотрены основные проблемы малочисленных народов Севера сквозь призму печатных СМИ Якутии в начале 1990-х гг., а также тематические публикации, касающиеся жизнедеятельности коренного населения. Выявлен базовый спектр проблем народов Севера, получивший освещение в постперестроечный период.

Ключевые слова: Якутия, СМИ, печатная пресса, малочисленные народы Севера, экология, родовые общины, традиционное природопользование, национальная культура, этническое движение.

Коренные изменения социально-политической ситуации в стране на рубеже 1980–1990-х гг. в значительной степени предопределили смену статуса и роли средств массовой информации в жизни общества. Помимо заложенной роли – формирование общественного мнения, СМИ стали важным инструментом адаптации населения к новым социальным реалиям. К концу советской эпохи в свете обострившихся межнациональных отношений особую актуальность приобрели материалы, посвященные этнокультурной проблематике. Характерный для того периода рост этнического самосознания меньшинств непосредственно затронул коренные народы Севера, проблемы которых активно обсуждались на страницах различных печатных изданий.

Не считая отдельных упоминаний о трудностях, с которыми сталкивались малочисленные народы Севера, в средствах массовой информации Якутии их проблемы стали широко освещаться с конца 1980-х гг. За счет появления новых независимых изданий количество публикаций по указанной тематике возросло. Значительно изменились тональность и резкость суждений авторов статей, расширился круг проблем, стали подниматься актуальные, но замалчиваемые темы. Так, в статье «Чужие на своей земле» был приведен целый ряд негативных фактов о положении северных народов, о которых ранее было принято не упоминать. В ней, одной из первых, была отмечена повышенная смертность среди малочисленных народов Якутии на почве злоупотребления алкоголем, убийств и самоубийств, продиктованных безысходностью и неверием в возможность улучшения жизни, а также затронута проблема негативных последствий промышленного освоения Якутии [Колодезников, 1991].

Следует отметить, что природоохранная тематика была очень актуальной на рубеже 1980–1990-х гг. Экологическая ситуация в стране на тот момент все больше вызывала тревогу у специалистов и населения. Ухудшение состояния окружающей среды было характерно почти для всех регионов СССР, но в Сибири и на Дальнем Востоке интенсивное промышленное освоение, имевшее основной целью увеличение добычи полезных ресурсов, оставило наиболее глубокий антропогенный след. Несоблюдение промышленными предприятиями, подчиненными союзным министерствам, норм экологической безопасности очень часто приводило к ухудшению

состояния окружающей среды на прилегающих территориях.

Деятельность промышленных предприятий часто происходила в районах проживания коренного населения ЯАССР, главной сферой деятельности которого являлось сельское хозяйство. Ухудшение экологической обстановки в Якутии непосредственно приводило как к ухудшению общего состояния здоровья населения, так и к экономическим потерям и снижению социального благополучия населения, занятого в сельском хозяйстве. Ситуация усугублялась еще и тем, что проблемы экологии были тесно переплетены с проблемами других сфер жизни коренного населения. Помимо того, что загрязнение окружающей среды промышленными предприятиями прямо сказывалось на здоровье северных жителей, их традиционное хозяйство также подвергалось негативному давлению.

Отношение аборигенов к проблемам экологии и природопользования отчетливо заметно при обобщении результатов массовых опросов в начале 90-х гг. Из числа опрошенных 62% отмечали неудовлетворительное состояние озер, рек, морского побережья; 58% – критическое состояние пастбищ; загрязнение атмосферы беспокоило 45% респондентов. Две трети аборигенов посетовали, что их вытесняют из мест промыслов, охоты и рыболовства. Только 3% респондентов отметили, что приобрели в инокультурных контактах больше, чем потеряли; 56% решительно заявили только о потерях. Таким образом юкагиры, эвены, долганы, чукчи и эвенки выражали тревогу по поводу проблем с экологией, а значит, с традиционным питанием и занятостью [Винокурова, 2000].

Свои опасения по поводу экологического ущерба, обусловленного интенсивным промышленным освоением, наносившим серьезный урон традиционной экономической базе коренного населения, а также связанного с этим разрушения системы культурных ценностей (появление поколения, не знающего родной язык и традиции своего народа), высказывало и научное сообщество [Сулейманов, 2012].

Подобная ситуация сложилась во многих регионах Якутии, что порождало предпосылки для проявления массового общественного недовольства, подталкивало к формированию организованного противодействия в виде общественных движений и организаций. Несмотря на то, что экологические организации первоначально не

преследовали политических целей и не выступали оппозицией к властям, именно они стали первым самостоятельным массовым общественным движением, выражавшим интересы значительной части населения. Фокусирование внимания общественности на данной проблеме стало причиной усиления влияния общественного мнения на органы власти. Активное обсуждение экологической тематики на страницах печатных изданий явилось одним из важнейших механизмов формирования общественного мнения и воздействия на принятие решений властными структурами.

Как было уже упомянуто, начиная со второй половины 1991 г., в публикациях, посвященных проблемам малочисленных народов, стали появляться сюжеты, затрагивающие различные аспекты влияния промышленного освоения северных территорий на жизнь местного населения. Основным лейтмотивом подобных статей стало требование компенсаций за нанесенный ущерб природе и традиционным видам хозяйства. В статье «Малочисленные народы Севера: проблемы выживания» были приведены следующие требования: «ввести жесткие экономические и правовые санкции за экологический ущерб, наносимый промышленными, транспортными и строительными предприятиями, а также оборонными мероприятиями, особенно ядерными испытаниями. При объективной неизбежности экологического ущерба интересам малочисленных народов Севера целесообразно использовать в зависимости от конкретных ситуаций различные методы компенсации: финансовый, материальный, производственный и экологический восстановительный» [Егоров, 1991].

В другой статье руководитель экспертной комиссии по вопросам права Ассоциации народов Севера Якутии Н. Захаров [1991] привел свое видение необходимых мер для предотвращения дальнейшего снижения уровня жизни и ухудшения быта коренного населения, заключавшееся в полном запрете деятельности горнодобывающих и геологических предприятий в местах обитания юкагиров, эвенов, долган, чукчей и образовании особых самоуправляемых территорий (родовых общин). Там же отмечалось, что идея создания гарантированной среды обитания и самоуправляемых территорий малочисленных народов не нова. Определенная практика в этом отношении была накоплена в Канаде и в Скандинавских странах. При этом Н. Захаров обратил внимание на то, что государственная политика в отношении

малочисленных народов в Якутской-Саха ССР не должна быть полностью скопированной с иностранного опыта, так как «народы Севера Якутии имеют свою историю, свое устройство хозяйства и быта, складывавшееся столетиями» [Там же].

Первые родовые общины начали создавать в 1990 г. Их образование стало результатом стремления народов Севера к организации национально-территориальных и самостоятельных экономико-хозяйственных образований, возникшего у них после Первого учредительного съезда Ассоциации народов Севера (далее – АНС) Якутии, прошедшего в декабре 1989 г. Интерес СМИ Якутии к родовым общинам как к новой форме хозяйствования коренных народов стал замечен со второй половины 1991 г., несмотря на то, что идея их организации, как уже отмечалось выше, была официально озвучена еще в 1989 г. В статье «Возращение на родные кочевья», вышедшей 2 октября 1991 г., президент АНС Якутии А.В. Кривошапкин охарактеризовал родовую общину как единственную форму для создания естественной сферы обитания коренных жителей Севера, признавая при этом, что в наследство им достается значительный комплекс проблем [Кривошапкин, 1991]. Являясь активным сторонником воссоздания родовых общин, А.В. Кривошапкин в статье «Возрождение родовых общин северян» привел успешный (с его точки зрения) пример такого возрождения: эвенскую родовую общину «Ойотунг». Также президент АНС Якутии указывал, что, несмотря на принятие примерного положения о кочевых родовых общинах Верховным Советом РС(Я), в котором признавалась новая форма собственности, представители коренных народов считали необходимым издать особый закон об общинах и других этнических национальных хозяйствах [Кривошапкин, 1992].

В связи с обсуждением закона о родовых общинах в 1992 г., в печатных СМИ Якутии актуализировался вопрос о национально-территориальном устройстве малочисленных народов Севера. В статье, посвященной первому Всероссийскому съезду юкагиров, С.Н. Горохов высказал мнение о необходимости наделения статусом заповедных зон территорий компактного проживания юкагиров и других малочисленных народов Севера. Такая мера, по его мнению, была необходима не только для возрождения традиционного хозяйства этих народов, но и для сохранения «устойчивой, естественной экологической обстановки» [Горохов, 1992].

С критикой принимаемых законопроектов на страницах главного печатного издания республики – газеты «Якутия» выступил сотрудник Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН Г. Иванов. Им было отмечено, что при принятии нормативных актов, касающихся малочисленных народов, законодателями не учитывалась такая важная задача, как сохранение этносов. По мнению автора, основное внимание в принимаемых законах обращалось на вопросы экономического и политического регулирования, в то время как проблемы этнокультурного развития полностью не рассматривались [Иванов, 1992а]. Им же были обозначены основные принципы, по которым должны организовываться административные образования малочисленных народов Севера как политические формы их самоорганизации. В их число входили следующие: проживание на территории национального района представителей одной или нескольких этнических групп северных народов, при этом их доля должна была составлять не менее 10% общей численности населения; компактность их расселения; наличие национальных сельских или поселковых Советов; преобладание в структуре экономики района традиционных отраслей и т.д. [Иванов, 1992б].

На фоне бурных политических трансформаций начала 1990-х гг. важным информационным поводом для привлечения внимания средств массовой информации к проблемам малочисленных этносов служили различные организационные мероприятия по формированию общественных инициатив коренного населения Якутии. Освещению данных мероприятий было посвящено значительное количество публикаций в республиканской прессе. Так, с 26 февраля по 2 марта 1992 г. в эвенкийском с. Иенгра Нерюнгринского района проходил I Республиканский съезд малочисленных народов Севера, в котором участвовали делегаты из 9 районов Якутии. Этому форуму были посвящены несколько статей, где нашли отражение проблемы, высказанные участниками съезда.

На страницах районной газеты «Алданский рабочий», освещавшей ход работы съезда, был поднят ряд актуальных проблем, в том числе строительство Учурской ГЭС и связанные с этим опасения по ухудшению экологической ситуации. Там же отмечались отсутствие интереса и слабая поддержка малочисленных народов со стороны местной администрации [Жукова, 1992].

Более подробно съезд эвенков был освещен в статье собственного корреспондента газеты «Якутия» М. Морозова. Им было отмечено, что участников съезда особенно волновала проблема постепенной ассимиляции, утраты языков, отхода от традиционных отраслей хозяйства коренных народов [Морозов, 1992]. При этом журналист указывал на общую умеренность требований, прозвучавших на съезде, и стремление к более активному сотрудничеству этнических общин с органами власти всех уровней.

Очень информативными в плане отображения проблем малочисленных народов стали заметки С. Горохова с первого Всероссийского съезда юкагиров, которые были опубликованы в республиканском издании «Советы Якутии». Озвученные в данной статье проблемы, с которыми сталкивались юкагиры, наглядно демонстрируют положение, в котором оказались аборигенные этносы Якутии к началу 1990-х гг. Одной из животрепещущих тем, которые затрагивались на съезде, стала жилищная проблема. Как отмечал автор статьи, в своих выступлениях юкагиры особо обращали внимание на хронический острый дефицит благоустроенного жилья в местах их компактного проживания, слабое развитие инфраструктуры поселений, необеспеченность объектами социального, культурного и бытового назначения. Социальное неблагополучие, по мнению участников съезда, являлось непосредственной причиной ухудшения таких демографических показателей, как рождаемость и продолжительность жизни [Горохов, 1992].

Не менее важной и животрепещущей проблемой, по мнению участников съезда, являлась стремительная культурная ассимиляция юкагиров. Учеными-филологами Г.Н. Куриловым и П.А. Слепцовым были представлены данные, демонстрирующие плачевное состояние юкагирского языка. В выступлении они выдвинули предложение о создании системы непрерывного обучения юкагирскому языку. По их замыслу, необходимо организовать обучение взрослых путем создания языковых кружков по специальной программе или индивидуально, ввести особую программу в школах, а также содействовать углубленному изучению родного языка студентами высших учебных заведений – будущими преподавателями, составителями учебников, учебных пособий и программ. Сдерживающим фактором изучения языка в школах, по мнению ученых, яв-

лялось отсутствие учебников, словарей, разговорников, книг для чтения, грамотно и просто составленной программы [Там же].

Проблемы функционирования родовых общин юкагиров стали еще одной важной темой обсуждения на съезде. Выступающими было отмечено, что из 50 родовых общин, образованных на тот момент в республике, только две являлись юкагирскими. Несмотря на обнадеживающий опыт первых лет существования общин все выступавшие признавали, что окончательное становление зависит от многих факторов: от целевого финансирования, выделения средств на строительство, решения проблемы транспортного обеспечения, оказания помощи в жилищно-коммунальном хозяйстве села и т.д. При этом главной проблемой, препятствующей дальнейшему развитию родовых общин юкагиров, по мнению участников съезда, стала юридическая неурегулированность вопросов, связанных с территориальным распределением мест традиционного природопользования коренного населения [Там же].

Начало 1990-х гг. характеризуется как время повышенного интереса печатных СМИ Якутии к проблемам коренного населения. Информация в СМИ содержала критическую оценку ситуации, в которой оказались малочисленные народы. Само появление подобных статей в печати, находящейся все ещё под контролем государства, дает основание полагать, что на разных уровнях происходило переосмысление положения коренных малочисленных народов Севера. Отход от старых патерналистских принципов в отношениях между властью и малочисленными народами дал последним возможность открыто заявлять о своих проблемах, обсуждать пути их решения.

Анализ печатной прессы показывает что, помимо социально-экономических и культурных

проблем малочисленных народов, доставшихся им еще с советской эпохи (обеспечение жильем, образование, здравоохранение), ставших уже традиционными для средств массовой информации, стали освещаться негативные последствия промышленного освоения Якутии. Проблема экологии в местах проживания коренного населения явилась новой темой в республиканской журналистике.

Литература

Винокурова Л.И. Аборигенные этносы Республики Саха (Якутия) в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 181–182.

Горохов С.Н. Разожгут ли свои костры юкагиры // Советы Якутии. – 1992. – 9 июля.

Егоров Е. Малочисленные народы Севера: проблемы выживания // Там же. – 1991. – 12 нояб.

Жукова О. Народ освобожден... Но счастлив ли народ // Алданский рабочий. – 1992. – 4 марта.

Захаров Н. Чужие на своей земле // Советы Якутии. – 1991. – 12 сент.

Иванов Г. Каждый народ должен пройти свой путь // Якутия. – 1992а. – 31 июля.

Иванов Г. Сообща позаботимся об общине // Там же. – 1992б. – 14 марта.

Колодезников В. Чужие на своей земле // Якутия. – 1991. – 16 нояб.

Кривошапкин А.В. Возращение на родные кочевья // Там же. – 2 окт.

Кривошапкин А.В. Возрождение родовых общин северян // Советы Якутии. – 1992. – 6 мая.

Морозов М. Трудные пути возрождения // Якутия. – 1992. – 31 марта.

Сулейманов А.А. Якутия и международное научное сотрудничество в Арктике в конце XX столетия. – Новосибирск: Наука, 2012. – 166 с.

S.A. Grigoryev

The situation of indigenous peoples of Yakutia in the post-perestroika period (based on the national press)

The article deals with the basic problems of indigenous peoples of the North through the print media Yakutia in early 1990 as well as the major thematic publications in the press, on the livelihoods of indigenous populations. The basic range of the problems of the North, has received coverage in the post-perestroika period.

Keywords: Yakutia, media, print media, the Arctic Indigenous Peoples, ecology, tribal communities, traditional land use, national culture, ethnic movement

Н.И. Иванова

**Современный носитель якутского языка г. Якутска:
социолингвистическая характеристика в динамике. 2008 и 2014 гг.**

Исследование основных социолингвистических показателей этноязыковой ситуации в условиях полиэтнического города, пространства, открытого внешним средам и влияниям, средоточия миграционных потоков актуально с точки зрения выявления индикаторов витальности языков, определения доминирующих тенденций в национально-языковых отношениях, предопределяющих языковое прогнозирование и направления языковой политики в регионе. Результаты социолингвистических опросов в г. Якутске в 2008 и 2014 гг. отражают продолжающиеся процессы этнического возрождения, этноязыкового развития среди всех возрастно-половых, социально-статусных групп якутского социума.

Ключевые слова: социолингвистический опрос, носитель якутского языка, этноязыковая идентичность, языковая компетенция, уровень владения якутским языком, якутский язык, социолингвистические переменные, социальное значение языка, статус, доход, уровень жизни.

Современный город в условиях языковой неоднородности открывает перед социолингвистом широкие возможности для изучения как социальной и функциональной дифференциации языка, так и установок, ориентаций, предпочтений носителей того или иного языка по отношению к родному этническому языку, к языкам, функционирующим в том или ином сообществе. Мы рассматриваем современного носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта города как замкнутого социума, в котором на разных уровнях переплетаются индивидуальные, групповые и коллективные интересы, отношения, мотивации и формы социального и речевого поведения. При этом лингвистический ландшафт города формирует как индивидуальные мотивации и формы поведения, принимаемые городским микросоциумом, так и речевые проявления индивида или социальной группы, влияющие на формы и характер речевого общения в целом.

Задача разрабатываемой в данный период темы состоит в макро- и микросоциолингвистическом описании современного носителя якутского языка в условиях языковой неоднородности г. Якутска посредством социолингвистических и психолингвистических методов. Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер, характеризуется трехмерностью анализа материала: лингвистического, социолингвистического, психолингвистического, интерпретация результатов которого представляет интерес с точки зрения вопросов языковой политики и языкового прогнозирования. Лингвистический

блок исследования, в частности интенсивные и экстенсивные показатели современной устной якутской речи в г. Якутске на материале телевизионной речи редакторов, ведущих НВК «Саха», представлен на страницах предыдущего номера «Северо-Восточного гуманитарного вестника» [Иванова, 2015].

Задача данной статьи – дать основные макросоциолингвистические характеристики, в частности, языковой компетенции, этноязыковой идентичности, современного носителя якутского языка в динамике 2008 и 2014 гг., а также обозначить социальное значение (статус) якутского языка в сегодняшней социальной практике г. Якутска.

Эмпирический материал составляет база данных социолингвистического опроса 467 респондентов – этнических якутов, в том числе 40,9% в возрасте от 16 до 25 лет, 20,8% – от 26 до 35 лет, 23,8% – от 36 до 50 лет и 14,6% – старше 50 лет. Жители столицы представлены 21,9% родившихся в Якутске; 36,7% проживают в ней свыше 10 лет; 13,9% – 4–10 лет, 16,1% – 1–3 года. Принадлежность к разным социально-профессиональным группам следующая: студенты – 36,9%; работники сферы образования, культуры, науки – 18%; госслужащие – 24,3%; работники здравоохранения – 9,8%; специалисты, ИТР – 7,9% и т.д.

Демографические показатели. Перепись 2010 г. показала продолжающееся со времени переписи 2002 г. увеличение доли титульного населения. Если по РФ в 2002 г. насчитывалось

443852 якута (саха), то в 2010 г. – 478085; по республике – 432290 в 2002 г. и 466492 – в 2010 г. Динамика роста титульного этноса в г. Якутске показана в табл. 1.

Таблица 1

Численность якутов (саха) и русских (чел.), проживающих в г. Якутске, по итогам переписей в динамике*

Национальность	Годы		
	1989	2002	2010
Якуты	55132	101197	140272
Русские	137259	113574	113624

* Составлена по: Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия) //http://sakha.gks.ru

Таким образом, к 2010 г. соотношение русских и якутов составило 38,4 и 47,4 % соответственно.

Этноязыковая идентичность. Наш опрос показал, что 83,9% саха имеют прямую этноязыковую идентичность, что незначительно, почти на 2%, превышает показатели 2007 г. (82%). Явление языкового сдвига сократилось более чем в два раза, также незначительно, но сокращается двойственная этноязыковая идентичность – признание родным обоих (якутского и русского) языков (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей этноязыковой идентичности якутов, проживающих в г. Якутске, %

Родной язык	2007 г.	2014 г.
Якутский	82,0	83,9
Русский	8,1	3,7
Оба (русский и якутский)	13,0	12,4

Для определения внутриэтнических особенностей значимости родного языка в этнической социализации якутов рассмотрим приоритеты по полу, возрасту, уровню образования. Гендерные особенности в приверженности к родному языку не выявляют сколько-нибудь заметных отличий: женщины на 84,9%, мужчины на 82,2% признают родным этнический язык. Русский значим как родной для 4,2% женщин и 2,4% мужчин. Оба языка считают родными 10,9% женщин и 15,1% мужчин.

В якутском сообществе г. Якутска (табл. 3) прямая языковая идентификация прямо пропорциональна возрасту респондентов, тогда как в 2007 г. она была характерна для самой молодой группы – 16–25 лет. Во всех возрастных группах,

кроме самых молодых, наблюдается возрастание языковой лояльности, приверженности к родному, этническому языку. Явление языкового сдвига в сторону русского языка в целом сокращается (на уровне 2007 г. сохраняется в группе молодых): у двух средних групп – значительно, в группе респондентов старше 50 лет – на 1,1%. Несомненно, позитивным фактом сохранности языка является сокращение признания русского языка в качестве родного для социально активного возраста 26–50 лет.

Двойственность в определении родного языка присутствует во всех группах, но характерна больше для молодых – от 16 до 25 лет и имеет тенденцию к возрастанию, в остальных группах – к снижению.

Таблица 3

Динамика показателей этноязыковой идентичности якутов, проживающих в г. Якутске, в зависимости от возраста респондента, %

Родной язык	Возраст, лет							
	19–25		26–35		36–50		Старше 50	
	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.
Якутский	84,4	78,3	75,8	86,1	70,3	87,1	85,7	90,1
Русский	3,9	3,9	8,4	3,7	17,2	4,0	3,6	2,5
Оба (русский и якутский)	11,7	17,7	15,8	10,2	12,5	8,9	10,7	7,4

Исследования показали, что в 2014 г. этноязыковая идентичность не зависит от языка обучения в школе: среди респондентов-горожан признают якутский родным как обучавшиеся полностью на якутском, так и 51,3% полностью обучавшихся на русском, тогда как в 2008 г. лишь 24,4% из числа закончивших русскую школу признавали родным якутский язык. А 96,6%, признавших родным русский язык, обучались на русском языке. Данный показатель более чем отчетливо отражает снижение нигилистических настроений респондентов по отношению к якутскому языку.

Языковая компетенция. В психологии и лингвистике языковой способностью считается способность человека к порождению и восприятию

речевых произведений, поэтому нам представляется вполне оптимальным для объективизации категории уровня владения языком воспользоваться классическими психолингвистическими разработками – для определения уровня владения языком использовать элементарные механизмы речи по её видам. В анкете были использованы формулы для активного владения: свободно говорю, читаю и пишу; говорю, читаю, но не пишу; для пассивного владения языком говорю, но не читаю и не пишу; говорю с затруднениями; понимаю общий смысл сказанного, но не говорю, а также отмечалось незнание языка: не владею (табл. 4).

Таблица 4

Динамика показателей языковой компетенции якутов, проживающих в г. Якутске, %

Уровень владения языком	Владение якутским языком		Владение русским языком	
	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.
Свободно говорю, читаю, пишу	77,6	80,6	92,1	86,4
Говорю, читаю, но не пишу	9,6	6,2	1,2	2,3
Говорю, но не читаю и не пишу	3,8	4,5	0,0	0,0
Говорю с затруднениями	3,2	4,3	6,3	10,3
Все понимаю, но не говорю	0,9	0,6	0,0	0,4
Понимаю общий смысл сказанного	3,5	3,1	0,3	0,4
Не владею	1,5	0,8	0,0	0,2

Опрос зафиксировал незначительное, но увеличение языковой компетенции якутов в якутском языке. Причем нельзя однозначно отметить социолингвистическую обусловленность: возросло активное владение (свободно говорю, читаю, пишу), владение якутской разговорной речью, а также количество говорящих с затруднениями. Снизилось количество якутов, владеющих письменным языком, а также понимающих смысл или общий смысл разговора, но не говорящих, и совсем не владеющих каким-либо уровнем якутского языка. Таким образом, однозначно утверждать, что сокращаются какие-либо умения и навыки, нет основания.

Свободное владение русским языком несколько сократилось: с 92,1% в 2007 г. до 86,4% в 2014 г. Владение письмом падает, незначительно увеличи-

вается пассивное владение и невладение русским языком. Количество затрудняющихся в русской речи увеличилось (6,3% в 2007 г. и 10,3% в 2014 г.).

В целом, доминирующая часть якутского населения двуязычна. Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. в общей совокупности ответов свободное владение русским языком у якутов на 14,5% было выше владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница уже не столь ощутима и составляет 5,8%.

Несмотря на высокую языковую компетенцию, лишь 49,6% якутов отметили, что думают на якутском или больше на якутском, 21,4% – на русском и 29% – на обоих языках. В том числе 46,7% женщин думают на якутском, 21,5% – на русском и 32,3% – в равной степени на якутском и на русском. 55,7% мужчин думают на якутском, 21,3% – на русском и 23% – на обоих языках. В целом, корреляция языка мышления якутов по параметру возраста аналогична результатам корреляции этноязыковой идентификации и языковой компетенции по возрасту, т.е. ограничивается числом факторов, модифицирующих речевое поведение языковой личности респондента-якута в условиях активной конкуренции якутского и русского языков в г. Якутске, и сводится к параметру возраста (табл. 5).

Таблица 5

Показатели языка мышления якутов, проживающих в г. Якутске, %

Ответы	Возраст, лет			
	16–25	26–35	36–50	Старше 50
На якутском языке	43	45,8	57,6	60,5
На русском языке	28,7	18,7	16,2	14,8
На якутском и русском	28,2	35,5	27,4	24,7

Среди якутов с родным якутским 42% думают только на якутском, 29% – в равной степени на якутском и на русском, 15,5% – больше на якутском. И вполне понятно, что 89,5% якутов с родным русским думают не только на русском. Интересна языковая дифференциация в этом вопросе у якутов с двумя родными – большинство их, т.е. 38,1% респондентов, думают в равной степени на якутском и на русском. Таким образом, можно отметить, что, несмотря на наличие других факторов, язык, на котором мы думаем,

зависит не только от языковой компетенции, но и от языковой идентификации. Так, среди якутов с родным якутским 42% думают только на якутском, данная детерминанта действует и по отношению к языковой компетенции – 43,1% якутов, свободно владеющих якутским языком, думают только на якутском.

По самооценке респондентов языковая компетенция горожан в якутском языке с возрастом увеличивается. Пассивное владение (говорю с затруднениями, понимаю общий смысл сказанного, но не говорю) якутским языком однозначно более распространено в группе самых молодых – 16–25 лет (табл.6).

Таблица 6

Показатели уровня владения якутским языком якутов, проживающих в г. Якутске, в зависимости от возраста, %

Уровень владения языком	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	Старше 50
Свободно говорю, читаю, пишу	78,1	78	81,5	88,9
Говорю, читаю, но не пишу	5	8,3	8,1	3,7
Говорю, но не читаю и не пишу	4,5	4	4,8	3,7
Говорю с затруднениями	6	4,6	2,4	2,5
Все понимаю, но не говорю	0	0,9	1,6	0
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	5,5	3,7	0	1,2
Не владею		1	0	1,6

Якутский язык обучения в школе или преподавание части предметов на якутском предполагает наиболее высокую языковую компетенцию в якутском языке.

Поскольку язык имеет как символическое, так и социальное значение, в качестве одной из социолингвистических переменных выберем уровень доходов респондентов и рассмотрим их корреляцию с языковой компетенцией и этноязыковой идентичностью. Опрос показал, что в совершенстве владеющий якутским имеет наиболее высокий доход, правда, их количество среди наших респондентов небольшое (1,3%). Но и нельзя утверждать, что самые небогатые слои населения лучше владеют якутским языком, учитывая, что среди опрошенных 36,9% респондентов

составили студенты вузов г. Якутска, основной доход которых составляет ежемесячная стипендия, исчисляемая от 3100 руб. (табл.7).

Таблица 7

Уровень владения якутским языком якутов, проживающих в г. Якутске, в зависимости от уровня дохода, %

Уровень владения языком	Какой лично у Вас средний доход в месяц?				
	Менее 13 тыс. руб. (28%)*	13–25 тыс. руб. (24,4%)*	25–40 тыс. руб. (30,2%)*	40–70 тыс. руб. (15,7%)*	Более 70 тыс. руб. (1,3%)*
Свободно говорю, читаю, пишу	75,4	87,7	82,1	74,3	100
Говорю, читаю, но не пишу	7,7	6,2	4,1	9,5	0,0
Говорю, но не читаю и не пишу	3,5	3,8	3,4	8,1	0,0
Говорю с затруднениями	6,3	0,0	5,5	4,1	0,0
Все понимаю, но не говорю	0,0	0,8	0,0	2,7	0,0
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	5,6	0,8	4,1	1,4	0,0
Не владею	1,4	0,8	0,7	0,0	0,0

* Доля респондентов с данным уровнем дохода из всей совокупности опрошенных.

В ответах на вопрос «Как Вы оцениваете уровень жизни и достаток Вашей семьи?» несколько нивелируется влияние языковой компетенции, видимо потому, что запросы, потребности у людей разные. Самый высокий уровень владения отмечается у респондентов, оценивающих свое благополучие как очень высокое и самое низкое. Также среди людей с высоким достатком 90,6% свободно владеют якутским. А основная масса якутов, жителей столицы, относят себя к людям со средним достатком и уровень владения языком оценивают чуть ниже, чем у людей с более высоким уровнем благосостояния (табл. 8).

Таблица 8

Результаты корреляции уровня владения якутским языком и благосостояния семей якутов, жителей г. Якутска, %

Уровень владения языком	Как Вы оцениваете уровень жизни и достаток Вашей семьи?				
	Очень высокий (0,2%*)	Высокий (6,5%*)	Средний (79%*)	Низкий (13,4%*)	Очень низкий (0,9%*)
Свободно говорю, читаю, пишу	100	90,6	79,6	77,9	100
Говорю, читаю, но не пишу	0,0	3,1	6,5	7,4	0,0
Говорю, но не читаю и не пишу	0,0	3,1	4,7	4,4	0,0
Говорю с затруднениями	0,0	0,0	4,7	4,4	0,0
Все понимаю, но не говорю	0,0	0,0	0,5	1,5	0,0
Понимаю общий смысл сказанного	0,0	3,1	3,0	4,4	0,0
Не владею	0,0	0,0	1,0	0,0	0,0
Другой ответ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

* Доля оценивших из всей совокупности опрошенных

И вполне понятно, что на уровень жизни и достаток семьи этноязыковая идентичность существенно не влияет – среди респондентов-горожан с родным якутским есть люди с разным уровнем достатка. Но если контурно обрисовать ситуацию, то можно отметить, что достаточно значимо количество с высоким, средним, низким уровнями владения среди респондентов с двойной этноязыковой идентичностью. Якуты с родным русским языком имеют средний и низкий уровни жизни. Данные по среднему доходу в месяц в корреляции с родным языком позволяют отметить отсутствие прямой зависимости этих параметров. Интересный результат получен при корреляции уровня владения якутским и уровня образования – ниже всего уровень свободного владения у респондентов с высшим законченным образованием (75%), что указывает на продолжение тенденции прошлых лет. Таким образом, в ответах современных носителей якутского языка якутский язык имеет признаки социально марки-

рованного кода. Уровень владения якутским языком среди русских – также убедительный показатель происходящих в обществе изменений в отношении к статусу якутского языка и в отношении к возможности и необходимости его изучения [Иванова, 2012; 2013]. Интересно в связи с этим представить цифры о владении региональными языками в субъектах РФ, которые, на мой взгляд, в некоторой степени отражают степень статусности языков в регионах. Так, по переписи 2010 г. число русских в Чечне, владеющих чеченским языком, составляет 6% (1639 чел.), в Татарстане, владеющих татарским языком, – 3,5%; в Тыве и Якутии – по 2%, в Марий Эл – 1,4%, в Башкортостане – 1% (14640 чел.). Причем, если 6% русских в Чечне составляет 1639 чел., то 2% в Якутии – это 7229 чел. [Итоги ...].

Таким образом, в г. Якутске в 2014 г. по сравнению с 2007 г. наблюдаются некоторые изменения в этноязыковых процессах, процессы этнического возрождения продолжаются. Причастность к ренессансу этнического самосознания, кроме такового сельских жителей и коренных горожан, в основном представителей среднего и старшего возраста отмечает и этносоциолог В.Б. Игнатъева [2014]. В трудах социологов И.И. Подойницыной и М.А. Кузьминова [2013] находим весьма позитивные ответы, что, несмотря на индустриализацию общества, сегодня в якутском обществе все возрастано-половые, социально-статусные группы якутского социума испытывают необходимость в воспроизводстве национальной культуры, а значит, она может и будет воспроизводиться.

Этноязыковая ситуация среди населения г. Якутска за 7 лет характеризуется: сохранностью этнического языка в качестве родного; снижением уровня языкового сдвига в два раза; стабильностью числа якутов, признающих родным одновременно якутский и русский языки (в пределах 13%); тенденцией к ослаблению значимости языковой идентичности (консолидирующей функции языка) у молодежи; незначительным возрастанием свободного владения якутским языком; тенденцией к снижению уровня владения русским языком. Сегодня в г. Якутске ассимилятивные тенденции приостановлены, чему объективно способствовали социально-демографические и национально-культурные факторы развития общества.

Якутский язык в столице республики сегодня – язык, имеющий социальный статус, близкий

к высокому, преодолевающий этнонигилистические настроения среди этнических якутов, язык с будущим.

Литература

Иванова Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2012.

Иванова Н.И. Социопсихолингвистический портрет редактора и ведущего НВК «Саха»: результаты мониторинга 2012–2013 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – №1. – С. 99–105.

Иванова Н.И. Статус русского языка в РС(Я) // Вестник СВФУ. – 2013. – №3. – С. 58–63.

Игнатьева В.Б. Перформанс как ресурс формирования этнической идентичности современных горожан-саха // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: матер. Всерос. конф. (Казань, 25–27 сент. 2014 г.). – Казань, 2014. – С. 161–166.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // www.gks.ru. (дата обращения: 31.05.2014)

Подойницына И.И., Кузьминов М.А. Воспроизводство национальной культуры народов саха в современных условиях // Социс. – 2013. – №12. – С. 42–51.

N.I. Ivanova

A modern Yakut language speaker of Yakutsk: sociolinguistic feature in dynamics 2008, 2014.

A sociolinguistic study of the main indicators of ethno-linguistic situation in a multi-ethnic city, space, open to the external environments and influences, the focus of migration flows, always has a high relevance from the point of view of identification of indicators of the vitality of languages, identify dominant trends in national-linguistic relations that determine linguistic prediction and direction of language policy in the region. The results of sociolinguistic surveys in Yakutsk in 2008 and 2014 reflect an ongoing process of ethnic revival, ethno-linguistic development among all age-sex, social status groups the Yakut society.

Keywords: sociolinguistic survey, native Yakut language, ethnolinguistic identity, language competence, levels of knowledge of the Yakut language, the Yakut language, sociolinguistic variables, the social meaning of language, status, income, standard of living.

УДК 316.66(=1-81) (571.56-13)

П.В. Сосин

Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера

В данной статье представлены итоги социологического исследования в районах промышленного освоения, в местах традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера и оценка влияния изменений на социально-экономическое развитие этих народов.

Ключевые слова: мегапроекты, этноэкологическая экспертиза, экология, коренные малочисленные народы Севера, природопользование.

В условиях глобализации общества в мире, стране, регионе или локальных сообществах возникают проблемы социальной адаптации населения к трансформационным процессам социально-экономического, социокультурного, этнодемографического, политического и иного характера. Основные моменты этносоциальной адаптации населения на Севере были разработаны нами в коллективной монографии [Баишева, Донской, Константинова и др., 2012].

Общетеоретические основы решения экологической проблемы рассматривались в работах советских ученых: члена-корреспондента АН СССР И.Т. Фролова, вице-президента АН СССР академика А.В. Сидоренко, академиков Д.М. Гвишиани, Е.К. Федорова, Б.Н. Ласкорина, Т.С. Хачатурова, летчика-космонавта СССР В.И. Севастьянова, докторов философских наук А.Д. Урсул и С.Н. Смирнова, а также доктора юридических наук О.С. Колбасова [Общество..., 1980].

Зарубежные исследователи-экологи Е. Экхольм и Т.Е. Лавджой считают главной социальной и экологической мировой проблемой перспективы потери животных и растений [Eckholm, 1978; Lovejoy, 1976].

Как отмечал известный советский географ-ландшафтовед А.Г. Исаченко [1980], популярность проблемы охраны природной среды стала причиной того, что в научную литературу «хлынул неудержимый поток скороспелых дилетантских сочинений на тему охраны окружающей среды, на страницах газет, журналов и книг использовалось слово экология».

К этому необходимо добавить различные дискуссии о проблемах экологии. Например, академик М.А. Стырикович писал, что «в выступлениях на эту тему слишком много общих рассуждений, демагогической риторики и даже погони за сенсациями и слишком мало научного профессионального подхода» [Удальцов, 1975].

Развитие научно-технического прогресса привело, с одной стороны, к резкому возрастанию антропогенного воздействия на окружающую природную среду, а с другой – облегчило затраты физической силы человека с 30 до 3% [Покровский, 1986].

В глобальном подходе к перспективам развития человека известный социолог Игорь Васильевич Бестужев-Лада в середине второй половины XX в., анализируя сотни различных проектов, выделил 11 основных проектов, которые с некоторыми сокращениями представляют собой разные инженерные разработки: транспортные магистрали; каналы; плотины и водохранилища на реках; морские плотины; искусственные острова; реконструкция отдельных районов земной суши, акватории прибрежных участков морей и части целых континентов; разработки проектов комплексного освоения Мирового океана; изменение климата, геокосмические проекты различного назначения [Бестужев-Лада, 1986].

И.И. Поисеев считает, что для устойчивого развития Севера необходимо провести следующее: учет и информационное обеспечение; территориальные ограничения природопользования; разработать экологические нормативы и стандарты; а также нормирование природопользования [Поисеев, 1999].

Исследователь Е.И. Бурцева геоэкологические проблемы развития региона рассматривает через призму оптимизации взаимоотношений человека

и природы. В оценке эколого-экономического ущерба, наносимого природным ресурсам, ею выделен следующий методологический подход:

а) при учете стоимости продукции исходить из качества земельных участков;

б) капиталовложения на производство должны быть одинаковые, независимо от состояния земель;

в) при оценке дифференциальной ренты худших земель их равнять к нулю [Бурцева, 2006].

При данном методологическом подходе второе положение противоречит сбалансированному комплексному подходу, так как для регионов с суровыми природно-климатическими условиями и низким уровнем качества жизни населения требуются наиболее высокие капитальные вложения.

В Южную Якутию включают территорию трех муниципальных образований Республики Саха (Якутия): Алданское МО (район), Нерюнгри и Олекминский улус, общей площадью 416,5 тыс. м², где проживают 152,0 тыс. чел., в т.ч. представители коренных народов Севера, ведущие традиционное природопользование (таблица).

Территория, численность, плотность и национальный состав населения Южной Якутии*

	Южная Якутия	Муниципальные образования		
		Алданский район	Нерюнгри	Олекминский улус
Территория, тыс. км ²	416,5	156,8	98,9	160,8
Население, тыс. чел.	152,0	42,6	82,7	26,7
Плотность населения, чел.	0,36	0,27	0,84	0,17
Средний возраст, лет	-	35	32	32
Национальный состав, %				
русские	-	78,8	75,6	48,2
якуты	-	3,9	2,1	41,7
эвенки	-	4,1	1,1	3,9
украинцы	-	5,5	9,4	1,1
татары	-	1,3	2,4	2,3
другие	-	6,4	9,4	2,8

* Источник: Иллюстрированный атлас Республики Саха: новейшие карты, цифры, факты. – Якутск: Бичик, 2012. – 232 с.

Алданский район занимает ведущее место по горнодобывающей промышленности, которая обеспечивает 30% добываемого в Якутии золота. Развиты отрасли ювелирной, лесной, деревообрабатывающей и пищевой промышленности. В

основе сельского хозяйства – мясомолочное, оленеводческое производства.

Нерюнгри с подчиненной ему территорией производит 12,5% промышленной продукции республики, в т.ч. 97% угля и 24% золота. Сельское хозяйство имеет 568 га посевных площадей, из которых 478 га занимает картофель и 90 га – овощи.

В Олекминском улусе производятся пищевые продукты, заготавливается древесина и изготавливаются пиломатериалы. Развито мясомолочное производство. Выращиваются зерновые, картофель, овощи и кормовые культуры.

В этих районах развиваются как отдельные отрасли традиционной деятельности КМНС оленеводство, рыболовство и охотничий промысел. В их хозяйствах содержится 11,9% всего поголовья оленей РС(Я). Рыбаки Южной Якутии добывают: хариусов, налимов, щук, тайменей, окуней, сига и пр. виды, которые затем перерабатывают (вяление, засолка и заморозка), но в основном для личного потребления. Охотничье хозяйство слабо адаптировано к новым рыночным требованиям. Бюджетные средства поступают в ГУП ФАПК «Сахабулт» и ООО «Булчут», которые не решают вопросы улучшения социально-бытовых условий промысловиков-охотников.

В Южной Якутии имеются две территории традиционного природопользования местного значения: в Алданском районе – это Беллетский национальный наслег и в Олекминском улусе – Тяньский национальный наслег.

Территория Южная Якутия занимает 13,5% площади Республики Саха (Якутия), где имеются особо охраняемые природные территории: Алданский улус (бассейны малых рек Верхняя Амга, Гонам, Гынным, Джанда, Кырбыкан, Мундуруччу, Тыылаах, Улахан-Тала и Аппарах – 33894,1 км², Нерюнгри (Восток и Хатыми) – 12663,3 км² и Олекминский улус (WWF – Саха (Чоруода), Бирюк и Кейиктэ) – 22190,0 км², что в целом составляет 68747,4 км².

В мегапроекте «Комплексная программа развития Южной Якутии» планируются: строительство Канкунской ГЭС «РусГидро», автомобильной дороги «Малый Нимныр» – створ Канкунской ГЭС», ЛЭП 500 кВ Канкунская ГЭС – Нерюнгри и ПС 500/220/110 кВ, газопровода «Газпром», добыча и переработка железной руды «ГМК Тимир».

Сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИГИИПМНС СО РАН выполнены

ряд хозяйственных работ: «Оценка воздействия на окружающую среду в составе проектной документации на строительство Канкунской ГЭС на р. Тимптон» и «Этнологическая экспертиза в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». Сотрудники также приняли участие в обсуждении ОВОС Канкунской ГЭС в г. Нерюнгри и г. Алдан.

Осуществление мегапроектов в Южной Якутии по освоению недровых богатств, гидроэнергоресурсов и т.д. будет существенно влиять на ведение традиционных отраслей хозяйства (олениводство, охотпромысел и рыболовство). Из письма министра сельского хозяйства РС(Я) за № 01-1668/12 от 29.07.2010 г.: «В районе предполагаемого строительства Канкунской ГЭС на р. Тимптон будут затронуты границы закрепленных охотничьих угодий по Алданскому району ОАО «Хатыстыр», СПК (КРО) «Иджек», СПК (КРО) «Сеемжа», СПК (КРО) им. Мартынова и СПК (РО) «Тимптон», по Нерюнгринскому району – КРО «Аманджак», а также граница угодий общего пользования Нерюнгринского района» (текущий архив Министерства сельского хозяйства РС(Я)).

Следует добавить, что нефтепроводная линия ВС–ТО (Восточная Сибирь – Тихий океан) проходит через территории СПК (КРО) «Киэн Урэх», СПК (КРО) «Сэргэлээх», СПК (КРО) «Амга» и ОАО КМНС «Хатыстыр», а железная дорога «Томмот – Якутск» – по землям СПК (КРО) «Натали», СПК (КРО) «Кырбыкан», СПК (КРО) «Буяга» и СПК (КРО) «Гонам».

Также негативно влияет деятельность Южно-Якутского энергетического комплекса, в частности строительство дорог для энергетиков или газовиков, которые проходят по территории СПК (КРО) «Иджек», СПК (КРО) «Сеемджа», СПК (КРО) им. Мартынова, СПК (КРО) «Тимптон», СПК (КРО) «Хатын» и СПК (КРО) «Угино».

В октябре 2011 г. в г. Нерюнгри Союз кочевых родовых общин (КРО) «Орон» организовал круглый стол «Промышленное освоение Южной Якутии и соблюдение прав коренных малочисленных народов Севера», а в с. Иенграбыл проведен семинар юридического направления «Правовые основы этноэкологического самоуправления органов власти, промышленных компаний и КМНС в условиях реализации проектов развития Южной Якутии».

Проектом строительства трассы газопровода Чайядинского НГКМ – Сковородино предусматривается отчуждение земель по первому варианту: в Алданском районе – 241292 га, Нерюнгри – 1917,59 га, в Олекминском улусе – 3144,06 га; по второму варианту: в Нерюнгри – 413,70 га и в Олекминском улусе – 4772,74 га. Таким образом, при промышленном освоении Южной Якутии будет происходить и происходит интенсивный процесс отчуждения земель традиционного природопользования КМНС.

В Южной Якутии в традиционных отраслях северного хозяйства заняты в основном представители КМНС – эвенки, среди них оленеводов 505 чел. (Алданский район – 259 чел., Нерюнгри – 168 чел. и Олекминский улус – 78 чел.). Рыба добывается для личных нужд (дополняет пищевой рацион оленеводов и охотников). Численность охотников составляет 256 чел., в т.ч. в Алданском – 124 чел., Нерюнгри – 67 чел., и Олекминском улусе – 65 чел. В Алданском районе имеются одна сельскохозяйственная организация, 25 родовых общин и одно крестьянское (фермерское) хозяйство; в Нерюнгри с прилегающей территорией – 20 родовых общин и одна сельскохозяйственная организация; в Олекминском улусе – пять сельскохозяйственных организаций, шесть родовых общин, одно подсобное хозяйство несельскохозяйственной организации и 17 крестьянских (фермерских) хозяйств. Общая площадь земель общинно-родовых хозяйств составляет по Алданскому району 7081426 га, Нерюнгри с п.т. – 4718555 га и Олекминскому улусу – 858,5 га.

Современное состояние социально-экономического развития не поддается среднестатистической оценке по уровню и качеству жизни. Осенью 2010 г. сотрудниками сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН проводилось социологическое исследование в Алданском районе (с. Хатыстыр) и Нерюнгри (с. Иенгра). Было опрошено 41 домохозяйство, в т.ч. 31 – в с. Хатыстыр и 10 – в с. Иенгра.

В целом, на основе анкетного обследования членов кочевых родовых общин в разрезе домохозяйств, среднегодовой доход на одну общину составляет всего 431388,14 руб., т.е. на 1 чел. приходится в год 35949 руб., или среднемесячный доход на 1 чел. составляет 2995 руб. 75 коп., что составляет 33,0% от среднемесячного прожиточного минимума (9073 руб.), установленного в

2010 г. по Республике Саха (Якутия), или в 7,6 раза ниже среднемесячной заработной платы работников Алданского района. Для сравнения можно привести международный стандарт среднемесячного дохода на 1 чел. семьи среднего класса, который определен в сумме 3500–8000 долл. (119–272 тыс. руб.), в т.ч. в Германии – 700 евро (31,5 тыс. руб.). Социологическое обследование работников родовых общин Алданского и Нерюнгринского районов показало следующее:

1) среднегодовой доход на одного человека, занятого в традиционной отрасли хозяйства, составляет только 33% от прожиточного минимума, установленного по РС(Я);

2) необустроенность работников традиционных отраслей хозяйства;

3) большие материально-технические затраты на ведение традиционных отраслей хозяйства из-за удаленности от стационарных поселений, бездорожья, постоянного роста цен на горючее и запчасти и т.д.;

4) снижение продуктивности биоресурсов;

5) отчуждение земель традиционного природопользования при промышленном освоении полезных ископаемых и развитии транспортной инфраструктуры;

6) межевой план кадастровых работ по уточнению площадей и установлению границ одной общины стоит 200–300 тыс. руб., что равняется 69,5% годового дохода общины;

7) недостаточное исполнение нормативно-правовых актов.

Методика исчисления размера убытков в традиционных отраслях северного хозяйства была утверждена приказом Министерства регионального развития РФ от 9 декабря 2009 г. № 565 «Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». Эта методика состоит из 8 разделов и 8 приложений:

- раздел I. Общие положения;

- раздел II. Состав убытков, причиненных Правообладателям деятельностью организаций всех форм собственности и физическими лицами;

- раздел III. Расчет ежегодного валового дохода, получаемого при ведении традиционной хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;

- раздел IV. Исчисление размера упущенной выгоды Правообладателей в зонах стрессового воздействия;

- раздел V. Исчисление размера убытков Правообладателей при изъятии земельного участка или предоставлении в постоянное пользование земель и других природных ресурсов;

- раздел VI. Исчисление размера убытков Правообладателем при временном занятии, самовольном занятии земельного участка, временном пользовании землей и другими природными ресурсами;

- раздел VII. Исчисление размера убытков Правообладателей при ухудшении качества земель и других природных ресурсов в результате деятельности других лиц, в т.ч. порче земель;

- раздел VIII. Исчисление размера убытков Правообладателей при обременении земельных участков.

В преамбуле методики исчисления убытков упущено определение термина «ущерб» и его формирование как экономической категории, а также междисциплинарное определение «ущерба» с комплексной классификацией видов убытков. Далее по разделам:

1. Неизвестно, учтены ли опыты исчислений ущерба, причиненного на территориях традиционного хозяйства на Севере, например, в Ямало-Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО;

2. 2.1. В составе убытков не учтены:

- ухудшение здоровья населения прилегающих территорий;

- расходы на рекультивацию земель и восстановление биологического разнообразия природы.

3. Расчет ежегодного валового дохода через оценки качества и биоресурсов на основе геоботанической карты требует внедрения ГИС (геоинформационной системы) РФ.

4. Не указаны степень и длительность стрессового воздействия по пяти перечисленным зонам.

5. Если при изъятии земельного участка не имеется возможности предоставить землю, что можно предусмотреть кроме денежной компенсации?

6. Не учтен моральный ущерб Правообладателя.

7. 7.6. Степень ухудшения качества:

- стихийное;

- антропогенное.

Методика разработана в соответствии с Гражданским и земельным кодексом Российской Федерации и Федеральными законами №82 от 30 апреля 1999 г. ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и №49 от 7 мая 2001г. ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Проблемы социально-экономического и культурного развития КМНС в условиях осуществления мегапроектов требуют этнологической экспертизы региона и комплексного подхода к учету ущерба от отчуждения земель традиционного природопользования КМНС.

Согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды» и на основании «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р, необходимы:

- картирование территории кочевых родовых общин методом космической фотосъемки SPOT;

- проведение экологического мониторинга территории традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС;

- разработка и принятие закона РС(Я) «Об этнологической экспертизе»;

- наиболее полный учет ущерба природных ресурсов территории промышленного освоения;

- внедрение ГИС (геоинформационной системы) при этноэкологической экспертизе территории традиционного природопользования;

- ускорение сроков проведения этноэкологической экспертизы карт территорий компактного проживания КМНС и традиционного природопользования, разработанной Министерством промышленности Республики Саха (Якутия).

Литература

Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2012. – 363 с.

Бестужев-Лада И.В. Мир нашего завтра. – М.: Мысль, 1986. – 269 с.

Бурцева Е.И. Геоэкологические аспекты развития Якутии. – Новосибирск: Наука, 2006. – 270 с.

Иллюстрированный атлас Республики Саха: новейшие карты, цифры, факты. – Якутск: Бичик, 2012. – 232 с.

Исаченко А.Г. Оптимизация природной среды (географический аспект). – М.: Мысль, 1980. – 264 с.

Общество и природная среда: сб. – М.: Знание, 1980. – 240 с.

Полусеев И.И. Устойчивое развитие Севера: эколого-экономический аспект. – Новосибирск: Наука, 1999. – 280 с.

Покровский А. Первое свидание: изображения кометы Галлея переданы на Землю // Правда. – 1986. – 6 марта.

Удальцов А. Серьезное беспокойство, обоснованные надежды // Литературная газета. – 1975. – № 16. – С. 13.

Eckholm E., *Disappearing Species: the social challenge* // Worldwatch paper. – № 22. – July 1978. – P. 5.

Lovejoy T.E. Global changes in diversity by 2000. – Washington. – April 1978. – P. 25; Raven P.H. Ethics and Attitudes // Conservation of threatened plants. – N.Y., 1976. – P. 161.

P.V. Sosin

South Yakutia: social adaptation and ethno-ecological problems of the indigenous peoples of the North

This article presents the results of sociological research in the areas of industrial development and in places of traditional nature use of indigenous numerically small peoples of the North and assessment of the impact of changes on socio-economic development of these peoples.

Keywords: megaprojects, ethno-ecological expertise, environment, indigenous peoples of the North, management of natural resources.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 398

И.Н. Муйтуева

Тарбаган в сказочной прозе алтайцев

В статье представлены и проанализированы собранные автором варианты и версии сюжетов этиологических преданий о тарбагане алтайской фольклорной традиции.

Ключевые слова: этиологические предания, кан-кереде, тарбаган, сурок, большой палец.

В настоящее время идет процесс активизации изучения региональных фольклорных традиций, что предполагает обращение, прежде всего, к устному народному творчеству, поскольку именно здесь содержится архаичный пласт культуры народа.

В системе традиционных народных представлений об окружающем мире животные выступают как образы мифологической картины мира, а значит, как особая разновидность мифологических персонажей. Сочиняя сказки, легенды, сказители из народа ставили своей целью, помимо развлечения слушающих, донести, сообщить им что-то полезное, научить чему-то новому, разбудить интерес, подтолкнуть к размышлениям. Древние мифы, сказки, легенды о животных были порождены стремлением человека к познанию животного мира, явлений природы и вместе с тем имели магическое, ритуальное значение. Люди верили, что присущие им черты характера присущи и животным. Считали, что животные, как и люди, умеют говорить и мыслить, что существуют родственные связи между ними. Идеи тождества, единства и кровной близости человека и отдельных представителей животного мира играют решающую роль в складывании мировоззрения и мифологии древних народов, в том числе и предков алтайцев.

Основатель советской тюркологии академик В.В. Радлов в 1860–1861 гг., путешествуя по Алтаю, собрал богатейший фольклорный материал, который издал в I томе книги «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» [Радлов, 2006].

Вслед за ним начал собирать алтайские сказки и предания Г.Н. Потанин, которые он опубликовал в книге «Очерки Северо-Западной Монголии», вышедшей в 1883 г. [Потанин, 1883; 2005]. Потанин записывал сказки «со слов русского переводчика», поэтому его записи даны в виде конспекта. Позже В.И. Вербицкий издал книгу «Алтайские инородцы», куда вошли песни, пословицы, поверья, загадки, и сказки [1893].

В 1930–1940-е гг. активным собирателем алтайского фольклора был П. Кучияк. Сказки, собранные им, были обработаны, переведены на русский язык А. Гарф и вышли в книге «Сказки Алтая» и «Сартакпай» [Кучияк, 1937, с. 40].

В 1945 г. издаются «Детские сказки» Ч. Чунижекова, в которые вошли сказки «Лиса и Сенокос», «Сирота, медведь и лиса», «Пять братьев», «Мужик и лиса», «Драгоценность» [Чунижеков, 1957].

В 1948 г. была опубликована работа Н.А. Баскакова «Алтайский фольклор и литература», где дается классификация устного народного творчества алтайцев [Баскаков, 1948].

В 1952 г. был создан Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы под руководством фольклориста С.С. Суразакова. С этого времени начинается развернутое целенаправленное собирание материалов фольклора по всем жанрам. Выходят труды ученых-фольклористов С. Суразакова [1975], З. Казагачевой [2002], С. Каташа [1978], Е. Ямаевой [2007], Т. Садаловой [2002], В. Ойношева [2006], К. Ядановой [2013] и др.

Издревле алтайцы вели кочевой образ жизни. Они занимались скотоводством и охотой, за счет чего содержали свою семью, свой род. Охота, будучи одним из основных занятий, источником существования, способствовала раннему познанию алтайцами особенностей животных. На охоте существовали определенные правила и запреты, которые алтайцы ни в коем случае не должны были нарушать. Алтаец никогда не отправлялся на охоту весной и летом. Весна является временем появления потомства зверей и птиц. Лето – время его вскармливания и взращивания. Для охотников существовали табу-запреты. Стрелять в зверей белого цвета, красивых с большими рогами, означало стрелять в «хозяина тайги», последствием чего могли быть несчастье или смерть как охотника, так и кого-то из членов его семьи. Близость к природе, к животному миру вызывала у охотника различные вопросы. Почему птицы, звери ведут себя так или иначе в тех или иных ситуациях? Чем они отличаются друг от друга и т.д.? Чтобы ответить на эти вопросы, человек фантазировал, благодаря этому появились сказки, легенды, мифы и предания о происхождении зверей и птиц. В них главные герои – это животные, они наделяются способностью мыслить и говорить. Предание – жанр сказочной прозы с установкой на историческую достоверность. Вымысел в преданиях служит для объяснения реальных фактов или придания правдоподобия. Строгой научной классификации преданий не существует. Выделяют несколько разновидностей преданий: топонимические, исторические, культурологические, генеалогические и этиологические. В наших записях собраны тексты преданий этиологического характера.

Одними из самых известных в Республике Алтай являются предания о сурке.

В местах, где обитают сурки, среди населения ходит много легенд и преданий о них. Их любят за мирный нрав, трудолюбие, коллективный образ жизни. Самые первые алтайские предания о сурке были записаны Г.Н. Потаниным [2005] в 1881 г. В алтайских преданиях о сурке [Каташ, 1978, с. 48] говорится, что сурок раньше был человеком, метким стрелком. У него пальцы похожи на человеческие, но нет большого пальца. Во всех вариантах преданий [Мифы..., 2007, с. 136] объясняется, почему у сурка нет большого (эргексабар) пальца. В них повествуется, что он лишился большого пальца из-за того, что не смог

попасть в птицу и от стыда отрубил сам себе палец. Если в записях у Г.Н. Потанина [2005, с. 345–346] палец сурку отрубил Кан Герей (птица), то в одной из наших записей это сделал Кудай (бог), во всех других вариантах преданий палец отрубил он сам из-за того, что промахнулся, выстрелив в коршуна (телеген) или просто в птицу. В настоящее время птиц Кан-Кереде на Алтае нет, они исчезли, но в устном народном творчестве алтайцев они встречаются часто. Это очень большие птицы. В других вариантах преданий говорится о коршуне или просто птице, вероятно, из-за того, что в настоящее время Кан-Кереде заменили на птицу телеген (коршун). В записях Г.Н. Потанина [1883, с. 179], сделанных от теленгитки Тотой, говорится, что тарбаган – это охотник, который истребил много зверей. Бог рассердился на него за это, отрубил ему большой палец и бросил его нижнему Богу, сказав: «Пусть же тебя бьют, стреляют и едят голодные люди, пусть ловят звери, клюют птицы». В монгольских записях Г.Н. Потанина [Там же, с. 151] сурок выстрелил в ласточку, но, промахнувшись, попал в её хвост, так у ласточки в хвосте образовалась выемка.

В памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока в 30-м томе «Несказочная проза алтайцев» есть текст под номером 44 «Тарбаган». В нем говорится, что сурок прежде был человеком, прославленным охотником, работящим, трудолюбивым. Сюжет такой же, как и во многих других версиях: сурок сам себе отрубает палец и прыгает под землю [Ойроткина, 2011, с. 154–155].

У И.Б. Шинжина, составителя книги «Алтай кеп-кучиндар (Алтайские предания и мифы)», в предании «Тарбаган» охотник по имени Тарбаган поспорил [кто стреляет без промаха] с юношей по имени Телеген. Когда Телеген высоко взлетит, Тарбаган должен был стрелять из ружья. Но Тарбаган промахнулся, и пуля прошла, задев хвост. В данном тексте Тарбаган стрелял из ружья, а парящей в небе птицей был юноша по имени Телеген. В конце также, как и во всех других вариантах, Тарбаган, отрубив себе большой палец, уходит под землю [Алтай кеп-кучиндар..., 1994, с. 354].

В книге «Мифы и легенды» под номером 16 есть легенда «Тарбаган». Как и в других вариантах, в ней говорится о том, что сурок раньше был человеком. Но в данном тексте сурок выстрелил в коршуна, когда тот пролетал через отверстие ды-

мохода в юрте, но промахнулся, стрела прошла, разорвав хвост. В тексте также говорится, что сурка невозможно застрелить, его можно поймать только с помощью петли, так как он умен, как человек. И нору свою он строит основательно, обмазывая снаружи глиной и делая водостоки [Мифы..., 2007, с. 25–26].

У К.В. Ядановой [2013, с.170] есть два варианта предания о сурке. Первый – «Сурок был человеком», и второй – «Стрелок Тарбаан». Сюжет во всех преданиях одинаков. Во втором варианте предания говорится, что у сурка и ключица, и лопатка, как у человека. В наших записях нет упоминаний о ключице тарбагана. В других фольклорных материалах записи о ключице мы тоже не встретили.

В IV выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии» [Потанин, 2005, с. 345–346] мы встречаем предание о тарбагане, записанное Г.Н. Потаниным в Чуйской степи. В нем говорится, что Тарбаган был бесстрашным человеком, хорошим стрелком. Он прострелил крыло птицы Кан Герей, которая за это наказала сурка, отрубив ему большой палец, закопала его в землю, прокляла и обрекла на вечную жизнь под землей, чтобы его ели бедные люди, птицы и звери таскали. Охотники, которым удалось увидеть нору сурка, говорят, что он её строит основательно, нора состоит из нескольких комнат. Сурок лепит нору из глины, чтобы дождевая вода не попадала внутрь, рядом с норой делает дренаж для воды.

Два варианта сюжета о сурке находим в преданиях, которые собрал Э. Таубе у алтайских тувинов [Сказки..., 1994, с. 271–272]. В преданиях говорится о происхождении рассеченного хвоста у коршуна и о том, как сурок стал зверем. Сурок участвовал в состязаниях, на которые собрались лучшие стрелки со всех стран света. Когда очередь дошла до него, то он подстрелил пролетающую ворону, но летевшего вслед за ней черного коршуна не смог. Выстрел сурка рассек черному коршуну хвост.

Нам удалось записать несколько версий текстов преданий (пять текстов) о сурке. Передние лапы сурка похожи на человеческие руки. На подошвах его лап развит ороговевший эпидермис. Лопатка тоже круглая, как лопатка человека. Такие особенности внешнего вида сурка, схожие с человеческими, очевидно, послужили поводом для создания преданий о тарбагане. Во всех найденных нами материалах говорится, что сурок раньше был человеком-стрелком и у него нет боль-

шого пальца. В одной записи сообщается, что тарбаган был человеком-стрелком, во второй – что тарбаган был охотником, в третьей – он был мальчиком сиротой, в четвертой – тарбаганом-богатырем. Днем сурок обычно не выходит, не показывается людям, старается выходить лишь ночью, всегда свистит: уйаттузын, уйаттузын! (стыдно, стыдно!). В одном тексте говорится, что у сурка лопатка похожа на человеческую лопатку; в другом – что под мышками у сурка имеется белое мясо, которое нельзя есть, оно похоже на человечье. В тексте под № 5 «Сурок» Н. Муйтуев (Н. Муйтуев, 1948 г.р., из рода ирkit, из села Кайсын Усть-Канского района, запись сделана 20.08.2014 г. И. Муйтуевой) говорит, что сурок не попал в вечернюю звезду, а стрелял он ночью с завязанными глазами. Поэтому ушел под землю и стесняется днем показываться людям. В данном тексте говорится, что народ уважал сурка за то, что он всегда делился добычей со своим народом. Про отрубленный палец в тексте не говорится. Таким образом, существует много версий и сюжетов, где объясняется, почему у сурка четыре пальца.

В преданиях о сурке называется причина того, почему у коршуна хвост рассечен. Ведь в него стрелял тарбаган, стрела (в некоторых текстах – пуля) рассекла хвост коршуна на две части, с тех пор хвост коршуна рассечен на две части. Чтобы выяснить причину стрельбы тарбагана в птиц, нужен подробный анализ всех текстов и версий. В монгольских текстах сурок стреляет в солнце. Нам удалось записать несколько текстов о тарбагане:

№ 1. АЛДЫНДА ТАРБАГАН КИЖИ БОЛГОН

Алдында тарбаган кижиге болгон деп уккам. Неме атса, качанда жаспас кижиге болгон. Бир каттап бийикте учуп жаткан тейлегенди аткан. Адарда, жаа куйругына тийеле, куйрукты эки жара жарып чыккан. Тейлеген уча берген. Мындын немени көрүп, кижиге ал санаага түйшүк, ачынган, эргегин кезе чапкан. Уйадына чыдап болбой, тарбаган болуп кубулала, жердин алдын дөбөн кире берген деген. Эмди тарбааннын сабарларын көрзөдөр, эргек сабары жок. Бистин улус тарбаанды бодоп өлтүрбөйтөн, байлаар. Кижинин карындажы деп [Айткан Чолтокова В., 1937 ж.ч., сөбгичи, Кайсынжурт Кан-Оозы аймак, бичиген 14.08.2014 ж., Муйтуева И.]

№ 1. РАНЬШЕ СУРОК БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ

Слышала, что раньше сурок был человеком. Он был человеком, который в стрельбе никогда не давал промаха. Однажды выстрелил в летящего на высоте коршуна. Когда выстрелил, стрела попала в хвост и, разорвав хвост на две половинки, прошла. Коршун улетел. Увидев такое, человек впал в глубокое отчаяние, разгневался, отрубил себе большой палец. Не выдержав позора, превратился в сурка и ушел под землю, говорят. Теперь посмотрите на пальцы сурка, у него нет большого пальца. Его люди просто так не убивают, почитают его. [Сурка] считают братом человека. [Рассказала В. Чолтокова 1937 г.р., из рода очы, село Кайсын Усть-Канского района, запись от 14.08.2014 г., перевод И. Муйтуевой].

№ 2. ТАРБААН

Алтайда озодо Тарбаан деп атту кижилаткан болгон. Ангчы кижилаткан, коркушту көп андаар кижилат, чечени де сүреен болгон.

Бир катан маргышкан, учун бараткан тейлегенди адып ийерим деп. Је адарда, огы тейлегеннин куйругына тийген, куйрук эки јара јарылган. Тейлеген уча бербей база. Тарбааначынган, јаан сабарын үзе чапкан. Уйадына чыдап болбой, тарбаан деп тынду болуп кубулган, јердин алдындөөн кирген. Эмди, чындап та, тарбаанда јаан сабары јок [Айткан Муйтуева Г.А., 1949 ј.ч., сөбгү кыпчак, Кайсын јурт Кан-Оозы аймак, бичиген 20.08.2014 ј., Муйтуева И.Н].

№ 2. СУРОК

На Алтае раньше жил человек по имени Тарбаан. [Он] был человеком-охотником, который очень много охотился, очень метким был.

Однажды [он стал состязаться в стрельбе] сказал, что он сможет попасть в летящего коршуна. Но, когда выстрелил, пуля задела хвост коршуна, разорвав хвост на две половинки. Коршун, конечно же, дальше улетел. Тарбаан разгневался, отрубил себе большой палец. Не выдержав позора, превратился в животного-сурка и ушел под землю. Теперь, правда, у сурка нет большого пальца. [Рассказала Муйтуева Г.А., 1949 г.р., из рода кыпчак, село Кайсын Усть-Канского района, запись от 20.08.2014 г., перевод Муйтуевой И.].

№ 3. ТАРБААН КИЖИ БОЛГОН

Тарбаан ол кижинен барган тынду эмей. Бир чечен батыр болгон, атса, качанда јаспайтан.

Бийикте бир кушты аткан, је јазып ийген. Байа куш онон бийик учкан эмей. Байа куш онон бийик учарда, батыр јанында улустан уйалып, эдер немезин таппай, эргегин кезе чабала, јердин алдынтдөн тарбаан болуп тўже берен. Эмди көрзөбөр, чын, тарбаанда эргек сабары јок, јарын сөбгү база кижинин јарын сөбгине тўнгей [Айткан Ялаева К., 1942 ј.ч., Кенгјурт Ондой аймак, бичиген 08.08.2014 ј., Муйтуева И.Н.].

№ 3. СУРОК БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ

Сурок – это ведь животное, которое произошло от человека. Один меткий богатырь был, [когда он] стрелял, никогда не делал промаха. [Однажды он] выстрелил в птицу [летящую] на высоте, но промахнулся. Та птица полетела еще выше. Когда птица полетела еще выше, богатырь, застеснявшись рядом стоящих людей, не найдя, что делать, отрубил себе большой палец и спустился под землю, [став] сурком. Теперь посмотрите, правда, у сурка нет большого пальца, кости его лопаток тоже похожи на кости человеческих лопаток. [Рассказала Ялаева К., 1942 г.р., село Теньга Онгудайского района, запись от 08.08.2014 г., перевод Муйтуевой И.Н.].

№ 4. ТАРБАГАН

Коркушту ангчы Тарбаган деп атту кижичанкыр Алтайда болгон. Бастыра ан-кушты кырып бар јадарда, Кудай андап болбозын деп, бир сабарын кезеле, каргаган: «Јердин алдында јатсын, тўште көрүнбесин, туштаган ла немени јип јүрзин».

Онойып, ангчы кижилаткан, јердин алдына кирип, тарбаган болуп калган. Онын учун улус тарбаганды өлтүрзе, колтугынын алдындагы ак этти јибей јат, кижинин ак эди дејсер [Айткан Ту-жулкина Д.А., 1948 ј.ч., сөбгү кыпчак, Кенгјурт Ондой аймак, чыккан Соузар деп јерде, бичиген 09.08.2014 ј., Муйтуева И.Н].

№ 4. СУРОК

На голубом Алтае жил [очень большой] охотник по имени Тарбаган. [Когда он] всех зверей и птиц начал уничтожать, Кудай, чтобы [он] не смог охотиться, отрубил ему один палец и проклял его: «Пусть живет под землей, пусть не показывается днем, пусть ест то, что попадется». Так, охотник ушел под землю и стал сурком.

Поэтому [когда] люди убивают сурка, то они не едят белое мясо, которое имеется [у сурка] под

мышками, говорят, что это человеческое мясо. [Рассказала Тужулкина Д.А., 1948 г. р., из рода кыпчак, село Теньга Онгудайского района, запись сделана 09.08.2014 г., перевод Муйтуевой И.Н.]

№ 5. ТАРБААН

Тарбаан деп алдында ангчы кижиге журтаган эмтир. Онын аткан огы жерге түйшөйтөн, чечен ангчы эмтир. Бастыра албатызына бойынын тапканын үлөштүрөтөн болгон эмтир. Албатызы да Тарбаанды тооп жүрөтөн туру.

Бир катап маргаан болуп жадарда, Тарбаан йдыптыр: «Мен тунде көзимди жумып та койзо, жастырбай адын ийерим» – деп. Оны уккан улус Тарбааннын көзүн буулап ийе ле, энгир жылдысты ат дешикелеттир. Тарбаан ат кан, же жазып ийген эмтир. Көзүн ачып көрсө, огы кырпый жүрө берген. Тарбааннын уйалганы коркушту эмтир, эдер немезин таппай, жердин алдына калып ийген эмтир. Ол өйдөң бери түйшөтө улуска көрүнөргө уйалып, тунде уйазынан чыгар болуп калган [Айткан Муйтуев Н.П., 1948 ж.ч., сөзгө ирkit, Кайсын журт Кан-Оозы аймак, бичиген 20.08.2014 ж., Муйтуева И.Н.]

№ 5. СУРОК

Раньше жил охотник по имени Тарбаан. Им пущенная стрела на землю не падала, [он] был метким охотником, оказывается. Со всем своим народом [он], оказывается, делился своей добычей. Народ Тарбаана тоже ведь уважал.

Однажды, когда проходили состязания, Тарбаан сказал: «Если даже ночью мне завяжут глаза, то [я] без промаха буду стрелять». Люди, которые все это слышали, завязав глаза Тарбаану, ему сказали стрелять в вечернюю звезду. Тарбаан пустил стрелу и промахнулся, оказывается. Открыв глаза, увидел, что [пуля] прошла слегка задев [звезду]. Тарбаану было очень стыдно, [он], не зная, что делать, прыгнул под землю, оказывается. С тех пор [Тарбаан], днем стесняясь показаться людям, из [своей] норы стал выходить только ночью. [Рассказал Муйтуев Н.П., 1948 г.р. из рода ирkit, село Кайсын Усть-Канского района, запись сделана 20.08.2014 г., перевод Муйтуевой И.Н.]

Таким образом, главным персонажем во всех вариантах преданий «О сурке» являлся человек, который был очень метким стрелком. Не попав в летящую птицу, от стыда он превратился в тарбагана, отрубил себе палец и ушел под землю. По одной версии сурок был богатырем, у которого

стрела никогда на землю не падала. При натягивании тетивы лука важную роль выполняют пальцы. Поэтому человек, охотник, богатырь – меткий стрелок, отрубив большой палец, тем самым наказал себя – лишившись права называться метким стрелком, он превратился в тарбагана. Для алтайцев сурок является культовым животным. Его мясо и жир считаются лекарственными. Свою нору сурок строит основательно. Предания о сурке имеют широкий ареал бытования на Алтае. Действия в них происходят в некое мифологическое время, когда появились животные, птицы и др. Текстов о выстреле сурка в солнце в алтайских преданиях мы не встретили. Типологически схожие сюжеты о выстреле тарбагана в солнце присутствуют в монгольских и японских преданиях. В монгольских текстах сурок имеет имя Джаик, Эрхемерген, Дондугул-Мерген. Во всех алтайских преданиях утверждается, что сурок раньше был человеком. В алтайской народной сказке [Акулова, 2003, с. 173] «Вечерняя звезда и тарбаган» сурок был мальчиком. Когда вырос, то стал уважаемым человеком, метким охотником. Семья у сурка была большая, он имел несколько жен и много-много детей. Однажды, выстрелив в вечернюю звезду, тарбаган промахнулся и от стыда прыгнул под землю, превратившись в животное, вся его многочисленная семья ушла вместе с сурком. С тех пор они живут под землей, выходят только ночью.

В записи от Д.А. Тужулкиной тарбагану палец отрубил Кудай (Бог) за то, что он уничтожал зверей и птиц.

Устное народное творчество является важным источником для исследования духовной и материальной культуры. Существует много преданий, мифов и сказок о животных, которые еще не полностью изучены. Они замечательны по своим художественным образам. Так как осталось мало исполнителей пожилого возраста – носителей богатой традиции, нам необходимо успеть как можно больше записать ныне бытующих фольклорных материалов. Возможно, дальнейшая собирательская работа даст новый материал для работы.

Наши информанты

1. Муйтуева Г.А., 65 лет, из рода кыпчак, с. Кайсын Усть-Канского района Республики Алтай, запись сделана 20.08.2014 г.

2. Муйтуев Н.П., 66 лет, из рода ирkit, с. Кайсын, Усть-Канский район Республики Алтай, запись сделана 20.08.2014 г.

3. Тужулкина Дина, 67 лет, из рода кыпчак, с. Теньга Онгудайского района Республики Алтай, запись сделана 09.08.2014 г.

4. Чолтокова Вера, 75 лет, из рода очы, с. Кайсын Усть-Канского района Республики Алтай, запись сделана 14.08.2014 г.

5. Ялаева Клавдия, 73 года из рода телес, с. Теньга Онгудайского района Республики Алтай, запись сделана 08.08.2014 г.

Литература

Акулова Т. Чарас – колыбель сказок. – Горно-Алтайск, 2003. – 376 с.

Алтайские народные сказки / сост. Т.М. Садалова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 455 с.

Алтай кеп-кучиндар (Алтайские предания и мифы) / сост. И.Б. Шинжин. – Горно-Алтайск, 1994. – 416 с.

Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. – Барнаул: Алтайгиз, 1948. – 23 с.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1893. – 386 с.

Демчинова М.А. Алтайская волшебная сказка. – Горно-Алтайск, 2003. – 163 с.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск, 2002. – 350 с.

Катаи С.С. Мифы, легенды Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1978. – 132 с.

Кучияк П. Сказки Алтая / лит. обраб. А. Гарф и П. Кучияк. – Новосибирск, 1937. – 40 с.

Мифы и легенды. – Горно-Алтайск, 2007. – 136 с.

Ойроткина Н.Р. Несказочная проза алтайцев / сост. Н.Р. Ойроткина, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. – Новосибирск, 2011. – 576 с.

Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. – Горно-Алтайск, 2006. – 164 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд., репринт. воспроизв. – Горно-Алтайск, 2005. – 1026 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883. – Вып. 2. – 181 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи (репринт. переизд.) – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2006. – 496 с.

Садалова Т.М. Алтайская народная сказка // Алтайские народные сказки / сост. Т.М. Садалова. – Новосибирск, 2002. – С. 11–41.

Сказки и предания алтайских тувинцев. – М., 1994. – 382 с.

Сооҗындар ла кеп-куучындар. Мифы и легенды / под. ред. М.А. Демчиновой. – Горно-Алтайск, 2007. – 136 с.

Суразаков С.С. Алтайский фольклор. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд., 1975. – 232 с.

Чунижеков Ч. Балдардын чөрчөктөри. – Горно-Алтайск, 1957. – 88 с.

Яданова К.В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.

Ямаева Е.Е. Указатель персонажей алтайской мифологии. – Горно-Алтайск, 2007. – 158 с.

I.N.Muytueva

The tarbagan in-tale prose of the Altai people

The article presents and analyzes the options and versions of subjects etiological legends about tarbagan marmots on the material of the Altai folk tradition, collected by the author.

Keywords: etiological legends, kan-kerede, tarbagan, marmot, thumb.

Ю.П. Борисов

О якутских терминах, обозначающих параллелизм в языке олонхо

В статье рассмотрена проблема якутских терминов, обозначающих ритмико-синтаксический параллелизм в языке якутского героического эпоса олонхо. Предпринята попытка разграничения терминов на основе анализа значений разновидностей параллелизма.

Ключевые слова: ритмико-синтаксический параллелизм, двучленный и многочленный параллелизм, антонимическое противопоставление, дословное повторение, структурная единица, компоненты состава.

В настоящее время в якутском языкознании существует проблема использования нескольких терминов для обозначения понятия «ритмико-синтаксический параллелизм», то есть в исследованиях якутских ученых используются синонимичные варианты.

Цель статьи – упорядочение и унификация терминов, обозначающих ритмико-синтаксический параллелизм, то есть попытка разработки единого подхода в научных исследованиях, что, несомненно, сыграет позитивную роль при изучении языка якутского героического эпоса олонхо и поможет определить границы употребления тех или иных терминов, обозначающих параллелизм.

Чтобы установить, что понимается под термином ритмико-синтаксический параллелизм, следует обратиться к трудам отечественных и зарубежных исследователей.

Так, В.М. Жирмунский утверждал, что начальной структурной формой древнетюркского народного эпического стиха является эпическая тирада (или строфема), то есть цепочка стихов неопределённой длины, объединенная параллелизмом и одинаковыми созвучиями в конце параллельных ритмических отрезков стиха [Жирмунский, 1962, с. 45]. Таким образом, В.М. Жирмунский рассматривал параллелизм как основной прием образования эпического стиха.

Немецкий исследователь Карл Райхл, рассматривая формульный характер тюркского эпического эпоса, установил тесную связь между метром и синтаксической структурой, с одной стороны, и синтаксическими моделями и параллелизмом – с другой. По его мнению, в тюркских языках благодаря агглютинативному морфологическому принципу и сопутствующей ему синтаксической структуре создаются благоприятные условия для грамматического и синтаксического

параллелизма [Райхл, 2008, с. 167–173]. Тем самым Карл Райхл признает параллелизм как структурную единицу, скрепляющую и создающую текст героического эпоса.

Ритмико-синтаксический параллелизм является объектом научного исследования и в якутском литературоведении. Так, Г.М. Васильев писал: «Синтаксический параллелизм – это повторение тождественно построенных фраз. Члены каждой из них сочетаются в одинаковой последовательности, по схеме. Одинаковая структура каждой из параллельных фраз приводит также к равенству или приблизительному равенству слогов в них» [Васильев, 1965, с. 45]. Н.В. Показилова считает, что параллелизм в олонхо в широком понимании является организующим композиционным принципом и потому становится основной структурно-семантической единицей [Показилова, 1996, с. 87]. М.Н. Дьячкова [1998, с. 12–20] утверждает, что ритмико-синтаксический параллелизм есть вторичный стихообразующий элемент, формально симметризирующий текст и способствующий организации ритма.

Также следует обратить внимание и на труды языковедов. В частности, Е.И. Убрятова рассматривала параллелизм с точки зрения синтаксиса в качестве вида сложных предложений, состоящих из двух или нескольких аналогичных по построению, простых или сложных предложений. «Являясь членами параллелизма, они выражают одну и ту же мысль. При этом некоторые члены предложения повторяются, а аналогичные члены предложения часто оказываются синонимами или словами, связанными друг с другом какими-то иными семантическими отношениями» [Убрятова, 1976, с. 202]. Рассматривая формульность синтаксиса олонхо, Н.Н. Ефремов описывает параллелизм как сложное предложение, состоящее

из нескольких структурно-семантических вариантов одной модели [Ефремов, 2000, с. 42]. В свою очередь, Л.В. Роббек [2009, с. 7] пишет о том, что ритмико-синтаксический параллелизм выступает основным средством, образующим систему языка олонхо со свойственными ей признаками и особенностями в их тесной взаимосвязанности и взаимообусловленности. Следовательно, многие исследователи признают параллелизм как основную структурную единицу эпического текста.

Рассмотрим основные требования и критерии, применяемые для составления и внедрения в научный оборот лингвистических терминов. Исследователями якутской терминологии выделяются несколько основополагающих принципов. Во-первых, при создании термина следует использовать недвусмысленные слова, обозначающие точное значение того или иного явления. Также следует избегать эмоционально-оценочных, экспрессивных слов и художественно-образительных выражений [Слепцов, 1995, с. 64]. Во-вторых, термин должен быть коротким, при этом чем короче слово, тем предпочтительнее [Оконешников, 1995, с. 73]. В-третьих, при создании нового термина основное внимание должно уделяться исправлению неточностей и упущений [Быганова, 1995, с. 97].

По мнению исследователей, соблюдение вышеперечисленных принципов обеспечивает полное восприятие термина и его дальнейшую функциональность.

В работе над созданием терминов могут принять участие не только терминологи, но и лингвисты-«нетерминологи» [Афанасьев, 1995, с. 40].

В якутском языкознании многие исследователи обозначают ритмико-синтаксический параллелизм термином «*кэ́ккэлэ́тэн этии*». Однако существует весьма распространенное мнение, что синонимом этого термина является термин «*ханыылаан этии*» [Петрова, 2002, с. 28; Винокуров, 2011, с. 151 и др.]. Также имеются синонимичный термин – «*төхтүрүйэн этии*» [Филиппова, 2005, с. 28] и термин, состоящий из четырех компонентов: «*төхтүрүйэн хат этиллэр төгүллэр*» [Чиркочева, 2011, с. 158].

Вариантное представление в якутском языке одного и того же лингвистического термина русского языка, на наш взгляд, вносит неясность, неопределенность.

Для того, чтобы выяснить, что же представляют собой в семантическом плане термины,

обозначающие ритмико-синтаксические параллелизмы в якутском языке, обратимся к фундаментальному лексикографическому труду – «Словарю якутского языка» Э.К. Пекарского.

Термин *кэ́ккэлэ́тэн этии* содержит в своем составе деепричастную форму *кэ́ккэлэ́тэн* (от *кэ́ккэлээ + т + эн*), глагольная основа которой, в свою очередь, образована от имени существительного при помощи аффикса *-лээ*: *кэ́ккэ* ‘ряд, шеренга’ + *-лээ* > *кэ́ккэлээ* – ‘образовать ряд, смыкаться в ряд’ [Пекарский, 1959, стб. 1015]. Второй компонент данного составного термина – *этии* ‘говорить, изрекать, гласить, произносить (слова), выражать (изустно) свои мысли’ (ср. *диэ*, *санар*, *кэпсиэ*); ‘звать, нарекать, называть; сказывать, отвечать, высказывать, замечать, рассказывать о чем, возвещать, объявлять, уведомлять, сообщать, упоминать, доносить, повелевать, предлагать’ [Там же, стб. 312]. Из перечисленных значений *этии* в контексте данного термина более подходит значение ‘говорить’. В таком случае буквальный смысл обсуждаемого термина следующий: ‘говорить, образуя ряды чего-л.’ Тем самым подразумевается, что в эпических построениях имеют место соотносительные по форме компоненты (единицы), представляющие собой параллельные структуры.

В структуре термина *ханыылаан этии* глагольная основа препозитивного деепричастия образована от имени существительного *ханыы* ‘сходность, сходство, совокупность, пара, парность’ при помощи *-лаа* > *ханыылаа* ‘соединять подобное с подобным, прикладывать к подобному, подбирать к масти, ставить попарно, поднаравать’ [Там же, стб. 3308]. Данное выражение буквально означает: ‘говорить сходно, попарно, подбирая пары’.

В термине *төхтүрүйэн этии* в качестве основы деепричастного компонента представлен глагол *төхтүрүй* + *эн*, от которого в свою очередь можно образовать имя действия *төхтүрүйүү* ‘повтор, повторять’ [Там же, стб. 2790]. Буквальный смысл этого словосочетания: ‘говорить, повторяя’.

Четвертый термин *төхтүрүйэн хат этиллэр төгүллэр* состоит из четырех компонентов, первые три из которых образуют распространенное причастное определение. Данный термин в отличие от предыдущих содержит два новых компонента. Кроме того, в нем использовано причастие настоящего-будущего времени, образованное от глагола *эт-* в форме страдательного залога. Компонент *хат-* в лексикографическом плане оз-

начает ‘двойной, сугубый; повторение; вторично, в другой раз, вдвойне, снова, опять, еще, пере- (ср. *хос*); брюхатая, беременная’ (ср. *буос, кетөбүүлээх, оһоһостоох, алыс тот, ыарахан*) [Там же, стб. 3393]. В нашем случае из перечисленных значений проявляются следующие: «повторение, вторично». Семантику словосочетания *хат этиллэр* можно передать на русский язык причастием *повторяющиеся* (букв.: повторно произносимые). Последний компонент термина – *төгүл* означает ‘очередь, черед, порядок, последовательность одного за другим; разряд, степень; раз (прием); глава, часть (в книгах); статья закона (ср. *сүһүөх, ыстатыйа*)’ [Там же, стб. 2761]. В термине данное слово использовано в значении элемента, то есть *төгүл* – ‘черед’. Можно отметить, что буквальный смысл этого термина – единицы чередующихся повторов.

Таким образом, рассматриваемые нами термины не могут быть абсолютными синонимами. Необходимо отметить, что при создании термина следует избегать многозначности и синонимии, а также отдавать предпочтение максимально коротким структурам.

В якутском языкознании данные термины закрепились и функционируют как полноценные и полноправные синонимы, поэтому нецелесообразно выделять какой-либо один из этих терминов в качестве нормативного.

Однако, исходя из их внутренней формы и основываясь на их семантической нагрузке, можно использовать эти термины при обозначении определенных разновидностей ритмико-синтаксического параллелизма.

На основе анализа параллелизмов из текста олонхо П. Ядрихинского-Бэдьээлэ «Девушка Богатырь Джырыбына Джырылыатта» определим, какие их разновидности обозначаются данными терминами, выявим примеры их типологии.

Термином *ханыылаан этии* можно маркировать все двучленные параллелизмы, которые в составе олонхо являются наиболее распространенными и разновидовыми. Например:

<i>Тон сир</i>	Землю мерзлую,
Тобугун харабар <i>дылы</i>	До чашек коленных
Тобута буурдаталаан,	Насквозь продавливая,
<i>Ириэнэх сир</i>	Землю сырую
Иэччэбэр <i>дылы</i>	До сустава бедренного
Ибили үктэтэлээн,	В месиво превращая

[Ядрихинский, 2011, с. 246–247]

В данном примере параллелизм образован методом антонимического противопоставления. Семантическое ядро параллелизма содержится в антонимах *тон* (букв. ‘мерзлая’) и *ириэнэх* (букв. ‘теплая’). Все элементы параллельны друг другу, то есть каждому элементу из первого члена соответствует элемент из второго. При этом в качестве дополнительного средства ритмизации выступает начальная аллитерация. Кроме того, формальными показателями параллелизма являются дословные повторения в конце строк: *сири* (‘землю’) и *дылы* (‘до’). О подобных параллелизмах В.М. Жирмунский писал: «Грамматическая форма как следствие параллелизма выступает в виде конечной рифмы, не всегда регулярной, но очень часто усиленной начальной или срединной рифмой синтаксически параллельных членов предложения, нередко в форме словесного повтора» [Жирмунский, 1964, с. 18].

Термином *кэккэлэтэн этии* можно обозначить ритмико-синтаксические параллелизмы, состоящие более чем из двух членов, то есть многочленные параллелизмы, например:

Толоон-толоон аайыттан	Со всех полей туда
Тонобос эриэн чуобуйбут,	Коровы-пеструшки идут,
Алаас-алаас аайыттан	Со всех аласов туда
Ала сүөһү аалласпыт,	Коровы-белобоки тя- нутся,
Сыһыы-сыһыы аайыттан	Со всех лугов туда
Сыспай сизэллээх сырсы- быт,	Длинногивые несут- ся,
Халдьаайы, халдьаа аайыттан	С южных склонов туда
Хара сүөһү ханыыла- спыт,	Скотина рабочая та- щится,
Үрүйэ, үрэх аайыттан	Со всех ручьев-ручей- ков
Үрүн сүүрүк үөрдүспүт,	Скакуны резвые туда скачут,
Куула, хочо аайыттан	Со всех склонов, до- лин
Кугас сүөһү хойдубут.	Скот бурый там схо- дится

[Там же, с. 54–55]

В качестве примера использован параллелизм, состоящий из шести параллелистических единиц, скрепленных дословным повторением лексемы *аайыттан* (букв. ‘со всех’). Здесь аф-

фикс прошедшего времени *-быт* образует своеобразную конечную рифму. При этом в каждом члене, ритмизованном начальной аллитерацией, описываются разные виды и масти домашнего скота. Здесь следует упомянуть наблюдения Р. Якобсона: «Последовательный параллелизм неизбежно активизирует все уровни языка – различительные признаки, фонемные и просодические, морфологические и синтаксические категории и формы, лексические единицы и их семантические классы, в их схождениях и расхождениях приобретают самостоятельную поэтическую ценность. Это выделение фонологических, грамматических и семантических структур в их многообразном переплетении не остается ограниченным пределом параллельных строк, а через их распределение распространяется на весь контекст» [Якобсон, 1987, с. 18].

Термином *төхтүрүйэн этии* можно обозначить ритмико-синтаксический параллелизм, в котором содержатся параллелистические единицы, повторяющиеся формально и семантически полностью (дословно):

Хара	хоруонка	Бисером черным об-
хадьааһыннаах,		шитую,
Үрүҥ	хоруонка	Бисером белым при-
үүдэһиннээх,		шитую,
Кыһыл	хоруонка	Со вставками из бисе-
кы-бытыылаах,		ра красного,
Күөх	хоруонка	С разводами из бисера
көгүтүүлээх,		желтого,
Араҕас	хоруонка	С узорами из бисера
дайдаах,		зеленого

[Там же, с. 80–81]

В данном случае параллелизм создается дословным повторением. В каждой параллелистической единице дословно повторяется одна и та же лексическая единица *хоруонка* (бисер), являющаяся ядром параллелизма, то есть в каждой параллелистической единице говорится об одном и том же предмете, меняются только свойства предмета – его окраска. Здесь уместно отметить наблюдения В.М. Жирмунского, который писал, что «синтаксический параллелизм как принцип композиционной структуры допускает словесное повторение, как эквивалент рифмы слов, одинаковых по своей синтаксической функции и морфологической структуре. При этом, чем архаичнее поэтический стиль, тем чаще в нем такие повторения» [Жирмунский, 1962, с. 45].

Таким образом, терминологическое обозначение ритмико-синтаксического параллелизма в языке олонхо можно осуществлять на основе уже имеющихся и полноправно функционирующих терминов, исходя из их внутренней формы и семантической нагрузки, соответствующих тому или иному структурно-семантическому типу ритмико-синтаксического параллелизма.

Литература

Афанасьев Л.А. Тиэрмини онорор үлэ толору көрүҥэ // Сахалыы тиэрмини оноруу. – Дьокуускай: СР НА ГЧИ 1995. – 124 с.

Быганова В.И. Саха литературнай тылыгар тиэрминнэри оноруу уонна бэрээдэктээһин сүрүн тосхоллоро // Сахалыы тиэрмини оноруу. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. – 124 с.

Васильев, Г.М. Якутское стихосложение. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. – 126 с.

Веселовский, А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. – М., 1989. – 648 с.

Винокуров И.П. Ханыылаан этии // Якутский героический эпос олонхо: состояние и перспективы изучения: матер. респ. науч. конф. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2011. – 305 с.

Дьячковская М.Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации. – Новосибирск, 1998. – 153 с.

Ефремов Н.Н. К проблеме формульности предложений олонхо (в контексте особенностей системы, структуры якутского языка) // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: тез. докл. межд. науч. конф. – Якутск, 2000.

Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – Л.: Гослитиздат, 1962. – 435 с.

Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1964. – № 4. – С. 3–24.

Оконешников Е.И. Общественной-политической терминнар // Сахалыы тиэрмини оноруу. – Дьокуускай: СР НА ГЧИ 1995. – 124 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 1959.

Петрова Т.И. Олонхо этигэн халыыптара // Ийэ тылбыт этигэн кэрэтэ: анал таһаары. – 7№. – Дьокуускай, 2002.

Покатилова Н.В. К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом // Язык – миф – культура народов Сибири: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 188 с.

Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / пер. с англ. В. Трейстер; под ред. Д.А. Функа. – М.: Вост. лит., 2008. – 383 с.

Роббек Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 24 с.

Слепцов П.А. Тизэрмин сайдытын сүрүн туһаайыылара // Сахалыы тизэрмини оноруу. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. – 124 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Ч. 2: Сложное предложение. – Новосибирск: Наука, 1976.

Филиппова Н.И. Олонхо тыла (саха литературатыгар талан үөрэнэр анал куурус). – Дьокуускай, 2005. – 28 с.

Чиркочова Д.И. «Куруубай хааннаах Кулун Кулустуур» олонхоҕо төхтүрүүн хат этиллэр төгүллэр суолталара, халыыптара // Якутский героический эпос олонхо: состояние и перспективы изучения: матер. респ. науч. конф. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2011. – 305 с.

Ядрихинский П.П.-Бэдьээлэ. Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта. – Якутск: Сайдам, 2011. – 448 с.

Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

Yu.P. Borisov

On Yakut terms denoting parallelism in the olonkho language

The article considers the problem of Yakut terms denoting rhythmic and syntactic parallelism in the language of Yakut olonkho heroic epic. An attempt of terms differentiation is based on the analysis of various forms of parallelism meanings.

Keywords: rhythmic and syntactic parallelism, binominal and polinominal parallelism, antonymic opposition, verbatim repetition, structural unit, components of composition.

УДК 81.373.235:

Е.Р. Николаев

К вопросу об эвенкизмах в якутском антропонимиконе

Эвенкизмы-антропонимы были заимствованы в якутский язык как обычные лексемы. В настоящее время их роль в качестве антропонимов представляет собой своеобразное явление и фактор развития якутского антропонимикона. В статье рассматриваются некоторые примеры наличия эвенкизмов в составе современных якутских личных имен.

Ключевые слова: ономастика, эвенкизмы, антропоним, антропонимикон, этимология, никнейм, псевдоним, словообразование, заимствование, личное имя.

Исконно якутские личные имена, распространенные в наше время, еще недостаточно изучены с точки зрения семантических параллелей с другими родственными и неродственными языками. Имеющиеся научные, научно-популярные работы, касающиеся проблем якутской ономастики, можно разделить на работы, посвященные: 1) обьякученным русским личным именам якутов [Справочник..., 1987]; 2) именам персонажей литературных произведений, фольклора (эпоса) [Филиппова, 2000]; 3) архаическим именам, которые не используются в настоящее время [Сафронов, 1985]; 4) возрождению исконно якутских личных имен [Багдарыын Сүлбэ, 2011]. В

© Е.Р. Николаев, 2015

нашем случае интересны попытки этимологизации якутских антропонимов.

Первую такую попытку предпринял Ф.Г. Сафронов в своем историко-этнографическом обзоре. И, как он указал, «из 5076 транскрибированных якутских имен выяснено смысловое значение 1083 имен» [Сафронов, 1985, с. 23], «... оказалось, что примерно 47% этимологизированных имен относится к тюркским словам, 37 – к монгольским, 6 – к тюрко-монгольским, 10% – к эвенкийским» [Там же]. Таким образом, ввиду сложности чисто орфографически определить правильное произношение зафиксированных архаических якутских имен, возникает вопрос о

том, являются ли они исконно якутскими или заимствованными и возможно ли выявление среди них исторически заимствованных, обьякученных слов (личных имен)? Что касается этимологии современных якутских антропонимов, то в настоящее время в научной литературе еще нет доскональных исследований. Исходной точкой этимологизации якутских антропонимов могут послужить труды Н.К. Антонова [Антонов, 1971], Г.В. Попова [Попов, 1986] и др.

По материалам заимствованных слов, «тунгусоманьчжурские элементы в якутском языке насчитывают около 250 слов» [Попов, 1986, с. 58]. Среди 230 якутских мужских личных имен, зафиксированных органами ЗАГС РС(Я) [Информационно-аналитический обзор..., 2008; 2011; 2013], а также среди женских и мужских имен, фигурирующих в печатных СМИ, художественных произведениях, можно выявить личные имена эвенкийского происхождения, например, Сиибиктэ, Мутукча, Айаан (Аян).

Немаловажно вкратце остановиться на истории взаимовлияния якутского и эвенкийского языков. Так, процесс формирования тунгусоязычных групп из забайкальских пришельцев и аборигенов произошел в бассейне средней части Амура в VI в. В северной части этнической среды тунгусоманьчжурских, монгольских и тюркских народов прошел первый этап становления тунгусского этноса во взаимодействии с другими этносами. «В этот период в языке выработались те основы грамматики и лексики, которые позволяют сейчас объединить тунгусоманьчжурские языки в одну группу. Так называемый тунгусский пласт – это второй период этногенеза прототунгусов. Оставшиеся прототунгусы в это время освоили горную тайгу, примыкавшую к Байкалу. Выход тюрков Прибайкалья на среднюю часть Лены заставил одних тунгусов передвинуться на запад и восток, других – вступить во взаимные связи с пришельцами. На Лене эти тунгусы были по языку якутизированы» [Василевич, 1969, с. 16–17, 39–41]. «Рядом с курыканами в ангарско-ленской тайге и далее на север, по-видимому, жили (...), вероятно, предки оленеводов-тунгусов (...). Таким образом, если древние племена Прибайкалья, самые северные в то время тюрки, с одной стороны соприкасались с западными и восточными тюркскими племенами Сибири и Центральной Азии, то с другой – их окружали тунгусы и монголы. Вполне естественно поэто-

му, что в языке и культуре их потомков – якутов, (...), помимо позднейших заимствований из тунгусского языка, обнаруживаются не менее мощные, одинаково архаического наслоения слова монгольского и тунгусоманьчжурского происхождения» [Окладников, 1955, с. 321].

Как видно из словарного материала и как отмечает Е.И. Убрятова, «в области лексики заимствований поразительно мало. Современное отношение якутского и эвенкийского языков не позволяет судить о том, как эвенкийские элементы могли проникнуть в строй якутского языка. Можно только предполагать, что это произошло на самых ранних этапах становления якутской народности, когда малочисленная тюркоязычная группа должна была овладеть эвенкийским языком для общения с хозяевами края и когда первые поколения эвенков, переходя на якутский язык, могли перенести в него свои способы грамматического мышления» [Убрятова, 1960б, с. 11]. «Распространение якутского языка в иноязычной среде представляет собой односторонний процесс. Якутский язык просто воспринимается иноязычными народами, и освоение его этими народами никакого влияния на строй якутского языка не оказывает. Между тем, в грамматическом строе якутского языка (...) есть явно нетюркские элементы (...). Очень мало глаголов, заимствованных из эвенкийского языка» [Убрятова, 1960а, с. 11]. «Это, главным образом, названия некоторых типов жилищ (холомо, үүтээн), некоторых животных (мөкчөкө – кабарга), возрастные названия оленя (абылахаан), названия растений (чагда, лабыкта).... Несколько больше слов эвенкийского происхождения в диалектах. Довольно много эвенкийских и эвенских слов в топонимах» [Убрятова, 1972, с. 602]. Рассмотрим некоторые из этих слов, впоследствии ставших личными именами.

Сиибиктэ – ‘хвощ камышковый’; *эвенк.* сивээктэ – ‘хвощ, молодая травка на заболоченных лужайках; хвощ; травка; травка «гусытник»’ [Антонов, 1971, с. 27]; *эвенк.* сивэлэ – ‘хвощ; незамерзающий ключ’ [ССТМЯ, 1975, с. 76]. Имя Сиибиктэ присутствует также в художественной литературе [Тобуроков, 1979]; сивэҕ, сивэҕи, сивэр – ‘заболоченная лужайка, где растет хвощ’; сивэлэ – ‘незамерзающий ключ’; в майском говоре – ‘хвощ, оленья трава’ [Мыреева, 2004, с. 498]. В якутском языке *сиибиктэ* – ‘ветвистый нежный вид хвоща, растущий по опушкам леса в тени и отличающийся питательностью для скота (осо-

бенно для лошадей и оленей); хвощ пестрый' [БТСЯЯ, 2011, с. 360]

Мутукча – эвенк. мочукта 'хвоя лиственницы' [Сафронов, 1985, с. 26]. Женское имя Мутукча часто используется в литературных произведениях [Харитонов, 2004]; мучуктэ, мучиктэ – 'лиственничная хвоя' [Мыреева, 2004, с. 382]. В якутском языке – 'хвоя лиственницы'; ветка лиственницы [БТСЯЯ, 2009, с. 369–370]

Айаан, Аян – 'бухта, протока' [Сафронов, 1985, с. 26]; 'старое русло реки, старица, соединяющаяся с рекой только в половодье' [Попов, 2003, с. 26]; эвено-эвенк. слово 'старица' [ДСЯЯ, 1976]; эвенк. 1) 'путь: ездить, переезжать, странствовать, путешествовать, перелетать (о птицах)'; 2) 'старица, протока, залив, песчаная коса'. Такое же слово с идентичным значением отмечается в эвенской лексике: 'протока, залив'; 3) 'черепашка; морская летучая рыба' (?); 4) 'большой, сильный' (например, орел, олень, ветер, куст); 5) 'толстый снег' [ССТМЯ, 1975, с. 20–21]; аян – 'путь, езда; старица, высыхающее русло реки; протока, курья; залив; пройденный путь; песчаная коса; снег, которым окапывают палатку' [Мыреева, 2004, с. 67].

Этимолог Г.В. Попов отмечает, что слово «айаан» вошло в якутский язык из тунгусоманьчжурского языка. Это – результат влияния, а потом и распространения воздействия эвенкийского, эвенского языков на якутский язык в Верхоянском районе и в Вилюйском округе [Попов, 2003, с. 61]. В якутском языке *айаан* – 'заросшее кустарником старое русло реки, соединяющееся с рекой в половодье; долина реки у устья; длинный водоем в лесу, среди кустарников, заросший травой (связанный с рекой)' [ТСЯЯ, 2004, с. 302].

Что касается вопроса об эвенкизмах, то в якутском антропонимиконе можно выделить личные имена – Хоһуун, Далан, Түмэн, Баатыр – как пример языкового схождения (языковых контактов) эвенкийского и якутского языков с тюрко-монгольскими, что предполагает возможность отнести такие имена к общетюрко-монгольско-тунгусоманьчжурским.

Хоһуун (Хосун). Крупнейший специалист по этнографии народов Крайнего Севера И.С. Гурвич отмечал, что «сам термин хосун происходит от эвенкийского слова “сонинг”, “сэнэ” – силач, богатырь. В эвенкийских сказаниях это лучший охотник, снабжающий мясом состоящую из нескольких семей группу, кочующую вместе с ним. Носители хосунского эпоса – северные якуты-

оленоводы понятие “хосун” также обычно прилагают к искусному охотнику, удачливому добытчику диких оленей» [Гурвич, 1977, с. 152]. Практически то же мы находим и в словаре А.Н. Мыреевой: *сонинг* – 'эпич. герой, богатырь, силач, вождь' [Мыреева, 2004, с. 516].

Филолог В.М. Никифоров пошел еще дальше, заметив, что «основной феодальной единицей, феодем – кочевым владением был именно хошун, во главе которого стоял его владелец хошун, сеньор, монгольский нойон, потомок прежних феодалов» [Никифоров, 2002, с. 98]. В фольклорных текстах мы находим следующее: «Запись, произведенная Г.В. Ксенофонтовым от жителя Илимпейской тундры, эвенка Н. Данилова (Харчыыкаан)», старше 80 лет: «В нашем тунгусском наречии слова “хосуун” не существует, так говорят якуты и обьякученные тунгусы. Вместо слова “хосуун” у нас употребляется “суонинг”, это “кэйсиилээх киси” (буквально “колющий человек”, такой термин у южных якутов встречается редко)» [Сэһэн Боло, 2006, с. 99]. В преданиях и легендах, собранных Сэһэн Боло, упоминается много имен якутских «хосуунов»: Түөрэчээн-Хоһуун, Чабычахаан-Хоһуун, Бургумар-Хоһуун, Саха-Хоһуун, Күүлэт-Хоһуун, Хочо Хоһууттара, Маҕан-Хоһуун, а также тунгусских хосунов: Үнкээбил-Хоһуун, Чимкэрэ-Хоһуун, Үрэн-Хоһуун, Эдьээн-Хоһуун, Саапка-Хоһуун и др. [Там же]. В якутском языке хорсун, эрдээх, хотойу санаалаах – 'храбрый, мужественный, с сильной волей'; хорсун, хоодуот киһи – 'смелый, храбрый, отважный человек' [СТБКТ, 2008, с. 617].

Далан. Эвенк. далаи – 'море; озеро Байкал. Далан – 'наводнение, половодье' [ССТМЯ, 1975, с. 193]; дала (учурско-зейский диалект эвенк. яз.) – 'солёный источник, солонец' [Мыреева, 2004, с. 159]. Тем не менее «Далан заимствован из монг. языков; долан – большой, громадный, огромный» [Попов, 2003, с. 159]. В якутском языке далан – 'поверхность воды (озера, реки, моря), водная гладь; горизонт, видимое пространство'; далан санаа – 'сильная воля' [ТСЯЯ, 2006, с. 94]; далай – 'широкое и глубокое озеро (река) или море; беспредельное, безграничное пространство; чрезвычайно глубокий, широкий, безграничный; достигающий до сути, всеохватывающий (о разуме, мысли человеческой); неиссякаемый, неистощимый (о мощи, силе)' [Там же, с. 93].

Для наиболее полного раскрытия языкового поля можно привести такой пример из фольклор-

ных текстов: «Кэлтэгэй Табык ... Аллантан тонус кыыһын ойох ылан оҥо-уруу төрөөбүтү. Кинит-тэн сэхэннэ биллэр үс уол төрөөбүтүтэр үһү: Баараҕай Баатылы, Уһуктаах Суптуна уонна Далан Умсан диэннэр» [Исторические предания..., 1960а, с. 63]. Но и этот «историко-этнографический» пункт не окончателен, так как в то время имя Далан было распространено, по-видимому, повсеместно: «Далан Араҕас – Уһуктаах Сэмэн кулуба аата. Кини I Суоттуга төрөөбүт, Бороҕон улуһун кулубата этэ» [Исторические предания..., 1960б, с. 322].

Түмэн. *Эвенк.* туман – ‘десять тысяч’ [ССТМЯ, 1975, с. 212]; туман – ‘тысяча (нерчинский говор витимо-нерчинского диалекта)’, здесь же ссылка: тумэн – *монг.* ‘десять тысяч’ [Мыреева, 2004, с. 621]. Примечательно, что точно такое же значение слово «түмэн» имеет в языках индоиранского времени [Никифоров, 2002, с. 17]. Предполагают, что это слово привнесено хуннами: «...они одними из первых тюркоязычных народов стали вводить десятиричную войсковую систему – 10 тысяч всадников» [Там же, с. 17]. В якутском языке это ‘скопление, стечение большого числа людей; единение народа; сплоченный, хорошо организованный’ [БТСЯЯ, 2014, с. 252].

Баатыр (основа – богатырь). В якутском языке баатыр – форма *боотур* акающего говора – это человек большой физической силы, владевший воинской выучкой, воин, витязь, обладающий качествами боотура; соответствующий боотуру [ТСЯЯ, 2005, с. 382]; *эвенк.* багади – ‘богатырь: сильный; большой; Батур – ‘горячий, вспыльчивый; храбрец, смельчак, удалец, молодец; храбрый, отважный, мужественный’ [ССТМЯ, 1975, с. 61]. Как отмечает Э.В. Севортян, «главное, по-видимому, не первичное значение “герой, богатырь”. Другое значение, производное от него: храбрец, отважный, мужественный, смелый, доблестный, решительный, сильный и т.д.» [ЭСТЯ, 1978, с. 82]. И все же этимология этого слова до конца не выявлена: «Bayatur – этимология не выяснена: bay – пасти, присматривать; пастырь» [Сравнительно-историческая..., 1997, с. 560]. Есть утверждения, что «Баатыр, боотур – слово общеалтайского распространения. Монгольские формы считаются тюркизмами, а тунгусоманьчжурские – монголизмами» [Попов, 2003, с. 103], а также, тюркское *баатыр, батыр* – иранизм [Там же, с. 104], что не вполне раскрывает семантический корень этого слова.

В современном якутском лексиконе есть слова эвенкийского происхождения, которые используются как литературные псевдонимы, никнеймы (никнейм, ник; *англ.* nickname — первоначально «кличка», «прозвище»; также сетевое имя – псевдоним, используемый пользователем в Интернете (в социальных сетях), обычно в виртуальной среде общения (в чате, форуме, блоге) [Стена никнеймов], например, Чагда, Тэнкэ, Болбукта, Багдарыын Сүлбэ и т.д. Никнеймы можно ввести в разряд имен собственных. Поводом для сомнения может быть только тот факт, что тот или иной обладатель никнейма, псевдонима может представляться не как якут, а как эвенк. В таком случае никнейм-эвенкизм будет не эвенкизмом, а исконно эвенкийским антропонимом.

Чагда. Дягда – ‘сосна’; *эвенк.* дягдай – ‘сосняк’ [Антонов, 1971, с. 27]; чагда – ‘сосновый лес; соседнее пространство, противоположная сторона чего-то’ [Мыреева, 2004, с. 709]. В якутском языке – ‘сосновый лес, сосняк’ [ЯРС, 1972, с. 507]

Болбукта – кедровый стланик, кедровник’; *эвенк.* болгикта – ‘кедровый стланик’ [Антонов, 1971, с. 27]; ‘кедр-стланик, кедровый орех, тальник’ [Мыреева, 2004, с. 92]. В якутском языке – ‘кедровый стланик; ягода морошка’ [ТСЯЯ, 2005, с. 374]

Тэнкэ – ‘высокий, крупный лес на берегу реки’; *эвенк.* тэнкэ – ‘террасовый берег, покрытый древесной растительностью’ [Антонов, 1971, с. 27]; тэн – ‘ровный перевал; лес на ровном водоразделе; равнина на водоразделе; террасовый берег’; тэнки, тэнэ – ‘ровный (о местности); равнина’ [Мыреева, 2004, с. 650], в якутском языке – ‘крупный, высокий (о прибрежных деревьях); имеющий большие, высокие, стройные деревья (о лесе); прибрежный лес с крупными стройными деревьями’ [БТСЯЯ, 2014, с. 488]

Багда – Багдарыын – *эвенк.* ‘белый, побелевший, обмороженный; светлый’ [Сафронов, 1985, с. 26]; багда – ‘белолицый (собств. имя)’ [Мыреева, 2004, с. 70].

Характерно, что эти слова перешли к якутам почти без изменения звукового состава и произношения [Сафронов, 1985, с. 26] и не отличаются от прототипов [Попов, 1986, с. 60]. При анализе способов образования заимствованных слов мы опираемся на фонетические, морфологические, лексико-семантические и лингвогеографические признаки, которые могут быть использованы в комплексе. Относительно способа словообразования заимствований И.Н. Новгородов отмечает,

что «к числу морфологических признаков относятся различные аффиксальные элементы, которые могут свидетельствовать о заимствовании из эвенкийского языка. Здесь же нужно сказать, что слова, состоящие из корня и аффикса в эвенкийском языке, в якутском языке становятся в большинстве своем неразложимыми и воспринимаются в виде непроемких основ. Например, аффикс *-кта*: например, як. “хвоя (еловая, лиственничная, сосновая)” мучукта, эвенк. мучуктэ “хвоя лиственницы”, “почки (на дереве)”, “шишка (еловая, кедровая)” <эвенк. “зеленеть (лиственнице)” мучи-; ...» [Новгородов, 2009, с. 19]. «...Данные эвенкизмы якутского языка являются вкраплениями и обнаруживаются в различных тематических группах, связанных с культурой и отражающих особенности освоения северных реалий, например: (...) 3) типы растительности: як. чагда “сосняк”, эвенк. дьагда “сосна”; як. болбукта “кустарный кедр”, эвенк. болгикта и др.; 4) названия видов рельефа: як. дьаанты “голец, голый утес, высокая каменистая гора с обнаженной вершиной”, эвенк. йаан “сопка-голец (с нетающим снегом на вершине)”; як. хочо “долина”, эвенк. кочо и др.» [Там же, с. 24].

Таким образом, в современном якутском антропонимиконе прослеживаются заимствованные эвенкизмы, которые были «необходимы для выражения понятий и названия предметов, употребляемых в специфических условиях Севера и связанных с отсутствовавшими у якутов отраслями хозяйства» [Романова и др., 1975, с. 158]. В настоящее время они являются неотъемлемой частью якутской лексики, якутских личных имен. По семантике их можно отнести к ландшафтным (географическим) именам.

Литература

- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971. – 174 с.
- Афанасьев П.С. Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдьыта / П.С. Афанасьев уо.д.а.; [эппиэттээх эрдээктэрдэр: П.А. Слепцов, А.Г. Нелунов, Н.Н. Васильева]. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 680 с.
- Багдарыын Сүлбэ. Аатта тал. – Эбэн, көннөрөн 2-с таһаары. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 96 с.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–XX вв.). – Л., 1969. – 304 с.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов // К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2007 год / сост. А.Г. Михайлова. – Якутск, 2008. – 44 с.; Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2010 год / сост. А.Г. Михайлова. – Якутск, 2011. – 80 с.; Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2012 год / сост. А.Г. Михайлова. – Якутск, 2013. – 72 с.
- Исторические предания и рассказы якутов: в 2 ч. / изд. подг. Г.У. Эргис, под ред. А.А. Попова. – М.; Л., 1960. – Ч. 1. – 1960а. – 360 с.; Ч. 2. – 1960б. – 334 с.
- Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 3).
- Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 208.
- Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2009. – 43 с.
- Окладников А.П. История Якутской АССР: в 3 т. – Т. 1: Якутия до присоединения к Русскому государству / отв. ред. Л.П. Потапов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 432 с.
- Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. – Якутск, 1986. – 148 с.
- Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1 : А – Дь)
- Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. – Л.: Наука, 1975. – 211 с.
- Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири. – Якутск, 1985. – 200 с.
- Справочник личных имен народов РСФСР. – 3-е изд., испр. / под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. – М.: Русский язык, 1987. – 656 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.
- Стена никнеймов [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nick-name.ru/about/> (дата обращения: 31.08.2014)
- Сэһэн Боло. Саха төрүттэрэ уонна кыргыз үйэтэ: үһүйээннэр. – 1 кинигэтэ / хом. онордо, аан тылы суруйда Г.В. Попов. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 240 с.
- Тобуроков П. Сиибиктэ (хоһооннор). – Якутск, 1979. – 112 с.
- Убрятова Е.И. Краткий грамматический очерк якутского языка / Якутско-русский словарь. 25 300 слов / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – С. 569–605.
- Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М., 1960а. – 149 с.

Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусоманьчжурским. – М., 1960б. – 13 с.

Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2000. – 21 с.

Харитонов А. Тайахтаах таптал: сэнэн. – Якутск, 2004. – 48 с.

Условные сокращения

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. – Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. – Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх-тээтэннээ) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. – Т. VIII: (Буква С: сөллөбөр) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. Более 8500 слов / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 391 с.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Т. I, II / отв. ред. В.И. Цинциус; сост.: В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. – Л.: Наука, 1975. – 672+992 с.

СТБКТ – Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдьыта / П.С. Афанасьев уо.д.а.; [эппиэттээх эрдээктэрдэр: П.А. Слепцов, А.Г. Нелунов, Н.Н. Васильева]. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 688 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с. (Буква А)

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с. (Буква Б)

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И)

ЭСТЯ – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 349 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

E.R. Nikolaev

On the question of evenkisms in Yakut antroponymycone

An article reviewed some examples of evenkisms as part of modern Yakut personal names. Evenkisms-anthroponyms were adopted as normal (common) lexical items, and today their meaning as anthroponyms is a unique phenomenon and a factor of the Yakut anthroponymycon development.

Keywords: onomastics (name study), evenkisms, anthroponym, anthroponymycon, etymology, nickname, pseudonym, word-formation, borrowing, praenomen.

УДК 81.23

Т.Г. Боргоякова

Динамика восприятия стимула «жизнь» в хакасском языковом сознании*

Рассматриваются изменения в объективации общечеловеческой ценности «жизнь» в хакасском языковом сознании. Константы и динамика психолингвистической репрезентации связаны с аксиологическим характером восприятия жизни и этнокультурной спецификой образа мира, отраженной в соответствующих ассоциативных полях, сформированных по итогам ассоциативных экспериментов, проведенных в Хакасии в 2000 и 2015 гг.

Ключевые слова: хакасский язык, языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение.

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ. (Проект №15-04-00156).

Языковое сознание в российской психолингвистике рассматривается как совокупность образов сознания, «овнешняемых» при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов, 2003, с. 7–22]. Ассоциативное поле (АП) представляет собой совокупность реакций на конкретное слово-стимул, получаемых в ходе ассоциативных экспериментов. Многочисленные психолингвистические исследования последних десятилетий на материале разных языков позволили выявить определенные закономерности в структуре и содержании ассоциативных полей, подтвердив эффективность использования методов ассоциативного эксперимента для определения ядра и периферии АП; типовых моделей ассоциирования (антонимические или синонимические связи, соотношение части и целого и т.д.); разное соотношение парадигматических и синтагматических связей и другое [см. об этом: Уфимцева, 1996; 2005; Фрумкина, 2003; Шаховский, 2009; Боргоякова 2003 и др.].

Данная статья посвящена изучению ассоциативного поля стимула «жизнь» в хакасском языковом сознании для выявления национально-культурной специфики хакасского образа мира в конкретном временном отрезке. Комплексный подход основан на анализе лексикографической и психолингвистической репрезентации данного концепта в хакасской лингвокультуре. В имеющихся лексикографических источниках «чуртас» выступает ведущим словом, номинирующим значение «жизнь» в хакасском языке в смысле времени от рождения до смерти человека. В Русско-хакасском словаре [1961] «жизнь» переводится также и как *тын*. Но в Хакасско-русском словаре [2006] *чуртас* имеет одно значение «жизнь», а в переводе слова *тын* приводятся два других: «дыхание» и «душа». В «Словаре синонимов хакасского языка» [2014] синонимический ряд слова *чуртас* также не содержит *тын*, но включает полисеманты *чурт* и *хоных*.

В связи с отсутствием толкового словаря хакасского языка мы дополнительно привлекаем постулаты о восприятии жизни и смерти в традиционном тюркском мировоззрении, в котором жизнь признавалась важнейшей ценностью, а смерть воспринималась не как «абсолютное отрицание жизни», а как переход из одной формы жизни в другую [Традиционное мировоззрение

..., 1989; с. 51]. Традиционное общество осознавало жизнь как процесс, имеющий в разных точках различное наполнение. В его мировоззрении моделируется постепенное «собрание» человеком самого себя и последующее отчуждение, возвращение природе заимствованных у нее качеств, свойств, характеристик [Там же, с. 222].

Психолингвистическая актуализация ассоциативно-вербальной сети слова-стимула ЧУРТАС, принадлежащего к разряду важных номинаций общечеловеческих ценностей, позволит уточнить ментальные образы жизни в языковом сознании современных носителей хакасского языка, что может быть использовано в сравнительных психолингвистических исследованиях и при составлении и интерпретации соответствующих словарных статей в будущем толковом словаре хакасского языка. История психолингвистических работ с привлечением хакасского экспериментального материала началась в конце 1990-х г. с трудов А.П. Боргояковой. По итогам массового свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ), проведенного в 1998–2000 гг. в Республике Хакасия она создала прямой и обратный ассоциативные словари хакасского языка и затем выявила ядро языкового сознания хакасов (далее – ХЯС) с опорой на опыт А.А. Залевской и Н.В. Уфимцевой по созданию ядра соответственно английского и русского языкового сознания [см.: Боргоякова, 2003, с. 51–52]. Ядро ХЯС состоит из 50 слов-реакций, имеющих наибольшее количество связей с разными словами в ассоциативно-вербальной сети. Слово *kizi* «человек» занимает в данном ядре первое место, а слово *чуртас* – десятый ранг. Вторая часть оппозиции *чуртас* – *ölüm* в ядре ХЯС отсутствует, что подтверждает сохранность архетипов традиционного мировоззрения хакасов. И в составе АП ЧУРТАС, сформированного на основе реакций хакасов, владеющих родным языком, антоним *ölüm* составил лишь 2%, занимая 11-й ранг, в то время как в соответствующих АП русских респондентов и респондентов хакасов, не владеющих родным языком, реакция *смерть* занимала первое место. А.П. Боргоякова связывает это с тем, что «в традиционном сознании хакасов не было противопоставления жизнь-смерть» [Там же, с. 129].

В семантической зоне «Какая» положительные и нейтральные характеристики преобладают в хакасском АП ЧУРТАС. Самыми частотными реакциями в нем оказались слово *хотмай* «плохая» (48%) и слово *чолы* «чья-либо дорога, путь»

(37%). Однако общая доля таких частотных позитивных оценок, как *чахсы* «хорошая» (32), *мазат* / *манат* «прекрасная» (29+16), *силіг* «красивая» (16), *хыныг* «интересная» (13) и *часкалыг* «счастливая» (8), составляет 24% общего количества реакций (486) и значительно превышает удельный вес негативных ассоциат [Там же, с. 54, 60, 129].

По итогам САЭ, проведенного в 2015 г. с участием 150 респондентов, владеющих хакасским языком, нами смоделировано АП-П, основанное на реакциях на стимул *чуртас*. Его анализ позволил выявить наличие констант и изменений в сравнении с аналогичными АП начала 2000-х гг., которое мы условно обозначим как АП-І.

Список частотных реакций в АП-П включает 20 следующих ассоциаций:

Сөбіре (19), *чахсы* (18), *маз(ң)ат* (10), *хыныс* (8), *тура(иб)* (8), *пала(лар)* (7), *хыныг* (6), *(минің) хомай нимес* (4), *тоғыс* (4), *хоных* (4), *часка* (5), *өрініс* (4), *часкалыг* (2), *пала пархалар* (2), *кеен* (2), *теелбек* (2), *хомай* (2), *аар* (2), *чол(ы)* (2), *иб(де)* (2).

Круг единичных реакций состоит из 40 следующих слов: *ічем, іче-паба, аба - іче, чурт, өлім, палығтас, пик, сидік, кўн, чагын кизілер, узах, узун, хазых аймах, узун полча, хазых, хайдаг чахсы, хайыныс, хандыра, чалахай, ах-чарых, илбек, иптiг, кўлініс, ол узун чол, опыт, пала төреені, чарых, часка, часхы, чиит, чир, чир-чайаан, чолы аймах полча, чолы пірее - пірее сидік полча, чолы узун, чурт, чуртасха тартынча, ынаг, ынархас, труд*. В целом современный «профиль» хакасского ассоциативного восприятия жизни базируется на нескольких ключевых позициях. Это, прежде всего, **позитивное восприятие жизни**. Данная доминирующая семантическая группа реакций включает подавляющее большинство ассоциаций, объединяемых вокруг ключевого слова *чахсы* «хорошая/хорошо». Оно занимает вторую позицию в АП-П. Сразу за ним следует синонимическая ассоциация *маз(ң)ат* «хорошая», а затем *хыныг* «интересная», *(минің) хомай нимес* «(у меня) неплохая», *часкалыг* «счастливая», *кеен* «красивая», *пик* «крепкая», *хазых* «здоровая», *хайдаг чахсы* «какая хорошая», *хандыра* «очень хорошая», *чалахай* «добрая, ласковая», *илбек* «широкая», *иптiг* «приятная», *чарых* «светлая», *чиит* «молодая», *ынаг* «дружная». Сюда же относятся реакции, выраженные именами существительными с явной позитивной се-

мантикой: *часка* «счастье», *өрініс* «радость», *кўн* «солнце», *кўлініс* «улыбка», *часхы* «весна», *ынархас* «дружба». В целом в данную группу входят 73 частотные и единичные реакции (49%), как правило, относящиеся к двум ведущим частям речи – прилагательным и существительным. Вторая семантическая доминанта – *сөбіре* «семья». Данная ассоциация занимает лидирующее положение в АП-П. К этой же группе, несомненно, следует отнести такие 14 частотных и единичных реакций, как: *ічем* «моя мама», *іче-паба и аба- іче* «родители» (букв. мама-папа и папа-мама), *пала(лар)*, *пала пархалар* «ребенок /дети, внуки», *пала төреені* «рождение ребенка», *чагын кизілер* «родственники», *тура, иб(де)* «дом(а)». В целом вторая ядерная семантическая группа *сөбіре* состоит из 41 реакции (27%). Все члены данной понятийной группы включают важные интерпретационные связи, существующие в языковом сознании хакасских респондентов для маркирования смысла жизни, прежде всего, в кругу семьи и родного дома.

Синонимические реакции немногочисленны и представлены такими реакциями, как *ах-чарых* «земная жизнь», *чурт, хоных* «жизнь», которые подтверждают лексикографическое толкование концепта «жизнь» в современных лексикографических источниках. Ассоциации, содержащие негативную оценку жизни, – *аар* «тяжелая», *хомай* «плохая», *палығтас* «раны», *сидік* «трудная», *өлім* «смерть». В целом доля негативных реакций составляет 5%.

Для сравнения отметим, что анализ АП-І, представленного в основных семантических зонах ядра хакасского языкового сознания [Боргоякова, 2003, с. 86–89], показывает, что негативная оценка жизни составила там третью часть полученных реакций (30%). В семантической зоне «Какая» реакция *сидік* «трудная» (25) занимает первое место в рейтинге частотности и затем на третьем месте – синонимичная реакция *аар* (16), за которыми следуют *уйан* (2) и единичные негативные ассоциаты: *ачырганыстыг, хатыг, хомзыныстыг, минің аар парча, оой нимес*.

К девяти ассоциациям (из 156 слов-стимулов), «наиболее интересных ... для анализа национально-культурной специфики языкового сознания хакасов, владеющих родным языком», исследователь относит *чуртас*, наряду с такими словами, как *таг* «гора», *таг, ээзі*, «хозяин горы, горный дух», *пазырарга* «молиться», *хут* «душа»,

паар «печень», *чўрек* «сердце», *харах* «глаз», и *ўлўс* «судьба, доля, счастье» [Там же, с. 124]. Анализ ассоциаций, представленных в хакасском прямом ассоциативном словаре, приводит автора к выводу, что «самыми частотными ассоциациями на слово-стимул *чуртас* для хакасов из группы владеющих хакасским языком оказались слова *хомай* (48) и *чолы* «дорога, путь» (36)». Однако в целом «большинство частотных реакций содержит положительную оценку: *чахсы* (32), *магат* (29), *манат* (16), *хыныг*, *сіліг* (8), *часкалыг* (8)» [Там же, с. 129].

Таким образом, в хакасском языковом сознании сохраняется высокая доля позитивной оценки жизни как константной доминанты в обоих АП ЧУРТАС. Наиболее заметное изменение связано с существенным усилением значимости семьи в АП-II и заметным снижением доли негативной интерпретации анализируемого слова-стимула. Восприятие жизни хакасами, выраженное в его актуализированном ассоциативном поле, отражает повышение их адаптационных способностей, востребованных динамичным временем нового столетия, с одной стороны, и сохранение традиционного мировоззрения, в котором членение мира носит целостный характер, без противопоставления жизни и смерти, характерного прежде всего для западных культур, – с другой.

По данным ассоциативного словаря английского языка [English Associative Thesaurus], в АП *life* противоположная по значению реакция *death* занимает первое место, составляя в нем существенную долю в 44%. Проведение свободного ассоциативного эксперимента в университете Аризона (США) в 2003 г. позволило нам сформировать АП около 100 слов-стимулов по методике Московской психолингвистической школы. Американское АП стимула *LIFE* включает следующие реакции, которые мы приводим ниже с указанием их частотности и доли в ведущих по численности реакциях: *death* (18, 30%), *long* (8, 14%), *Magazine* (3), *good* (2), *special* (2), *Sentence* (2), *birth*, *blood*, *cereal*, *choices*, *drank*, *fun*, *game*, *happy*, *happiness*, *house*, *Housed rank*, *learn*, *live*, *line*, *lovely*, *long time*, *lose*, *meaning*, *museum*, *part*, *saving*, *Shamrock*, *skills*, *part*, *style*, *TV*.

Ассоциат *death* «смерть» занимает первую позицию, составляя треть реакций АП *life*. Данная закономерность отмечена исследователями также при анализе содержания антонимических ассоциативных полей *man* и *woman*, в которых

устойчивая антонимическая дихотомия составляет существенную долю реакций [см.: Боргоякова, Покоякова 2012; Покоякова, 2015]. Доля реакций, связанных со скорее приятными ассоциациями на слово *life*, составляет более 10%. Другие реакции связаны с дополнением членов устойчивых словосочетаний – *style*, *sentence*, известным журналом, ирландским символом *Shamrock*.

Таким образом, сущность бинарной оппозиции, предполагающей соответствующее ассоциирование образа через обязательную включенность образа второго компонента [см. об этом также: Тарасов, Тарасова 1997, с. 275], получает наиболее убедительное подтверждение в структуре английского и американского АП *life* с 44 и 30% антонимических реакций соответственно. Как уже отмечалось нами ранее, это может свидетельствовать о более рациональном и упорядоченном типе ассоциативного мышления в англоязычной культуре [Боргоякова, 2015, с. 61]. Низкая степень маркированности полярного моделирования образа жизни проявляется в практически полном отсутствии эксплицитно выраженной контрастивной или оппозитивной характеристики жизни в современном хакасском языковом сознании. Антонимические связи активны внутри АП *чуртас* на горизонтальном уровне, например, в полярной оценке жизни по шкале *хорошая – плохая*, выраженной в высокой доле синтагматических реакций – прилагательных.

Источники и литература

Боргоякова А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). – М.: Сов. писатель, 2003. – 152 с.

Боргоякова Т.Г. Ассоциативное поле бинарной оппозиции *жизнь/смерть* в разных лингвокультурах // Сборник научных трудов SWorld. – Вып. 1 (13). – Т. 14. – Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2015. – С. 58–63.

Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Репрезентация образа женщины в разных культурах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. – Т. 10, вып. 2. – С. 45–50.

Покоякова К.А. Гендерные особенности восприятия образов мужчины и женщины в американском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – Ч. II. – № 1 (43). – С. 167–169.

Русско-хакасский словарь / под ред. Д.И. Чанкова. – М: ГИИНС, 1961. – 968 с.

Словарь синонимов хакасского языка / под общ. ред. И.Л. Кызласовой. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2014. – 228 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика анализа языкового сознания: сб. ст. / отв.ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2003.

Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / под общ. ред. И.О. Дубова. – М.: Имидж-контакт, 1997. – С. 253–277.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139–162.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. – М.; Калуга: ИЯ РАН – Институт психологии РАН, 2005. – С. 205–217.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2003. – 320 с.

Шаховский В.И. Коннотации и ассоциации: аспект их взаимосвязи и отношения к лексическому значению слова (психолингвистический подход) // Язык и сознание: психолингвистические аспекты: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.; Калуга: Эйдос, 2009. – С. 306–316.

Хакасско-русский словарь / отв. ред. О.В. Субракова. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 2006. – 1114 с.

English Associative Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 05.03.2015).

T.G.Borgoyakova

Dynamics of stimulus “life” perception in Khakas language consciousness

In this paper we describe changes in objectification of the human value "life" in Khakassian linguaculture. Constants and dynamics of psycholinguistic representation are connected with axiological character of perception of life and ethno cultural specificity of the image of the world, reflected in the corresponding associative fields, formed on the basis of associative experiments done in Khakassia in 2000 and 2015.

Keywords: Khakass language, linguistic consciousness, associative field, associative experiments, psycholinguistic meaning.

РЕЦЕНЗИИ

С.А. Иванов. Морфологические особенности говоров якутского языка (Новосибирск: Наука, 2014. 248 с.)

Как известно, диалектные морфологические различия в якутском языке выражены минимально. Это связано с тем, что морфология как основная часть языка является устойчивым элементом. Что касается якутского языка, то в диалектологических «Вопросниках» и «Анкете» 1940, 1978 гг. специальный раздел о морфологических особенностях диалектов не был выделен. Очевидно, считалось, что таких особенностей в диалектах не обнаруживается. Однако путем скрупулезного изучения всего диалектологического массива и фольклорных данных автор сумел собрать свыше пятидесяти наиболее важных диалектных различий, исключая разнообразные модели словообразования и семантические сдвиги, где также отражаются признаки территориальных диалектов. С.А. Иванов особенно подчеркивает качественный состав собранного материала. Здесь представлены такие «языковые факты и явления, которые имеют глубокие исторические корни, что может дать историкам якутского языка и специалистам других гуманитарных наук возможность углубленного изучения исторического развития отдельных языковых явлений, образования якутского языка и его естественного носителя» [с. 227]. И автор вскрывает эти глубокие древнейшие истоки диалектных морфологических особенностей и фактов якутского языка. Укажем на наиболее значительные морфологические особенности, имеющие глубокие исторические корни.

1. В диалектологических материалах зафиксированы случаи необычного употребления наречия *иньньэ* 'так', прилаг. *итээги* 'тот,

тамошний', формы множественности *илэр* 'они', которые свидетельствуют о том, что в древнеякутском языке употреблялись утраченное указательное местоимение *и* и полузабытая местоименная основа *ин*. Западный диалектный массив характеризуется преимущественным использованием наречия *ынтах* 'там, туда, в стороне, в сторону' и прилагательных *ынараа* 'та сторона'; *ынараангы* «тамошний», наречие *ынтах* соотносится со словоформами *антах*, *анараа*, получившими распространение в восточном диалектном массиве якутского языка. Приведенные факты интересны тем, что они явно восходят к *ын* ~ *ан* – формам косвенного падежа древнейшего указательного местоимения *о*.

2. П.С. Афанасьев и М.С. Воронкин зафиксировали в северо-западных говорах так называемые «стяженные» причастия от формы страдательного залога: *быыһаллыбат* в.м. литературного *быыһаныллыбат* – от отрицательной формы страдательного залога от *быыһаа* 'спасать, выручать', *сиэллэр* в.м. *сиэниллэр* – от *сиэ* 'есть, сжигать, кусать', *дэллибэт* в.м. *дэниллибэт* – от *диэ* 'говорить, сказать', *батталлыбат* в.м. *баттаналлыбат* – от *баттаа* 'давить, угнетать' и т.д. Приведенные диалектные варианты – это реликтовые явления более древнего состояния языка, формы страдательного залога образовывались от основ переходных глаголов на долгий гласный и дифтонг посредством аффикса *-л* так же, как и в языке древних тюрков. В настоящее время в якутском языке страдательный залог образуется от глаголов на долгий гласный и дифтонг при помо-

щи аффикса **-н** и сложного аффикса **-н-ыл-ын** (баттанылын, сизнилин), а от глаголов на согласный звук – посредством аффикса **-ыл-ын** (бытылын), что является отличительным признаком от других тюркских языков.

3. О показателе множественности **-т** в тюркологии написано много. Но С.А. Иванов очень подробно, на основе новых данных трактует это явление в историческом аспекте глубоко и оригинально. Раньше преобладало мнение о монгольском происхождении этого показателя. В якутском языке имеются монголизмы типа *ийэхсит* ‘общее название богинь’, *туһумэт* ‘почтенный’, *кубулҕат* ‘хитрость, уловка’, *тугут* ‘оленок’, где **-т** рассматривается как показатель множественности, но в языке якутов он никогда не осознавался таковым и постоянно сопровождался аффиксом множественного числа **-лар**. Дialeктным является использование аффикса множественности **-ат атыыр-ат-тар, түнү-эт-тэр, куөл-эт-тэр** и т.д. Такие формы множественности характерны для северных говоров. Показатель **-т** употребляется не только в именных основах (*куна-т-тар*), но и в глагольных и наречных образованиях, например, в аффиксах многократного действия **-т -алаа** и наречиях образа действия (*батыры -т-а-ас* ‘протыкать несколько раз’); входит в состав аффикса имени деятеля **-һы-т**.

Таким образом, рефлекс показателя множественности **-т** в якутском языке очень древний, по некоторым данным восходит к доурало-алтайской эпохе. Элемент **-ат** аффикса **-ат-тар** в тюркологии рассматривается как показатель множественности арабского происхождения, перенесенный на тюркскую почву через персидский (А.М. Щербак). Автор считает, что показатели множественности **-т, -ан, -ат**, присутствующие в якутских словоформах, действительно являются грамматическими элементами индоиранского происхождения, что подтверждает мысль о том, что «в этногенезе якутов приняли участие какие-то отуреченные группы индоиранского происхождения» (ссылка на историка А.И. Гоголева)

4. Аффиксы субъективной оценки **-каан, -чаан** в якутском языке обычно присоединяются к существительным и прилагательным, в северных говорах имеют высокую частотность, служат средством усиления лексического значения всех частей речи, что является сохранившейся архаической чертой якутского языка, поддержанной эвено-эвенкийским влиянием.

С точки зрения истории языка интересны противопоставленные диалектные различия, особенно характерные для северных говоров. Таковыми, например, являются варианты употребления:

– норм множественности *күөлэттэр, көлөттөр* вм. *күөллэр* ‘озера’; общетюркского *киһилэр* вместо монгольского *дьон, дьоннор* ‘люди, народ’, ‘жители, население’, ‘родня, родные’;

– древней парадигмы склонения местоимения **-бу** ‘этот, это, эта’: *буну-муну, бунуга-мунуга, бунтан-мунтан; булар*, мн. ч. от *бу* вм. *манны, маныха, мантах, балар*;

– возвратного залога вместо действительно: *бултанар* вм. *бултуур*, *ылланар* вм. *ыллыыр*, *ытанар* вм. *ытыыр* и т.д.;

Чрезвычайно высокая частотность употребления возвратного залога в северных говорах, возможно, говорит о былой многозначности, синонимичности, медиальности, первоначальной недифференцированности залоговых форм. В северных говорах возвратный залог образуется также от корней с омертвелым аффиксом: *киллэстэбин, көннөстөбүн* вм. *киллэринэбин, көннөрүнэбин* и др.

– метатизированной формы глагола *көллөр* вместо обычного *көрдөр* (в форме побудительного залога) от *көр* ‘смотреть, наблюдать, присматривать, ухаживать’.

Вышеприведенные диалектные явления показывают, что в прошлом существовала возможность формирования особой диалектной зоны якутского языка с охватом территории проживания есейских, анабарских, булунских, верхожанских, индигирских и колымских якутов. В связи с этим автор обращает внимание на утверждение Г.В. Ксенофонтова, которое не потеряло своего значения по сей день: «...говор оленных якутов расходится от говоров якутов-скотоводов гораздо сильнее, чем между собой. Поэтому было бы целесообразно якутское наречие разделять на говоры южные (скотоводов) и северные (оленоводов)». Однако границы указанной северной диалектной зоны размыты проникновением признаков южных, центральных диалектных зон, что связано с возникновением в Среднеленском крае и дальнейшим распространением двух диалектных подразделений, на базе которых впоследствии образовались два диалектных массива – западный и восточный. В результате взаимовлияния и сохранения признаков диалектных зон северного и южного массивов (западного и восточного) сформировались центральная, олекмо-ви-

люйская, северо-западная и северо-восточная группы говоров якутского языка.

Ценно с точки зрения истории якутского языка и исторического развития его носителей следующее заключение автора книги: «Прочтение всех лингвистических карт шести диалектологических атласов, составленных нами в течение 30 лет, убеждает нас в следующем: упомянутые древние диалектные образования (речь идет о двух древних диалектных подразделениях, на базе которых образовались два диалектных массива – западный и восточный. – *П.С.*) сформировались не в результате распада единого языка в Среднененском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп. Распад древнеякутского языка произошел за пределами современной территории Якутии, где-то в области Циркумбайкальского региона или в

Верхнененском крае, что требует специального изучения. При этом С.А. Иванов весьма сочувственно и одобрительно ссылается на автора «Ураанхай сахалар» Г.В. Ксенофонова, который высказывал аналогичные суждения.

В целом монография С.А. Иванова о морфологических особенностях якутских говоров является еще одним успешным шагом в сложной и труднейшей работе якутского языковеда-компаративиста. Более того, своей информативной насыщенностью и сравнительно-историческими изысканиями она превосходит его предыдущие работы. Данный труд удовлетворит взыскательных читателей эрудицией автора, критическим, но вполне корректным использованием работ многочисленных предшественников.

П.А. Слепцов

А.Л. Арефьев

**Языки коренных малочисленных народов Севера
и Дальнего Востока в системе образования:
история и современность**

(М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.)

Рассматриваемая монография представляет собой научное издание, подготовленное в рамках мониторинга использования языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе школьного образования, проведенного в 2013 г. по поручению Департамента стратегии, анализа и прогноза Министерства образования и науки Российской Федерации.

Обосновывая актуальность своего исследования, А.Л. Арефьев отмечает, что она связана, прежде всего, «с ухудшающимся положением большинства языков коренных малочисленных народов Российской Федерации и отрицательной динамикой использования этих языков в системе школьного образования», отсутствием регулярных (ежегодных) мониторингов этого процесса даже несмотря на наличие соответствующих специализированных учреждений [Арефьев, 2014, с. 14].

В этом контексте считаю целесообразным привести высказывание президента Российской

Федерации, прозвучавшее 19 февраля 2013 г. на заседании Совета по межнациональному согласию: «Наша задача заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны» [Эл. ресурс <http://www.pan.md...>].

Нет никаких сомнений в том, что согласие в многонациональном российском обществе невозможно без освещения реальной истории его становления. В этой связи актуальным представляется и следующий тезис президента: «Нужно на конкретных примерах показывать, что судьба России созидалась единением разных народов, традиций и культур» [Эл. ресурс <http://www.pan.ru...>]. Как раз с примерами в СМИ у нас имеется проблема. Не секрет, что до сих пор отнюдь не каждый этнически нерусский гражданин РФ готов считать себя русским (в том числе и автор рецен-

зии, предпочитающий определение «россиянин»), даже тот, кто не владеет этническим языком, а использует во всех сферах применения языка преимущественно русский* [Бахтикиреева, 2014].

Факт бесспорный: язык во все времена воспринимается как одно из главных измерений этнической идентичности, а зачастую выступает в качестве единственного параметра, определяющего ее уникальность. Язык формирует и поддерживает чувство национальной солидарности, рассматривается не просто как часть культуры, но как дело политики, экономики и религии. Следовательно, языковые факторы, наравне с географическими и другими, формируют государственную систему, являясь по отношению к ней подсистемами.

Датированная 4 ноября 2012 г. позиция президента о том, что «граждане должны знать подлинную историю единения наших народов, собирания российских земель в одно многонациональное мощное государство, а не разного рода околонучные, ангажированные спекуляции на эту тему» [Эл. ресурс <http://www.jewish.ru...>], как мне представляется, также непосредственно относится к предмету этой работы.

С моей точки зрения, заинтересованный читатель получил настоящую книгу, в которой на конкретных примерах отражена история становления российского социума с позиции языковой идеологии и языковой политики Российской империи, СССР и РФ.

Сегодняшнее состояние языков автохтонных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и прошлое «собирание земель» в единое российское государство – как затекстная информация, как отсылка к реальным событиям и явлениям, явно обнаруживается уже на уровне названий глав монографии:

«Языки коренных малочисленных народов в общемировом масштабе и международные мероприятия по их мониторингу и поддержке» (1);

«Языковая политика в отношении коренных малочисленных народов Севера в царской Рос-

сии и в СССР» (2);

«Законодательство Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на сохранение и развитие родных языков, их использование в образовании» (3);

«Социально-экономические, демографические и этнолингвистические характеристики коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (4);

«Основные тенденции использования языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования Российской Федерации на современном этапе» (5);

«Региональные показатели школьного обучения языкам коренных малочисленных народов» (6).

Научная ценность исследования очевидна: запечатлены большой фрагмент истории языков, их нынешнее состояние. Монографию можно рассматривать и как своего рода «задел», который послужит стимулом для дальнейших разработок аналогичных тем в рамках иных локально-темпоральных координат. Несомненную особую значимость исследованию придают Приложения, представленные в виде 15 таблиц [Арефьев, 2014, с. 451–480].

Полученные результаты чрезвычайно значимы с чисто прагматической точки зрения и в смысле традиционной возможности использования полученных выводов в целом ряде предметов, изучаемых в высшей школе и составляющих основу филологического образования (социо-, политическая лингвистика, этно-, психоллингвистика; языковая политика и др.), и в смежных науках (этно-, политология, социология, философия, история и др.).

С некоторыми положениями рецензируемого труда не без пользы для себя могли бы ознакомиться как представители СМИ, так и некоторые государственные мужи и представители тех профессий, кому по роду своих обязанностей необходимо укреплять гармонию и согласие в многонациональном российском обществе.

* «–Так вы русская!

– Нет, не все так просто!

– Ну как же, и говорите только по-русски, не считая европейских языков, но эти иностранные. Это не считается. И ведете себя тоже, в вас все русское! <...>

– Почему вы против? Что же делает вас нерусской, на ваш взгляд?! <...>

– <...> я не могу быть русской. Есть множество вещей, которые я не могу принять и разделить в русской культуре, ментальности, отношении к жизни. Все это определено не мое. Чужое. <...> Вам кажется, что если у меня нет маркированной этничности, то она русская по умолчанию. Но это не так. Не надо меня присваивать и вмещать! <...>» [Тлостанова, 2011, с. 359–363].

Все содержание книги, в том числе сформулированные ее автором и предложенные в ЗаклЮчении [Там же, с. 436–450] ряд мер и рекомендации [Там же, с. 448–450] в адрес органов управления образованием и исполнительной власти, как представляется, ощутимо уменьшают существующий разрыв между современным положением дел с языками малочисленных народов в РФ и необходимостью изучения их состояния.

Следуя за исследовательским маршрутом А.Л. Арефьева, любой заинтересованный читатель заметит, что история функционирования рассматриваемых им языков сходна с историей существования других, пребывающих в критическом состоянии, в т.ч. в РФ. Очевидно, что между переходом языков в статус находящихся под угрозой исчезновения и интенсивной гомогенизацией любого социума, в т.ч. российского (русификация), существует прямая зависимость. Таким образом, монография, с моей точки зрения, выполняет сверхзадачу, помимо задач, поставленных автором книги в Предисловии [Там же].

Ясность положений, на которых А.Л. Арефьев строит свой научный проект, позволила ему упорядоченно и аргументированно осветить политику Российской империи в отношении «обрусения»* коренных (автохтонных) малочисленных народов, которую не назову удачной. В качестве подкрепления этого вывода приведу примеры: «Создававшиеся в ряде мест компактного проживания северных народностей русскоязычные школы для их детей (Тобольске, Туруханске, на Камчатке, в Архангельской губернии и т.д.) комплектовались с большим трудом (детей аборигенов в них отбирали принудительно, они старались убежать при первой возможности) и существовали недолго» [Арефьев, 2014, с. 31, 33].

За несколько лет до начала Первой мировой войны (1914) открывались передвижные школы для детей чукчей и ламутов (эвенков), экспериментально вводилось изучение и родного языка, на-

пример, якутского, «однако основным средством их обучения неизменно выступал русский язык».

«Так, в новых “Правилах начальных училищ для инородцев”, утвержденных в 1913 году министром народного просвещения А.А. Кассо, говорилось, что “начальные училища для инородцев имеют целью распространять между ними знания русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему Отечеству”» [Там же, с. 34].

Объективно, по моему мнению, охарактеризована в монографии и реализация *новой* языковой политики в СССР. В частности, А.Л. Арефьев пишет о создании Постановлением Президиума ВЦИК РКП(б) в 1924 г. Комитета содействия народностям северных окраин – Комитета Севера, центра изучения языков Севера, основного органа, которому правительство поручило разработку конкретных мер языковой политики в отношении 26 “туземных народностей северных окраин РСФСР”, которых отличали малочисленность и особый уклад жизни, связанный с охотой, рыболовством и разведением оленей» [Там же, с. 35].

Новая власть ставила важную цель – «улучшение всей жизни коренного населения при сохранении традиционного уклада» для ненцев (самоеды), вогулов, остяков, юряков, долганов (долгоны), енисейцев (кетов), орд затундренских обществ, карагасов, сойотов-оленьеводов, тунгусов (всех родов), орочонов, ламутов, юкагиров, чуванцев, омоков, чукчей, гольцев, самогиров, манегров, солонов, бираров, негидальцев (амгунцы), орочей, гиляков, даурцев, манджу, тазов (тазы), чуванцев, коряков, ительменов (камчадалы), карагайцев, олютторов, эскимосов (всех родов, в т.ч. айваны, писки и др.), алеутов, керексов [Там же].

«В стране началось формирование культур, “национальных по форме и социалистических по содержанию”» [Там же, с. 36].

Начатое в 1922 г. *языковое строительство*** – уникальная историческая попытка перевести

*Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический Вестник: журн. – 1892; см.: Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахках) // Классические исследования: Многотомник. – Т.13. – Алматы: Эдбиет элемеі, 2013.

** Этот термин чаще связывают с советской языковой политикой, в пределах которой он обозначал целенаправленную и масштабную работу в 20–30-е гг. по созданию алфавитов. **Языковое строительство** – совокупность государственных мер, направленных на позитивное изменение функционального статуса бытующих в нем языков: создание письменности, введение языков в систему образования, массовую коммуникацию и т. п. Параллельно с этим обычно идет работа по совершенствованию структуры для языка; пополнение лексики; создание терминологии; норматизация и кодификация. Этот процесс характерен для новых государств на постсоветской территории.

обучение на родные языки, закончилась к концу 1930-х созданием на латинской основе литературных форм и письменности «**для 50 бесписьменных языков**» (А.Л. Арефьев)*.

«Золотой век» в области образования народов Советского Севера, длившийся в течение всего лишь десятилетия (1920–1930-е гг.) [Там же, с. 40], сменился языковым строительством 40-х гг. XX в., а по сути внедрением русского языка во все сферы жизни советского общества посредством специальных государственных постановлений и указов (напр., Постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»).

Сильный удар пришелся по языкам автохтонных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в РСФСР в связи с вхождением в силу и Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему экономическому и культурному развитию народов Севера» (1957). Благие намерения укрупнить поселки и перенести их на новые, более удобные, с точки зрения властей, места, привели, как отмечает А.Л. Арефьев, к закрытию школ, магазинов и медпунктов, насильственному перемещению людей с земель их предков. Коренные народы лишались исконных охотничьих угодий и мест рыбной ловли. Они рассеивались в массе численно превосходившего их пришлого населения, превращаясь в незначительное меньшинство. Школьные классы стали многонациональными, а национальные языки исчезали из учебных программ [Арефьев, 2014, с. 47–49].

Тенденция к повсеместной русификации образования, усиленная Законом «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), последовательно распространялась на весь СССР.

Таким образом, с 1960-х гг. гомогенизация (в нашем случае – русификация) многоязычной страны усиливала лингвистическую, географическую (территориальную) витальность языка-макропосредника на шестой части суши.

Спустя три десятилетия обусловленный изменением мировоззрения распад СССР позволил, в частности, придать, наконец, русскому языку статус государственного в Российской Федерации. «Фундаментальной основой единства

страны, безусловно, является русский язык. Именно он формирует общее гражданское, культурное, образовательное пространство» [Тлостанова, 2011]. Нет сомнений в том, что единое государственное образование практически невозможно без доминирующего языка, жизненно необходимого для каждого гражданина. Думается, что никто не возьмется оспаривать мой вывод о том, что любой народ, который самостоятельно не смог отстоять независимость в историческом процессе своего развития, «обречен» на асимметричное двуязычие и/или транслингвизм. Однако, как справедливо отмечает А.Л. Арефьев в Заключении монографии:

«Утрата знания родного языка и как неизбежное следствие – национальной идентичности приводит к социальной дезадаптации, внутриличностным конфликтам и росту девиантных явлений в среде коренных малочисленных народов, в том числе молодежи (потере смысла существования, ощущению своей неудачливости в жизни, алкоголизму, суицидам, немотивированной агрессии и т.д.). При сохранении существующих тенденций в ближайшие десятилетия до половины языков коренных малочисленных северных народов могут исчезнуть, а их представители предпочтут идентифицировать себя с другими этносами, имеющими, как им представляется, более высокий статус» [Арефьев, 2014, с. 437].

Да, и в этом смысле Российская Федерация не является исключением. Свертывание языковых систем и уход их в историю – закономерность. «Собирание земель» отнюдь не подразумевает собирания языков – закономерность. И это понятно, но почему же остается боль? – Ответ на сегодняшний день у меня один: нужно продолжать попытки сохранения языков и объективного освещения их расцвета и угасания на территории многонационального Российского государства. От правдивой истории государства не умирают, но равнодушный или снисходительный взгляд «сверху вниз» притупляет восприятие истины. От исторического беспамятства гибли империи.

Люди «независимо от своей этнической, религиозной принадлежности» могут осознавать себя «гражданами единой страны», если жизнь их этнического языка и культуры будет представ-

* По В.М. Алпатову, «к середине 1930-х гг. были созданы письменности для более чем **семидесяти языков**» [Алпатов, 2014, с. 16].

ляться адекватно, какими бы драматичными не были страницы их исторического развития в многонациональном Российском государстве. К этому, на мой взгляд, не поучая, призывает объективный документ, каковой и является монография Александра Леонардовича Арефьева.

Литература

Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах) // Классические исследования: Многотомник. – Т.13. – Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. – 976 с.

Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: междунар. конф. (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения ИЯ РАН, НИЦ по национально-языковым отношениям. РФ, Москва, ИЯ РАН. – М.: ТЕЗАУРУС – Языки народов мира, 2014. – 640 с.

Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образо-

вания: история и современность. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.

Бахтикиреева У.М. Русскоязычный текст: о нерусской языковой личности // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сб. науч. ст.: в 2 ч. – М., 2014. – С.10–22.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.

Глостанова М.В. Залумма Агра: Роман. – М.: Изд-во «Спутник +», 2011. – 403 с.

Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17536> Последнее обращение 29.06.2015.

<http://www.pan.md/news/Putin-rasskazal-o-novom-uchebnike-istorii-Rossii/33510>

Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.jewish.ru/theme/cis/2013/02/news994315472.php> Последнее обращение 29.06.2015.

Ул.М. Бахтикиреева

Н.Б. Дашиева. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования (М.: Изд-во «Наука – Восточная литература», 2015. – 239 с.)

В последние годы все чаще обсуждается вопрос об эффективности научных исследований, их практическом значении. Среди разнообразных мнений, высказываемых по этому поводу, встречается и такое, которое в явной и в неявной форме противопоставляет теоретические исследования как «непрактичные» прикладным как «практичным». Такая оппозиция двух совершенно необходимых, взаимосвязанных элементов научного знания чревата еще большим углублением реально существующего разрыва между теорией и опытом. Он проявляется, с одной стороны, во фрагментарности теоретических построений, не доведенных до эмпирической верификации, а с другой – в обилии эмпирических данных, фактов, связей, не объединенных в рамках какой-либо теории. Монография Н.Б. Дашиевой «Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования» (2-е изд., испр. и доп.) убедительно показывает, какие результаты для теории и практики может дать тщательно, последовательно разработанная научная программа.

Монография Н.Б. Дашиевой представляет собой фундаментальное исследование, посвященное комплексному анализу календарной культуры бурят. Автор в отличие от своих предшественников, ограничившихся рассмотрением отдельных её аспектов, представил на суд научной общественности целостную картину историко-этнографического и культурно-генетического описания календарной культуры не только бурят, но и ряда народов Сибири.

Работу отличает строго продуманное логическое изложение материала. Структура исследования отражает глубоко аргументированную авторскую концепцию о хронотопе Времени в Культуре. Это чрезвычайно сложная и объемная тема решается Н.Б. Дашиевой на материале архаической традиции всего тюрко-монгольского мира.

Следует особо подчеркнуть, что исследователь прекрасно владеет арсеналом разных междисциплинарных наук. В этом отношении в исследовании доминирует комплексный принцип описания и интерпретации этнографических фактов и явлений, сочетание в рамках единого иссле-

дования синхронных и диахронных аспектов, что встречается крайне редко: еще реже при таком совмещении удастся избежать произвольных сопоставлений и натяжек. Работа Н.Б. Дашиевой представляет в этом отношении счастливое исключение, поскольку она использует методологически выверенный и весьма разнообразный арсенал средств, применяемых в различных гуманитарных дисциплинах, и выступает не только как этнограф, но и семиотик, культуролог, лингвист. Такое использование научных методов дало настолько ощутимые результаты, что по освоению и анализу материала данное исследование вышло далеко за рамки собственно этнографической работы.

Остановлюсь только на некоторых теоретических выводах этой, безусловно, новаторской как по методологии исследования, так и по научным результатам работы.

Первая проблема, так удачно решаемая в рамках данного исследования, – проблема реконструкции архаичного календаря бурят. По сути, автор впервые на своем материале раскрывает и объясняет традиционную модель мира бурят с ее отдельными архетипами.

Вторая проблема – соотношение календарных и креационных схем в культуре. Здесь особое внимание заслуживает блестящий анализ календарных мифов, манифестирующих тему первоначала. Как правило, мифы подобного рода существуют в традиционной культуре как бы в «свернутом виде». На основе семантического и этнолингвистического анализа автор дает глубокие интерпретации календарных мифов не только бурят, но и широкого круга тюрко-монгольских и тунгусоманьчжурских, а также финно-угорских народов.

Важно, что в ходе работы автор обнаруживает систему определенных календарных символов, связанных с разными типами календарей, при этом исследователю удается не только выявить, но и расшифровать в бурятской культуре, ранее оставшийся незамеченным, так называемый космологический, или астральный код культуры.

Речь идет о зооморфной символике (олень и медведь как два зооморфных кода, разведенных в календарной системе мезолитического населения Восточной Монголии), о солярной и лунной символике, о символике космогонических актов и т.д.

Еще одна проблема – интерпретация архетипической модели календаря бурят. В монографии Н.Б. Дашиевой она решается на уровне этногенетических изысканий путем проецирования представлений о раннем лунно-солнечном календаре бурят на скифо-сибирский мир. Выделены многочисленные сюжеты из мифологии и ритуальной культуры бурят, восходящие к календарной системе индоарийских народов (олень–птица–солнце–гора). Ценными являются мысли автора об образе оленя как зооморфной метафоре времени.

Все эти оригинальные материалы расширяют горизонты научного познания о календарной системе в целом, меняют сложившиеся стереотипы о происхождении и функциях календарей у народов Сибири, дают возможность дальнейших научных интерпретаций.

И последнее – Н.Б. Дашиева, разрабатывая свою концепцию календарной культуры, особое внимание уделяет календарной обрядности как важному адаптивному механизму культуры. Вот почему это исследование приобретает практическую значимость. Сегодня, когда во всем мире происходят экологические катаклизмы, ощущаются кризис в духовной сфере человеческого общества, дефицит общения, связанный с истощением прежних ресурсов, определяющих жизнеобеспечение народа, обращение к календарным традициям (праздникам и обрядам) становится наиболее актуальным. Коллективное получение и распределение резерва жизненных ресурсов происходило как раз в календарных празднествах, связанных с Природой.

Рецензируя монографию д.и.н., профессора Надежды Базаржаповны Дашиевой «Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования», я намеренно отошла от принятой схемы, а остановилась лишь на некоторых теоретических моментах работы. По моему мнению, даже эти выводы и результаты автора достаточны, чтобы оценить эту работу как фундаментальное, новаторское исследование, посвященное календарной культуре народов Сибири, которое займет достойное место в российской этнологии и культурологии.

Е.Н. Романова

ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСКИ

УДК 81-112.2

Р.И. Васильева

Впечатления от поездки к ессейским якутам

Автор сообщает о первичных результатах, полученных в ходе анкетного опроса в пос. Ессей; наблюдения исследователя позволяют сделать вывод, что несмотря на процессы глобализации ессейцы сохранили свой самобытный язык и традиционную культуру.

Ключевые слова: родной язык, языковая компетенция, инокультурная среда, локальная субкультура, глобализация.

Группа научных сотрудников ИГиИПМНС СО РАН (Н.М. Иванов, Р.И. Васильева, Е.М. Самсонова) в рамках проекта «Организация и проведение научных экспедиций по сбору диалектологического, фольклорного материалов по якутскому языку» в 2014 г. выезжала по маршрутам: *Якутск – Красноярск – пос. Тура – пос. Ессей; Якутск – Оленек – с. Джелингде; Якутск – Сааскылаах; Якутск – Покровск – с. Едей*. Основанием для выполнения проекта явилась Государственная программа «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков РС(Я)» на 2012–2016 гг. Члены экспедиции занимались сбором диалектологического материала по фонетике, лексике, грамматике говоров якутского языка. Инструментарием данного полевого исследования стал «Диалектологический вопросник якутского языка», составленный С.А. Ивановым. А также исследователями было записано большое количество интервью с информантами; расшифровкой собранного материала по вопроснику занималась Е.М. Самсонова.

Исполнителем проекта Р.И. Васильевой дополнительно было проведено социолингвистическое обследование в пос. Ессей Красноярского края. Полевое исследование было выполнено среди ессейских якутов, которые в силу различных причин оказались оторванными от основной метрополии и компактно проживают в Эвенкийском районе Красноярского края возле озера Ес-

сей. Последнее находится за Полярным кругом в бассейне р. Котуй, на севере Эвенкийского автономного округа. Ниже представлена социальная структура населения заполярного поселка Ессей (таблица).

Социально-экономическая характеристика жителей пос. Ессей в 2014г.*

Наименование	Кол-во
Население, чел.	646
В том числе: КМНС (коренные малочисленные народы Севера)	46
ессейские якуты	586
разные	14
Учащиеся МКОУ «ЕСОШ»	140
Дети, посещающие МКДОУ «Детский сад п. Ессей»	72
Занятое население	111
Пенсионеры	124
Безработные граждане, состоящие на учете в КГКУ «Центр занятости п. Тура»	49
Студенты-очники	20
Предприятия и организации, осуществляющие деятельность в п. Ессей, ед.	20
Индивидуальные предприниматели, чел.	6
Работники-оленоводы, занятые в МП ЭМР «ОПХ Суриндинский»	3
Физические лица, имеющие частных домашних оленей	13
Кол-во поголовья частных домашних оленей, гол.	186
Кол-во поголовья домашних оленей МП ЭМР «ОПХ Суриндинский», гол.	83

*Текущий архив муниципального учреждения «Администрация пос. Ессей» Эвенкийского муниципального района Красноярского края, 2014 г.

По сведениям А.И. Саввинова, в краеведческом музее г. Красноярск хранятся фольклорные материалы есеевских якутов, собранные во время экспедиции музея в 1938–1939 гг. Участником данной экспедиции был крупный исследователь – этнограф Б.О. Долгих. Полевые материалы экспедиции были использованы им во многих работах. Несмотря на географическую удаленность и некоторую изолированность от Центральной Якутии есеевские якуты сохраняли характерные черты якутских сказительских традиций [Саввинов, 2012, с. 96]. Главный труд Б.О. Долгих – это его многолетнее фундаментальное исследование «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». Данная монография является крупным вкладом в историографию Сибири, в изучение этнической истории сибирских народов. В работе на основе богатейшего исторического материала, архивных источников дана характеристика структуры и этнического состава дорусского периода населения Сибири. Подробно освещена этнотерриториальная особенность и Якутского уезда, родоплеменной состав якутов, их динамика роста и расселение [Долгих, 1960]. Есеевцы как представители тюркоязычного этноса и в настоящее время сохраняют самобытную культуру, язык, традиционный образ жизни. В пос. Есеев их численность составляет 586 чел. Главой муниципального учреждения «Администрация пос. Есеев» Эвенкийского муниципального района Красноярского края является С.М. Маймага, замглавы – С.А. Ботулу, а также работают специалисты Г.П. Ботулу, А.И. Эспек.

В Есеевской средней школе обучаются 139 детей, из них 135 (97%) – якуты. Если просмотреть списочный состав детей, то они все носят фамилии в русской транскрипции: Ботулу, Маймага, Эспек, Осогосток, Чарду, Бети Бэти. Из списочного состава только две фамилии иноязычного звучания. Перечисленные выше фамилии в прошлом представляли собой родовые названия, этнонимы. Родовые названия, отмеченные у есеевцев, соответствуют оленекским. Самым распространенным из них на Оленьке является род Боотулуу. Название этого рода сохранилось и в наименованиях ряда населенных пунктов Республики Саха (Якутия). По данным статистики, на 1883 г. в Якутской области Российской империи имелись Ботулинские наслеги в Жиганском, Усть-Янском и Верхневилуйском улусах. Эспек-

ский наслег с многочисленным населением и поныне существует в Усть-Алданском улусе, на территории бывшего Дюпсунского улуса. Маймаганский род был зафиксирован в Атамайском наслеге Намского улуса. Село с таким же названием в этом улусе существует до сих пор. Осого-стохский и Одайский роды отмечены в I Жемконском наслеге Ботурусского улуса. Р. Маак и Б.О. Долгих [1960] считали, что есеевские якуты, имеющие тунгусские корни, переняли образ жизни и культуру якутского народа. Г.В. Ксенофонов, М.С. Воронкин [1984] признают их якутское происхождение. Влияние русской, эвенкийской и долганской культур наблюдается в быту, в пище, образе жизни есеевских якутов. В их домах можно увидеть иконы святых, в свое время они были втянуты в орбиту влияния христианской религии. В октябре 1855 г. указом Священного синода было предписано открыть новый миссионерский приход на озере Жоссей. Есеевцы восприняли православную веру от миссионеров Камчатской епархии. Затем в 1873 г., по ходатайству последних, они были переданы в ведение енисейской епархии и годом позже приписаны к приходу Хатангской Богоявленной церкви. В церковных книгах встречаются всего семь фамилий: Ботулу (Боотулуу), Эспек, Осогосток, Бэти, Чорду, Маймага и Удай (Одай). Есеевские якуты, как и все северные народы, вели кочевой образ жизни, занимались разведением домашнего оленя, охотой на дикого северного оленя. Количество домашнего оленя являлось мерилем богатства и экономической самостоятельности семьи.

По образу жизни и в настоящее время есеевцы – северные якуты-оленьеводы, занимающиеся добычей мяса диких оленей, рыболовством, охотничьим и пушным промыслом. Они владеют в основной массе устной формой якутского языка; представители старшего поколения умеют писать и читать на родном языке, так как только в советское время существовала практика, когда приезжали учителя якутского языка из Якутии и обучали есеевцев в школе родному языку. В монографии «Диалектная система языка саха» М.С. Воронкин утверждает, что 70% эвенков владели якутским языком, так как якуты, являясь носителями более высокой скотоводческой культуры, сумели добиться устойчивого распространения своего языка среди аборигенов – эвенков [Воронкин, 1999, с. 26–27].

В Ессейской средней школе обучаются родному языку всего 39 детей (27,8%), со 2-го по 4-й класс. Учебников не хватает, в библиотеке села нет прессы и художественной литературы на якутском языке. Было опрошено 180 респондентов ессейской этнической группы и выявлены следующие результаты: 94,7% из них владеют якутским языком, русским – 73,5%, эвенкийским – 2,3%. Владеют разговорной формой якутского языка 56,8%, письменной и устной формой родного языка – 23,8%, читают прессу на родном языке – 13,6%, говорят с затруднениями – 1,5%. У молодого поколения в устной родной речи наблюдаются интерферентные явления, отмечается влияние русского языка. Самсонова Е.М. при расшифровке полевых материалов выявила случаи нарушения закона гармонии гласных (например, *ньирай, арагии, маамукта, маагиин*). Наблюдается упрощение языка: из аффиксов уменьшительно-ласкательности употребляется только *-каан*, но очень редко (*тааскаан, кыракаан, биэскээн, үскээн, баччакаан*); только у одного информатора встречается увеличительный аффикс *-ндьаа* (*ула-хандьаа, куһаҕандьаа*). Для данной возрастной группы характерно явление переключения кода, когда собеседник переходит в потоке устной речи с родного языка на русский. Как и у многих народов, хранителем традиций, культуры, языка является старшее и среднее поколение, 90% населения является автохтонным, несколько поколений живут в пос. Ессей с рождения. У некоторой части ессейцев сохраняется тесная связь между старшим поколением, детьми и внуками, в частности многие взрослые дети вывозят своих престарелых родителей на летние стойбища, заботятся о них, с ними выезжают и дети. Несмотря на малочисленность, ессейцы чтят родную культуру и поддерживают связи с Якутией. Жители поселка принимают активное участие в художественной самодеятельности, шьют национальные костюмы, проводят праздники; функциони-

руют и здесь фольклорные коллективы; например, ансамбль «Хотугу сулус» выезжает в г. Москву, г. Санкт-Петербург для участия в фестивалях, конкурсах и т.п. И в этой языковой среде формируется языковая компетенция маленьких ессейцев. Безусловно, в закрытом пространстве небольшого села консервируется и сохраняется традиционный образ жизни ессейцев, но ощущается оторванность их от цивилизации, налицо неустроенность быта и правовая незащищенность. И в голову приходят мысли о резервации. Язык ессейских якутов относится к северному говору, многие из ессейцев считают, что их язык особенный, отличный от якутского литературного языка, функционирующего в Республике Саха (Якутия). И в этом, мне кажется, выражается их свободолобие, защитная реакция на процессы трансформации и глобализации, происходящие в мире. Безусловно, этническая группа «ессейские якуты» – это уникальный феномен, их язык, самобытная культура представляют большой научный интерес для широкого круга исследователей. Этнические субкультуры переживают тяжелые времена, так как сложно отстоять свою самобытность, национальные и экономические интересы, территориальную целостность, когда во главу угла ставятся государственные интересы и интересы крупных компаний в российском и мировом пространстве.

Литература

- Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск, 1984. – С.26–27.
Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 622с.
Саввинов А.И. Фольклор ессейских якутов в записях Б.О. Долгих (по архивным материалам Красноярского краеведческого музея) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – №1 (4). – С. 94–99.

R.I. Vasilyeva

Impressions from the trip to the Essene Yakuts

The author reports on the initial results obtained in the questionnaire in the village Essey, researcher observations lead to the conclusion that in spite of the processes of globalization, Essey people retained their original language and traditional culture.

Keywords: mother tongue, language competence, cultural environment, the local sub-culture, globalization.

*В.Е. Охлопков, Т.Н. Константинова***Методологические вопросы при исследовании кочевых народов**

Рассматривается применение качественного метода в рамках этнологической экспертизы в Нерюнгринском районе Республики Саха (Якутия). Отражены особенности построения коммуникаций между коренными малочисленными народами Севера и представителями горно-добывающей компании. С помощью описанного метода установлены доверительные контакты между ними; дискуссия между ее участниками помогла решить спорные вопросы и узнать кочевую жизнь общинников.

Ключевые слова: этнологическая экспертиза, природные ресурсы, традиционное хозяйствование, промышленное освоение, коренные этносы.

На рубеже XX–XXI вв. интенсивное освоение природных ресурсов северных территорий затронуло интересы и права коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС). За последние 20 лет для сохранения традиционного образа жизни КМНС на федеральном уровне были закреплены их приоритетные права и дополнительные гарантии в области использования объектов животного мира и водных биологических ресурсов.

Надо отметить, что современное федеральное законодательство дальнейшего определения этнологической экспертизы в Федеральном законе № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» не развило механизм его действия. Но так как защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей по Конституции РФ (п. «м», ч. 1, ст. 72) относится к совместному ведению Российской Федерации и субъекта, то в Республике Саха (Якутия) был принят одноименный закон от 14 апреля 2010 г.

В настоящее время этнологические экспертизы начали проводить во многих местах проживания КМНС, где реализуются масштабные промышленные проекты. Накоплен определенный опыт в их проведении, но остается открытым вопрос об единой методике и методологии [Баишева, 2011, с. 135–153]. В каждом субъекте группа исследователей, исходя из задач изыскания, пользуется различными методами. Отличие применения этнологической экспертизы в Якутии состоит в том, что она является государственной и имеет юридическую силу [Константинова, 2011, с. 42–50].

По заказу ЗАО горно-металлургической компании «Тимир» в ноябре–декабре 2014 г. группой ученых Института гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН под руководством д.социол.н. В.Е. Охлопкова была проведена экспертиза вопроса о воздействии разработки железорудного месторождения «Таежное» на этнологическую среду. В качестве экспертов привлекались представители Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им.М.К. Аммосова.

В административном отношении площадь месторождения входит в состав МО «Нерюнгринский район» с центром в г. Нерюнгри. В 120 км к северу от месторождения находится г. Алдан, в 120 км к югу – пос. Чульман, в 150 км южнее месторождения – г. Нерюнгри и пос. Серебряный Бор. Ближайшим населенным пунктом в районе месторождения является пос. Большой Хатыми. В 5 км от границы месторождения расположены земли родовой общины коренных малочисленных народов Севера «Бугат» (в переводе на русский – «Родина»), председателем которой является А.Г. Григорьев, эвенк.

Для установления межличностного и межгруппового общения между представителями коренных народов и промышленных предприятий требуется проведение определенной организационно-методической работы. Чтобы получить объективную информацию о влиянии проекта на этносоциальную среду и выработки коммуникаций, руководителем группы ученых было принято решение использовать следующие методы социологического исследования:

– анализ документов: в управлении сельского хозяйства Нерюнгринского района был взят массив информации – статистические данные по развитию сельского хозяйства;

– проведение анкетирования в сельском поселении «Иенгринский эвенкийский национальный наслег», экспертного опроса специалистов администрации;

– проведение фокус-группы и включенное наблюдение непосредственно на месторождении «Таежное».

Метод фокус-группы (или, как его еще называют, фокусированное интервью) представляет собой по сути дела групповую дискуссию, в ходе которой выясняется отношение участников к тому или иному виду деятельности или продукту этой деятельности. Например, основной целью данной фокус-группы являлось выяснение влияния на этнологическую среду освоения месторождения «Таежное», оценка воздействия промышленного освоения на традиционный быт, хозяйство и культуру коренных малочисленных народов Севера. Ценность получаемой информации состоит в ее объективности, точности, обусловленной их работой на конкретной местности, примыкающей к землям общины «Бугат». Соответственно, на месте объективно были рассмотрены основные, ключевые объекты проекта и особенности хозяйствования общины «Бугат».

При подготовке программы фокус-группы были собраны материалы по состоянию сельского хозяйства района. Так, на 1 октября 2014 г. на территории Нерюнгринского района насчитывалось 6787 голов домашних северных оленей (на 01.01.2014 г. было 7012 голов), из них в МУП «Золотинка» – 2634 головы, в родовых общинах – 3458 голов, в т.ч. в КРО «Бугат» – 162 головы, в хозяйствах населения – 695 голов. Всего получен 1591 тугут (оленок), что составляет 114% к показателям прошлого года, отход тугутов – 979 голов.

Группа была сформирована с учетом цели исследования – оценка влияния на этнологическую среду освоения месторождения «Таежное». Например, в группу вошли представители ЗАО ГМК «Тимир», председатель родовой общины КМНС, представители администрации Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Участники фокус-группы не были близко знакомы до проведения исследования. Вместе с тем они являются экспертами в области сельского хозяйства, традиционного быта оленеводов, экологии, геологии и социологии. К изучению проекта и участию в фокус-группе также привлекались представители Технического института – филиала Северо-Восточного федерального университе-

та им.М.К. Аммосова. Длительность мероприятия, за исключением пути, составляла от 1 до 2 ч. Фокус-группу модерировал д.социол.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН В.Е. Охлопков. В соответствии с методикой численность группы составила 8 чел: Александр Гаврильевич Григорьев – председатель родовой кочевой общины коренных малочисленных народов Севера – эвенков «Бугат»; Андрей Николаевич Коноплев – заместитель лесничего (руководителя) Государственного учреждения Республики Саха (Якутия) «Нерюнгринское лесничество»; Татьяна Николаевна Константинова, младший научный сотрудник ИГИиПМНС СО РАН; Денис Николаевич Кузнецов – главный юристконсульт ЗАО «Горно-металлургическая компания “Тимир”»; Варвара Матвеевна Леханова – специалист сельского хозяйства сельского поселения «Иенгринский эвенкийский национальный наслег», а также специалист Управления сельского хозяйства Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия); Александр Викторович Литвиненко, к.т.н., заведующий отделом научных исследований и инновационной деятельности ТИ (Ф) СВФУ; Александр Владимирович Рукович – к.г.м.н., заведующий кафедрой «Технологии и техники разведки месторождений полезных ископаемых» ТИ (Ф) СВФУ; Евгений Сергеевич Телятников – государственный инспектор Нерюнгринского комитета охраны природы Министерства охраны природы РС(Я).

Видеозапись осуществлялась младшим научным сотрудником ИГИиПМНС Т.Н. Константиновой, аудиозапись – модератором. Это было обусловлено компактностью команды и количеством посадочных мест в автомобильном транспорте.

При проведении фокус-группы участники были обеспечены следующими наглядными материалами – пятью картами месторождений формата А3-А1, представленными ГМК «Тимир», на нескольких схемах были подробно отражены объекты обсуждения. Все участники совещания до начала работы фокус-группы были обеспечены доступом к материалам в режиме онлайн в папке google, где размещался весь массив информации.

В начале дискуссии модератор сообщил участникам о целях и основных правилах дискуссии. Знакомство последних происходило во время поездки до участка. Обсуждение началось с

открытых выступлений, которые раскрыли особенности оценок участников. Закрытые вопросы задавались модератором после выступлений и реплик участников, что позволило сфокусировать ответы на конкретных аспектах обсуждаемой проблемы.

Согласно выписке из протокола выступления Д.Н. Кузнецова «О перспективах освоения месторождения «Таежное» была сообщена информация о расположении объектов, об объемах добычи, особенностях месторождения, о комплексе экологических мероприятий. Были заданы вопросы об объемах производства, инфраструктурной составляющей.

Глава родовой общины «Бугат» А.Г. Григорьев выступил с кратким докладом «О хозяйственной деятельности кочевой родовой общины коренных малочисленных народов Севера – эвенков «Бугат». Он отметил позитивное влияние проекта освоения месторождения «Таежное» на социально-экономическое положение Нерюнгринского района и Республики Саха (Якутия). Также он указал на необходимость проведения мониторинга экологической ситуации и хозяйственной деятельности; сохранения водных ресурсов, соблюдения пожарной безопасности в лесных массивах; обеспечения правопорядка и пресечения браконьерства. Отдельно А.Г. Григорьев отметил наличие летних пастбищ оленей в низине, на расстоянии 5 (пяти) км от объекта, временной базы в

19 км от месторождения, постоянной базы (вагона) в 27 км.

Были заданы вопросы о поголовье оленей, об экологической оценке, о значении охоты для общины.

А.Н. Коноплев в своем выступлении сообщил о соответствии проекта лесному законодательству, об особенностях договора аренды, об ответственности компании за противопожарную охрану и соблюдение экологического законодательства.

Проанализировав результаты исследования, можно отметить следующие ключевые моменты:

Во-первых, проведение фокус-группы в сочетании с включенным наблюдением позволяет существенно повысить полноту проведения исследования по ОВЭС.

Во-вторых, метод фокус-группы как площадка для обсуждения дает возможность представителям различных социальных институтов участвовать в процессе этнологической экспертизы и высказывать свое мнение.

Литература

Баишева С.М. Воздействие строительства Канкунской ГЭС на окружающую среду: оценка аборигенов Южной Якутии// Арктика и Север. – 2011. – № 4. – С. 135–153.

Константинова Т.Н. Родовые общины в условиях промышленного освоения// Там же. – С. 42–50.

V.E. Okhlopkov, T.N. Konstantinova

Methodological issues in the study of nomadic peoples

The application of qualitative method in the context of ethnological expertise in Neryungri region of the Republic of Sakha (Yakutia). The features of the construction of communication between the indigenous peoples of the North and representatives of the mining company. Using the method described trust relationships established between them; the discussion between the parties has helped to resolve disputed issues and learn nomadic life of the commoners.

Keywords: ethnological expertise, natural resources, traditional economy, industrial development, indigenous ethnic groups.

ПАМЯТЬ

УДК78071.2:801.81(571.56)

В.В. Илларионов

Олонхосут Николай Абрамов, внук Сэсэна Аржакова

Статья посвящена личности Н.Т. Абрамова, внука легендарного А.И. Аржакова-Сэсэна Аржакова, крупного общественного политического деятеля XVIII в. Основана на воспоминаниях современников и знатоков старины, носителей традиционной культуры. Автор статьи предполагает, что внук Н.Т. Абрамов унаследовал сказительский талант Сэсэна Аржакова и его репертуар. Благодаря усилиям Э.К. Пекарского, со слов Н.Т. Абрамова были записаны и затем опубликованы олонхо «Өлбөт Бэргэн» («Бессмертный витязь»), «Удаѳаттар Уолумар Айгыр икки» («Шаманки Уолумар и Айгыр»).

Ключевые слова: олонхо, сказительская традиция, олонхосут, эпический репертуар, сказительство, Сээркээн Сэсээн, наследие, личность.

В 2014 г. издательством «Бичик» была опубликована замечательная книга «Үктэнэн турабын үөскээбит буорбар» («Упираюсь о землю родную»), составленная журналистом З.И. Петуховой, о крупном общественно-политическом деятеле XVIII в., во многом определившем развитие якутского этноса, философе, заглянувшем в будущее народа, талантливом сказителе А.И. Аржакове-Сэсэна Аржакове. Председатель Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я) А.Н. Жирков в предисловии к книге подчеркнул особое значение для истории государственности якутского народа «Плана о якутах» А.И. Аржакова. Действительно, вопросы, поставленные в свое время Сэсэном Аржаковым, до сих пор не утратили значимости. Об этом, в частности, свидетельствуют вошедшие в первую главу статьи народного лидера, общественного деятеля В.В. Никифорова-Кюлюмнюра, первого Президента РС(Я) М.Е. Николаева, д-ра ист. наук А.А. Борисова и другие, раскрывающие внутренний мир Сэсэна Аржакова, повествующие о его жизни, деятельности, о его родных и потомках [«Упираюсь ...», 2014].

Как гласят легенды, Сэсэна Аржаков был талантливым рассказчиком, певцом, тойуксутом, сказителем, о чем свидетельствует данное ему

народом имя. Однако точных сведений о конкретных вещах, которые он исполнял, не сохранилось. Лишь в Рукописном фонде ИГиПМНС СО РАН отложились записи фольклориста П.Е. Ефремова, сделанные им со слов жителя Баягинского наслега Таттинского района 88-летнего Терентия Саввича Попова о том, что Сэсэна Аржаков в течение трех ночей исполнял олонхо в доме Угалаха, богача, вошедшего в чабыргах, и был за свое искусство вознагражден двухгодовалым жеребенком [Ефремов, л. 177–178]. В статье М.М. Аржакова-Удьуор Харылы «Ытык сир сүдү киһитэ» («Великий сын великой земли») также говорится о том, что Сэсэна Аржаков в возрасте 9 лет в течение трех суток сказывал олонхо в доме богатого жителя Едюдгайского наслега Намского улуса Угалаха и настолько поразил его своим талантом, что тот расплатился с ним жеребенком [Аржаков, 2014, с. 61]. Не всякий сказитель способен исполнять олонхо в течение трех суток. Как мы знаем, на протяжении нескольких суток могли исполнять олонхо прославленные олонхосуты более позднего времени – Д.М. Говоров-Олонхосут Миитэрэй (Усть-Алданский улус), Н.А. Абрамов-Кынат (Мегино-Кангаласский), С.Н. Каратаев-Дыгыяр (Виллюйский улус). Это позволяет предположить, что уровень мастерства

Сэсэна Аржакова как сказителя олонхо был чрезвычайно высок.

В народе сохранились предания о том, что Сэсэн Аржаков обладал особым, философским складом мышления, способностью, как сейчас принято говорить, предсказывать будущее. В связи с этим хочется отдельно остановиться на его имени – Сэсэн (Сэһэн). В статье «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» П.А. Ойунский писал о том, что распространенный в якутском эпосе образ Сээркээн Сэсэна несет две функции. Во-первых, он выступает в качестве советчика богатырей, предсказателя их будущего. Во-вторых, Сээркээн Сэсэн является первым исполнителем якутского олонхо [Ойунский, 1975, с.193]. В словаре Э.К. Пекарского дается следующее толкование: «Сээркээн Сэһэн – красноречивый говорун, собственное имя мифического мудреца, фигурирующего в былинах и сказках в качестве велемудрого (всезнающего) старика, который дает советы богатырям, указывает им путь и проч. ... Отличительная черта заключается в том, что он знает все, что делается на свете, кого какая судьба постигнет; он знает дороги во все стороны света и знает, кто там живет» [Пекарский, 1958–1959, стб. 2176]. Приведенные примеры ясно говорят о том, что народ не зря прозвал Сэсэнном А.И. Аржакова, человека высокого ума, который всем своим обликом и манерой держаться выражал душевное равновесие, спокойное осознание внутренней силы. Здесь уместно также отметить, что древнетюркское *чэчен*, *шешэн* означает «красноречивый», бурятское *сесен* – «мудрый, разумный, умный», монгольское *сечен* (*чечен*) – «мудрый, умный, опытный, точный». Башкирских исполнителей героического эпоса и сейчас называют *шешен* [Сагитов, 1977, с. 464]. Таким образом, присвоение Аржакову имени Сэсэн как нельзя более точно характеризует высоту его сказительского таланта, глубину ума, способность прогнозировать будущее на основе объективного анализа прошлого и настоящего. З.И. Петухова, изучив жизнь и деятельность Сэсэна Аржакова, пишет о том, что его имя подчеркивает тот факт, что А.И. Аржаков является транслятором вековой мудрости народа: «Так, Сэсэн повествует. У него есть своя аудитория, последователи. Как у Платона, Сократа, Конфуция. И поэтому он – Сэсэн... Пока среди потомков жива память о А.И. Аржакове – Сэсэне Аржакове, в этом мире будет жить и

развиваться воля к жизни. В свете этого сразу вспоминаются письмо якутской интеллигенции А.Е. Кулаковского, положения о земстве В.В. Никифорова, автономии – П.А. Ойунского, М.К. Аммосова и возникает ясное убеждение, что у истоков нашей политической истории стоял такой философ, настоящий патриот, великий человек, как Алексей Иванович Аржаков».

Из потомков Сэсэна Аржакова, связанных с ним кровными узами, его яркий многогранный талант, остроту ума унаследовал внук – Н.Т. Абрамов, которому посвящена работа заслуженного деятеля культуры РС(Я), директора Литературного музея им. В.А. Протоdjeяконова З.В. Мигалкиной [2014, с. 97–104]. При ее написании автор в основном опиралась на материалы опубликованной в 1993 г. книги старейшего краеведа Е.Д. Андросова «Таатта олонхохуттара, ырыаһыттара» («Таттинские олонхосуты и певцы»).

Как пишет Е.Д. Андросов, младшая дочь Сэсэна Аржакова Матрена вышла замуж за таттинского богача Тихона Абрамова, родила от него троих сыновей, которым дед предсказал их будущее. Так, о среднем сыне дочери А.И. Аржаков сказал следующее: «Вот, дитя мое, твой средний сын Николай, по велению Джылга хана, указанию Одун хана, мой наследник, весь облик его дышит таинственной силой, скромностью. Когда вырастет, он станет одним из немногих почитаемых людей своего времени, поэтому береги его, но, с другой стороны, не узнает он счастья отцовства» [Андросов, 2007, с. 55]. И действительно, как и предсказал дед, Николай Абрамов стал широко известен по восточную сторону реки, подобно А.И. Аржакову, как знаток старины своего народа, талантливый рассказчик, предсказатель погоды по движению луны и звезд, как певец, тойуксут, сказитель, о чем убедительно пишут Е.Д. Андросов и З.В. Мигалкина.

Известно, что Н.Т. Абрамов сам упоминал о том, что учился сказительству у своей матери, дочери А.И. Аржакова; также достоверно известно, что исполнения дедом олонхо он слышать не мог. В ту пору, когда дед говорил о нем матери, о чем упоминалось выше, Николай Абрамов, скорее всего, был маленьким ребенком, а позднее мог слышать дедовы сказки, истории, олонхо и предания именно от матери [Мигалкина, 2014, с. 98]. Известный таттинский сказитель и певец Е.М. Егоров-Миинэ Уола рассказал С.И. Боло о том,

что Н.Т. Абрамов приходился ему родственником. Он слышал от Николая Абрамова воспоминание о своем деде Сэсэне Аржакове, о предках Омогой Бае и Эллэй Боотуре, о Тыгыне и других родоначальниках. Н.Т. Абрамов в детские и юношеские годы часто бывал в Борогонском улусе у своих родственников по матери. Впоследствии он стал замечательным олонхосутом и хранителем фольклора Ботурусского и Борогонского улусов [Рукописный фонд ИГиПМНС. Ф. 5. Оп. 14. Д. 35. Л. 60–63].

О том, что, повзрослев, Н.Т. Абрамов стал известен как исполнитель олонхо Жулейского наслега Ботурусского улуса, рассказывается в работах Э.К. Пекарского и материалах Е.Д. Андросова об олонхосутах Таттинского улуса. В своем наслеге он был уважаемым, грамотным человеком, которого избирали князем и который помогал в решении земельных вопросов, участвовал в организации строительства часовни. Именно по этой причине он был не только хорошо знаком с Э.К. Пекарским, но и поддерживал с ним общение. Сам Э.К. Пекарский в «Автобиографических набросках» посвятил несколько слов своему информатору Н.Т. Абрамову: «До Сибиряковской экспедиции по просьбе Н.С. Тютчева я лично в 1886 г. записал одну сказку (“Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки” (“Две шаманки Уолумар и Айгыр”). – *В.И.*), которая была мне продиктована одним очень умным стариком-сказочником Ник. Абрамовым. Со слов этого же Абрамова на средства Тютчева была записана одним малограмотным якутом другая сказка (видимо, “Өлбөт Бэргэн” (“Бессмертный витязь”). – *В.И.*). Перевод этих сказок сделан был для Тютчева тогдашним письмоводителем инородной управы М.Н. Лыковым. Какова судьба этих переводов, взятых, кажется, жандармерией при обыске у Тютчева во время пребывания уже в Иркутске, осталось неизвестным не только мне, но и самому Тютчеву, но переводом одной из них я все-таки успел воспользоваться для своего словаря» [Пекарский, 2008, с. XXII–XXIII]. Издавая олонхо «Бэриэт Бэргэн» в своей серии «Образцы народной литературы якутов», Э.К. Пекарский заметил следующее: «Записана по моему поручению якутом Жулейского наслега Ботурусского улуса Якутского округа Романом Александровым (РА) в марте месяце 1886 г. со слов якута того же наслега Николая Абрамова, славившегося когда-то как замечательный сказочник. Затем, в присутствии Абрамова, рукопись

была мною проверена и кое-где исправлена» [Образцы..., 1908, вып. 2, с. 81].

Позднее политссыльный С.В. Ястремский записанные от Н.Т. Абрамова тексты олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» и «Бэргэн Бессмертный» в переводе на русский язык опубликовал в 1929 г. в серии «Образцы народной литературы якутов». Затем якутский фольклорист и этнограф А.А. Попов эти же олонхо после повторной редакции, сопроводив комментариями, издал в сборнике «Якутский фольклор» в 1936 г. Таким образом, впервые в научный оборот был введен якутский эпос на примере двух олонхо Таттинского улуса, а именно Жулейского наслега, записанных со слов Н.Т. Абрамова и переведенных на русский язык. Их сюжеты, образы, строфика рассматривались в качестве примеров в теоретических работах известных эпосоведов В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, якутских фольклористов Г.У. Эргиса, И.В. Пухова, Н.В. Емельянова и др. о возникновении олонхо, этапах его развития.

О таланте сказителя свидетельствуют слова Н.В. Емельянова, исследовавшего сюжет олонхо «Бессмертный витязь»: «Зафиксированные песнопения персонажей, особенно алгысы, моления и призывы, показывают, что олонхосут Н.Т. Абрамов был одним из выдающихся сказителей прошлого века (XIX в. – *В.И.*). А исполненное им «Өлбөт Бэргэн» – олонхо, сюжетика которого глубоко связана с традициями якутского эпического творчества» [Емельянов, 2000, с.89].

Грамотные жители Жулейского наслега Роман Александров и Роман Большаков, как К.Г. Оросин, в 1896 г. записавший по памяти олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», записали известные им тексты олонхо: первый – «Элик Боотур, Ньыгыл Боотур икки» (Богатыри Элик Боотур и Ньыгыл Боотур), второй – «Баһымньы Батыр, Эрбэхтэй Бэргэн икки» («Богатыри Басымньы Батыр и Эрбэхтэй Бэргэн»), не указав, однако, от кого они слышали данные олонхо. В это же время Н.Т. Абрамов, выдающийся знаток якутской старины, яркий рассказчик, талантливый певец, олонхосут, ушел из жизни. В церковной метрике записано, что умер он в 1891 г. в возрасте 76 лет. Есть основания полагать, что записанные олонхо принадлежат исполнительскому репертуару Н.Т. Абрамова.

Согласно собранным материалам в Ботурусском (ныне Таттинском) улусе в XIX в., в одно

время с Н.Т. Абрамовым были широко известны среди населения В.Ф. Макаров-Бабыят Макаарап (1789–1854), Иван Федоров-Кээмпэс (1831–1896), И.Е. Малгин-Кётюёхэ Ойуун (1832–1904) Е.М. Егоров-Джегюессе сын Миинэ (1855–1934), И.Н. Винокуров-Табаахырап (1856–1940), Н.И. Малгин-сын Кётюёхэ (1878–1929). И все они, возможно, исполняли прежде всего олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и, наряду с этим, «Күн Дьирибинэ» («Кюн Джирибинэ»), «Оҕо Тулааһа» («Дитя-сирота»), «Талааннаах тарбахтаах Таатык Бэргэн» («Умелец Таатык Бэргэн»), «Күн Эрилик» («Кюн Эрилик»), «Ала Туйгун», «Айыы Дугуйдах», «Уһук Түрбүү» («Усук Тюрбю»), «Уоруку-Суоруку», «Улдьаа Боотур» («Богатырь Улджаа Боотур»). Олонхо, записанные от Н.Т. Абрамова и по просьбе Э.К. Пекарского, не вошли в перечень названий олонхо Жулейского наслега Таттинского улуса. Один из них, Е.М. Егоров-Джегюессе, сын Миинэ, указал, что исполняет олонхо «Аҕыс былас суһуохтаах Айталыын Куо, тоҕус былас суһуохтаах Уолумар Удаҕан» («Айталыын Куо с восьмисаженной косой, Удаганка Уолумар с девятисаженной косой»). Следовательно, можно предположить, что Н.Т. Абрамов мог слышать от М.А. Аржаковой, своей матери, олонхо из репертуара деда Сэсэна Аржакова и впоследствии сам исполнять их.

Известно, что в репертуаре борогонских, ныне усть-алданских, олонхосутов часто встречается олонхо с главным героем Басымны Баатыром. А олонхо с главным героем Бэргэном характерны для Борогонского, Дюпсинского, Ботурусского, Баягантайского улусов. Вполне допустимо, что эти олонхо мог исполнять для своих близких длинными зимними вечерами выдающийся человек своего времени, талантливейший исполнитель олонхо, рассказчик, общественный деятель, размышлявший о судьбах своего народа, ставивший перед царем вопросы о самоуправлении якутов.

Таким образом, можно заключить, что наследие, исполнительское мастерство А.И. Аржакова-Сэсэна Аржакова, известной исторической личности и олонхосута XVIII в., в XIX в. перешло к его внуку Н.Т. Абрамову, также одному из ярких представителей своего времени, эпический репертуар которого благодаря усилиям Э.К. Пекарского был записан и опубликован, даже переведен на русский язык. В наши дни олонхо «Шаманки Уолумар и Айгыр» вошло в репертуар театров танца и олонхо. Досадное недоразумение,

возникшее в связи с тем, что автор либретто спутал олонхосута Н.Т. Абрамова, настоящего исполнителя данного олонхо, с другим известным сказителем из Мегино-Кангаласского улуса – Н.А. Абрамовым-Кынат, должно быть исправлено.

Литература

Андросов Е.Д. Ньюкулай Абыраамап (Николай Абрамов) // Дьүлэй нэһилиэгэ – олонхо түүлбэтэ (Жулейский наслег – родина олонхо). – Якутск: Комел, 2007. – С. 54–57.

Андросов Е.Д. Таатта олонхохуттара, ырыаһыттара (Таттинские олонхосуты и певцы). – Якутск: КИФ «Ситим», 1993. – Ч. 1. – 48 с.; Ч. 2. – 48 с.

Аржаков М.М.-Удьуор Харылы. Ытык сир сүдү киһитэ («Великий сын великой земли») // Упираюсь о землю родную. – Якутск: Бичик, 2014. – С. 61–74.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. – Новосибирск: Наука. Сиб. издательская фирма РАН, 2000. – 192 с.

Ефремов П.Е. Сэсэн Аржаков // Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 371. Л. 177–178.

Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 128 с.

Илларионов В.В., Оросина Н.А. Дьүлэй нэһилиэгин олонхохуттара уонна Э.К. Пекарский (Олонхосуты Жулейского наслега и Э.К. Пекарский) // Олонхо Жулейского наслега. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – С. 3–12.

Мигалкина З.В. Сэһэн сизэнэ – улуу олонхохут Николай Тихонович Абрамов (Внук Сесена – великий олонхосут Николай Тихонович Абрамов) // Упираюсь о землю родную. – Якутск: Бичик, 2014. – С. 97–104.

Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. – СПб., 1907–1911. – Вып. 1. – 1907. – 80 с.; Вып. 2. – 1908. – С. 81–194; Вып. 3. – 1909. – С. 195–280; Вып. 4. – 1910. – С. 281–400; Вып. 5. – 1911. – С. 401–476.

Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Ойунский П.А. Сочинения. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – Т. 7. – С. 128–204.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – 2-е изд. – Будапешт, 1958–1959. – Т. 1–3.

Пекарский Э.К. Автобиографические наброски. Публикация, примечания, персоналии А.Н. Анфертьевой // Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка: в 3 т. – Т. 1. – 3-е изд. – СПб.: Наука, 2008. – С. XXII–XXIII.

Петров П.П. Сэһэн Ардыаһап туһунан номохтор (Легенды о Сесене Аржакове) // Упираюсь о землю родную. – Якутск: Бичик, 2014. – С. 74–81.

Петухова З.И. Сэһэн Ардыаһап кэс тыла (Благословенное слово Сесена Аржакова) // Там же. – С. 53–59.

Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 35. Л. 60–63.

Сагитов М. Башкирские сказители и их эпический репертуар // Башкирский народный эпос. – М., 1977. – С. 464–482.

Үктэнэн турабын үөскээбит дойдубар (Упираюсь о землю родную) / сост. З.И. Петухова. – Якутск: Бичик, 2014. – 176 с.

V.V. Illarionov

Olonkho teller Nikolay Abramov, Sesena Arzhakov's grandson

The article is devoted to N.T. Abramov's identity, the grandson legendary A.I. Arzhakova-Sesen Arzhakova, the large public politician of the XVIII century. It is based on memoirs of contemporaries and experts on old times, carriers of traditional culture. The author suggests that the grandson N.T. Abramov inherited teller talent Sesen Arzhakova and its repertoire. Thanks to E.K. Pekarsky's efforts, according to N.T. Abramov were written down and then are published olonkho "Өlbet Bergen" ("The Immortal Knight"), "Udaҕattar Uolumar Aygyr ikki" ("Shamanka Uolumar and Aygyr").

Keywords: olonkho, tale tradition, olonkho teller, epic repertoire, storytelling, Seerkeen Sesen, heritage, identity.

УДК26-335Чен-Чемезов В.Н.

Т.В. Захарова

Историк Гражданской войны в Якутии В.Н. Чемезов (1915–1979)

В статье рассматриваются некоторые аспекты научного творчества историка Гражданской войны в Якутии В.Н. Чемезова. Выявлено, на каких методологических основах сформировано научное мировоззрение ученого. Сделан лексический анализ некоторых работ Василия Назаровича.

Ключевые слова: В.Н. Чемезов, Гражданская война в Якутии, история науки.

В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения В.Н. Чемезова, специалиста по истории Гражданской войны в Якутии. Василий Назарович принадлежал ко второму поколению якутских историков, вступивших в науку в середине 1930-х – конце 1950-х гг. Лишившись зрения в возрасте 43-х лет, в истории якутской науки Чемезов остался как мужественный и исключительно трудоспособный исследователь.

Чтобы стало понятно, что сформировало Василия Назаровича как личность и как учёного, необходимо выяснить, какое воспитание и какую научную подготовку он получил.

Как указывал В.Н. Чемезов в своей автобиографии, его родители были бедняками и всю жизнь трудились на тоёнов (богачей). Учёный писал о себе, что он с ранних лет был активным общественником, пионером (1925–1930) и комсомольцем (1930–1940) [Автобиография..., 1976, Л. 5 об.]. Представляется, что Василий Назарович с раннего детства впитал романтику и пафос революции, уверенность, что каждый человек – хозяин своей жизни. Например, его ровесник

Михаил Андреевич Алексеев, народный учитель СССР, когда в 1930 г. принимал участие в 1-м Всеякутском слёте пионеров, то в качестве напутствия в жизнь получил такие слова от наркома образования Степана Филипповича Гоголева: «Миша, ты большой человек, делегат слета. Жизнь твоя началась хорошо, скоро ты станешь образованным человеком, сам будешь кузнецом счастья людей» [Малышев, 2015].

Следует заметить, что юность Чемезова и период его учёбы пришлись на годы первой пятилетки (1928/29–1932/33), когда в Якутии появились первые тракторы, радио, когда прилетел первый самолёт. Это была, как теперь говорят, эпоха коллективного героизма, когда на основе новых принципов и нового социального порядка формировался новый советский человек: передовой, желающий отдать все свои силы и способности для достижения поставленной цели, яркая и исключительная личность, герой и оптимист.

Когда Василию Назаровичу было 14 лет, в его родном селении Абага (Амгинский улус) была проведена земельная реформа, в которой,

по его словам, он принял самое активное участие [Автобиография..., 1976, Л. 6]. В то время он, как сказано выше, «... был активным комсомольцем», работал секретарём наследного совета и помощником уполномоченного улусного исполкома [Автобиография..., 1963, Л. 72–73 об.]. Эта работа и участие в переделе земли дали молодому Чемезову, как он сам писал, «первую хорошую по тем временам общественно-политическую школу ...» [Там же. Л. 73 об.]

Земельная реформа в конце 1920-х гг. была проведена по всей Якутии. Это было время массового вовлечения крестьян в коллективные хозяйства, пора кардинальных перемен на селе (начало поселкования) [Санникова, 2007, с. 32]. По мнению специалистов, передел земли в деревне способствовал уничтожению крепких самостоятельных хозяйств, зато бедняки и середняки получили лучшие пахотные и сенокосные земли [Санникова, 2010]. Количество середняцких хозяйств увеличилось. Родители Чемезова, как он писал в своей автобиографии, также после передела земли были причислены к середнякам.

Позже, через 20 лет, Чемезов опубликовал научную статью, посвящённую земельной реформе [Чемезов, 1951], в которой одним из первых, по оценке заведующего сектором истории ИЯЛИ, поднял проблему аграрных отношений в крае [Характеристика..., 1963, Л. 24].

Из автобиографии исследователя видно, что Василий Назарович окончил сначала начальную школу, а затем семилетку (Школу крестьянской молодёжи – ШКМ) [Автобиография..., 1976, Л. 7]. Такие школы начали создаваться в стране в 1923 г. Это был новый тип сельской общеобразовательной школы. Обучение здесь (и даже преподавание общественных дисциплин) было направлено на привитие учащимся навыков сельскохозяйственного труда. Школы эти действовали по всей стране до 1934 г., в этот год была проведена ещё одна радикальная реформа школьного образования, в результате которой была введена единая структура школы (начальная, неполная средняя и средняя) [Кузнецов].

Как и многие его ровесники, получившие семилетнее образование (Д.Д. Петров, Н.Е. Мординов, Г.П. Башарин, Ф.Г. Сафронов и др.), Чемезов поступил в Якутский педагогический техникум (ныне Якутский педагогический колледж № 1 им. С.Ф. Гоголева). (Следует заметить, что в одно время с Василием Назаровичем в педтехникуме учи-

лись будущие историки Ф.Г. Сафронов и Г.П. Башарин). Учёба была закончена в марте 1933 г., и Чемезова «как активиста и успевающего» командировали на учёбу в Москву [Автобиография..., 1965, Л. 73 об.]. Окончив курсы по подготовке в ВУЗ в г. Якутске, в ноябре 1933 г. Василий Назарович стал студентом Московского государственного педагогического института (МГПИ).

Историческая наука в стране к тому времени претерпела значительную трансформацию. В соответствии с политикой большевиков по переводу истории на марксистские позиции была практически ликвидирована «старая историческая наука» (историки дореволюционной школы подвергались чисткам, арестам, высылке из страны; был закрыт Институт истории). В исторической науке было ликвидировано инакомыслие и утвердилось новое – марксистское направление [Русская историография..., 2010, с. 284–285, 312–316].

Необходимо здесь напомнить, на каких методологических позициях стояли историки «старой школы»: «Они отстаивали представления о ведущей роли государственности в историческом процессе, ... бесклассовом характере русского исторического развития, приоритете в истории политических, юридических и нравственно-эстетических факторов» [Там же, с. 299–300].

Вызывает интерес, что сами студенты в 1920-х гг. заявляли о нежелании учиться у профессоров немарксистского направления. Так, коммунисты агропедагогического факультета 2-го МГУ (из которого позже, как будет сказано ниже, был выделен МГПИ) в феврале 1923 г., «... обвиняя некоторых профессоров в “несоответствии духу времени” ...», требовали от вышестоящих инстанций “назначать профессоров на педфак только с марксистским мировоззрением”» [Чураков].

В отличие от «старой» исторической школы, новое, марксистское, направление центральной темой поставило историю большевизма; целью её стало оказывать «... всемерную помощь партии и Коминтерну в деле полного построения социализма в СССР и борьбы за мировую пролетарскую революцию» [Тонкин, 1932].

Студенческие годы В.Н. Чемезова (1933–1937) пришлось на период реорганизации вузовского образования в стране. Педагогический институт, куда он поступил, приобрёл статус самостоятельного учебного заведения в 1930 г., когда был выделен из 2-го Московского универ-

ситета. В конце 1931 г. институт получил название Индустриально-педагогический институт имени А.С. Бубнова, наркома просвещения и героя Гражданской войны (репрессированного в 1937 г.). С 1932 г. педагогические вузы перестали делить на аграрные и индустриальные; был установлен единый их тип – педагогический институт [Московскому педагогическому ...]. В составе Московского педагогического института в то время было 13 отделений, в том числе историко-экономическое. В 1934 г. институт претерпел ещё одно преобразование: отделения были упразднены и введены семь факультетов (в том числе исторический). Обучение было рассчитано на четыре года. Главной задачей МГПИ в 1930-х гг. была подготовка учителей-предметников для средних школ: историков, математиков, географов и т.д. Педагогический факультет готовил преподавателей педагогики для педагогических техникумов по педологии, по дошкольной и внешкольной педагогике, преподавателей для вспомогательных школ [Московскому педагогическому ..., История педагогического...].

В автобиографии В.Н. Чемезова нет сведений о педагогах, читавших лекции на факультете истории. Как известно, лучшие педагогические кадры института пострадали от «чисток» 1930-х гг.; уход значительной части ведущих профессоров снизил уровень научной работы в МГПИ [Московскому педагогическому...].

Установлено, что в МГПИ на факультете истории в период учёбы там Василия Назаровича работал учёный «старой» школы Н.П. Грацианский (1886–1945). «Учёный редкой интеллектуальной честности» [Неретина, 1993, с. 177], известнейший исследователь раннего средневековья, профессор Н.П. Грацианский заведовал кафедрой истории средних веков*. В 1935 г. профессор опубликовал свой крупнейший труд «Бургундская деревня в X–XII столетиях», посвященный аграрным отношениям в средневековой Франции. Однако это блестящее исследование, построенное на тщательном изучении редких источников (хроники, бургундские грамоты того времени), было подвергнуто критике за то, что в работе отсутствовали упоминания о трудах классиков марксизма и автор «не уделил должного внимания вопросам классовой борьбы в Бургундии» [Преображенский].

Ярчайшим представителем историков-марксистов, преподававших в МГПИ, являлся А.В. Шестаков (1877–1941), специалист по отечественной аграрной истории конца XIX – начала XX вв. Андрей Васильевич, член партии РСДРП с 1897 г., профессиональный революционер, пришёл в науку довольно поздно, в середине 1920-х гг., после окончания Института красной профессуры (1924). В МГПИ А.В. Шестаков заведовал кафедрой истории СССР (с 1924 по 1939 г.) [Шестаков].

Е.Н. Евсеева, биограф А.В. Шестакова, характеризует учёного так: «Его деятельность неотделима от истории становления советской исторической науки, как совершенно нового, рожденного социалистической революцией общественного и культурно-идеологического явления. Будучи одной из колоритнейших классических фигур первых этапов советской исторической науки, А.В. Шестаков как бы персонифицировал в себе многие ее особенности и типичные черты: откровенно-классовый характер, творческий метод, наступательный стиль, тесную связь с практикой, служение идеалам коммунизма», «... его работы ... [проникнуты] боевитостью, борьбой за утверждение марксистско-ленинской концепции отечественной истории...» [Евсеева, 1984].

В связи с этим заслуживает внимания публикация Андрея Васильевича под названием «Методика исторического исследования. (Из опыта для опытов)», в которой учёный изложил основы новой марксистской исторической науки: «... мы живем в условиях ожесточенной классовой борьбы пролетариата и угнетенных народов Востока с международной буржуазией, ... мы являемся революционерами, строителями социализма в стране, где действует диктатура пролетариата, и т.д. Наша историческая работа, таким образом, приобретает свое значение, лишь будучи обусловлена в той или иной степени разрешением актуальных задач нашей общей борьбы. Таким образом, история есть наука сугубо политическая. ... И невелика будет ценность той исторической работы, которая не учтет этой общей целевой установки нашей современности. В лучшем случае это будет “беззубая” работёнка старьевщика-собирателя фактов, в худшем – работа классового

*По предмету «История средних веков» в зачётной ведомости В.Н. Чемезова стоит «удовлетворительно». См.: Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 18. Д. 46. Л. 10.

врага. Никчемных работ мы имеем, к сожалению, еще немало и в нашем Союзе, что указывает на известный отрыв части историков от современности, их неумение понять задачи сегодняшнего дня. Иногда, и чаще всего, это маскировка того же классового противника» [Шестаков, 1929].

А.В. Шестаков впервые оформил формационный подход в изложении исторического материала в учебнике для 3–4 классов средней школы «Краткий курс Истории СССР» (опубликован в 1937 г.). Учёный возглавил коллектив авторов, которые изложили историю страны, положив в основу периодизации марксистскую теорию о смене формаций (первобытно-общинный строй – рабовладельческий строй – феодальный строй – капиталистический строй – социалистический строй) [Фукс, 2009, с. 107].

Кроме этого А.В. Шестаков, по свидетельству специалистов, был педагогом-новатором, прекрасным знатоком источников и их интерпретатором. Как видится, его революционная биография и дар рассказчика притягивали к нему молодёжь.

Таким образом, в институте Василий Назарович получил, как тогда говорили, крепкую марксистскую выучку, которой в своей научной работе никогда не изменял.

Возвращаясь к биографии учёного, следует сказать, что после вуза он сразу же был направлен в Амгу, где в течение одного учебного года работал в школе директором, а затем был приглашён на работу в Институт языка и культуры при СНК ЯАССР. Напомню, что в годы Великой Отечественной войны институт был временно закрыт, и Василий Назарович вернулся в его стены только в 1946 г. Активную исследовательскую работу он в то время не вел, так как занимал различные руководящие должности (директор по научной работе, и.о. учёного секретаря). В мае 1952 г. он был переведён на должность и.о. старшего научного сотрудника [Автобиография..., 1976. Л. 3 об.] и вплотную стал заниматься изучением темы Гражданской войны.

В этот период (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) над темой активно работали такие специалисты, как А.И. Новгородов (1902–1983), П.У. Петров (1913–1964), первые работы опубликовал Г.Г. Макаров (1917–2004). Профессиональный уровень названных учёных был высоким, все они имели кандидатские степени (А.И. Новгородов защитился непосредственно перед Великой Отечественной войной, Г.Г. Макаров – в 1949 г. [Анто-

нов, 2007, с. 47], П.У. Петров – в 1950 г. [Казарян, 2003]).

Из изданных в 1950–1960-е гг. Василием Назаровичем работ (их около десяти) для анализа взяты три. Опубликованная в 1955 г. в сборнике научных статей, подготовленном учёными ИЯЛИ, статья под названием «Об экономической помощи русского рабочего класса трудящимся Якутии в 1920–1923 гг.» [Чемезов, 1955а] взята для того, чтобы показать, как определённая группа лексик (слова, обозначающие действие) может создавать информационное поле публикации.

За единицу количественной семантики выбраны глаголы и существительные, имеющие прямое или косвенное отношение к проблеме статьи (экономическая помощь русского рабочего класса).

В таблице приведены результаты наблюдений.

<i>Термин</i>	<i>Ч а с т о т а употребления</i>
Помогли	20
Русский рабочий класс	19
Выделили, обеспечили	14
Доставили, отправили, направили	14
Поступило, прибыло, получили	11
Забота, поддержка, выручка	9
Тяжёлая обстановка, разруха	9
Большое внимание	6
Великий русский народ	5
Благодарность	2

Активное применение терминов, обозначающих помощь на фоне разрухи, создает ощущение активного действия, движения, надёжности помогающей стороны. Семантический ряд направлен на выработку у читателя самостоятельной эмоциональной оценки событий.

Следует сказать, что после войны в исторической науке складывается ставшее позже расхожим понятие русского народа как «старшего брата» по отношению к другим народам многонациональной страны. Укореняется тезис о ведущей роли русского народа в историческом процессе. В каждой исторической работе, посвящённой Гражданской войне, имеется указание на то, что создание национальной республики, в частности, и СССР, в общем явилось результатом братской помощи и ведущей роли великого русского народа [Бордюгов, Бухараев, 1999, с. 46].

Из приведённых выше наблюдений над текстом статьи В.Н. Чемезова видно, что автор в меньшей степени пользовался словосочетанием «великий русский народ», почти в 4 раза меньше по сравнению с термином «русский рабочий класс».

Напомню, что активная публикаторская деятельность В.Н. Чемезова пришлась в основном на послесталинское время, когда историческая наука освободилась от пафосного стиля, возвеличивающего деятельность вождя. Однако и более ранние работы учёного (конец 1940-х – начало 1950-х) тяготеют к академическому стилю. Наблюдения над текстами работ учёного показали, что В.Н. Чемезов не пользовался эмоционально-экспрессивным стилем, характерным для исследователей старшего поколения (например, А.И. Новгородова, который активно употреблял язык революционной эпохи). И только те публикации, которые готовились для периодической печати, имеют приметы пропагандистского стиля (например, название статьи, сформулированное как лозунг: «Провал экономической диверсии иностранных хищников на северо-востоке Якутии в 1921–1925 гг.»*)

Другая работа автора посвящена С.Ю. Широких-Полянскому [Чемезов, 1955б]. Чемезов первым из исследователей обратился к личности революционера и героя Гражданской войны. Василий Назарович нарисовал образ нового героя: сухощавая жилистая фигура, одухотворённое лицо, энергичный организатор, прекрасный оратор, чуткий товарищ, обладает удивительным умением убеждать, устранять ошибки и сомнения. Позже, в 1969 г., учёный опубликовал небольшую книгу о жизни и деятельности С.Ю. Широких-Полянского [Чемезов, 1969], значительно расширив статью на основе новых документов и литературы, дополнив её новыми сюжетами.

Сравнение двух работ, опубликованных с разрывом в 11 лет, показало следующее. Как видится, в момент написания статьи (1955 г.) у учёного не было достаточно материала, чтобы представить такие сюжеты, как деятельность С.Ю. Широких-Полянского в Монголии, его агитаторскую деятельность в воинских частях в Якутске (создание клуба, организация и выход газеты). Некоторые сюжеты (например, об устранении от руководства республикой Г.И. Лебедева, А.В.

Агеева, А.Г. Козлова) в середине 1950-х публиковать было ещё невозможно.

Наблюдение над текстами публикаций об С.Ю. Широких-Полянском показало, что автор использует мифологический стиль тогда, когда он не владеет фактами, с целью заполнить лакуны в фактографической базе. Например, об осаде Саруль-Гунь (Монголия) в октябре 1921 г.: «Под руководством своего начальника ... осаждённый гарнизон смело отражал непрерывные атаки противника, переносил все невзгоды: недостаток оружия и боеприпасов, отсутствие медикаментов и перевязочного материала, голод и жажду. Вражеские войска, имевшие почти двенадцатикратное численное превосходство над осаждёнными, были окончательно деморализованы, и, наконец, полностью разгромлены с помощью подоспевшего полка 11-й кавалерийской дивизии 5-й армии и прибывших их Урги частей народно-революционной армии под командой Хатан-Батора» [Чемезов, 1969, с. 22–23].

Работа об Ю. Полянском замечательна ещё и тем, что В.Н. Чемезов показал, какие группы и слои населения представляют собой «злейшего классового врага», и расшифровал состав этих групп:

- феодалы: тойоны и баи,
- национальная буржуазия: купцы и кулаки,
- белогвардейцы: бывшие царские офицеры, чиновники, служители культа и др. [Там же, с. 25].

Третья работа, которая привлекла внимание, это статья, посвящённая истории Якутской партийной организации большевиков [Чемезов, 1964, с. 121–135]. (Тема была плановой научно-исследовательской работой с 1964 г. [Чемезов. Гражданская война..., 1964]). В статье В.Н. Чемезов впервые публично признал участие эсеров в антиколчаковском перевороте в декабре 1919 г. («... коммунисты-подпольщики пошли на создание совместно с эсерами Штаба вооружённого восстания...» [Там же, с. 127–128]). Другие исследователи, несомненно, знали об этом факте. Так, П.У. Петров ещё в 1954 г. писал, что в Реввоенштаб вошли представители эсеров [Петров, 1957, с. 194–195]. А.И. Новгородов в одной из статей указывал, что в декабре 1919 г. левые эсеры заняли предательскую позицию, так как считали, что сначала нужно свергнуть власть Колчака в Иркутске, а потом уже в Якутске. Другого

*Опубликована в 1956 г. в журнале «По ленинскому пути» – органе Якутского горкома ВКП(б).

текста, поясняющего, почему в борьбе большевиков против Колчака вдруг откуда-то взялись эсеры, в статье нет [Новгородов, 1957, с. 38–61].

Замечу, что работа Чемезова была опубликована в 1964 г. Это было время «оттепели», время, когда можно было безбоязненно говорить о некоторых фактах. Следует сказать, что ещё совсем недавно, в 1960 г., П.У. Петров был подвергнут критике за то, что в своей монографии показал, что большевики и меньшевики некоторое время работали вместе против единого врага. Бюро Якутского обкома КПСС обвинило учёного в серьёзных теоретических и методологических ошибках, в замалчивании принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками по коренным вопросам подготовки и проведения Октябрьской революции в Якутии [Об ошибках..., 1960, с. 7–14]. Концепцию Петрова о том, что меньшевики играли положительную роль в период подготовки и проведения Октябрьской революции, якутские большевики признали «... не научной и политически вредной...». Петрову попеняли, что он «... не подверг острой критике соглашательскую политику меньшевиков...» и пр. За допущенные ошибки бюро Якутского горкома КПСС в мае 1960 г. объявило П.У. Петрову выговор с занесением в учётную карточку. Учёный был снят с должности заведующего кафедрой [Казарян, 2003].

Большая работа была проделана Василием Назаровичем при составлении текстов для энциклопедического издания «История Якутской АССР». Для 3-го тома он совместно с Г.Г. Макаровым написал вторую главу – «Гражданская война в Якутии (август 1918 – июнь 1923 гг.)» [Чемезов, 1963, с. 28–77]), а для 2-го тома – три главы в соавторстве с Г.У. Эргисом. Как представляется, его широкое (две главы) участие в таком значимом издании характеризует Чемезова как учёного, сформулировавшего официальную концепцию Гражданской войны в Якутии.

При работе с личным архивом Василия Назаровича меня привлекла объёмная папка отзывов учёного на различные работы, посвящённые Гражданской войне в Якутии, а также на работы (монографии, диссертации, сборники, рефераты аспирантов), обсуждаемые в отделе [Отзывы Чемезова В.Н., 1950–1977]. При просмотре отзывов бросается в глаза манера учёного: сначала он, как правило, хвалит, говорит о неопенимом вкладе автора в историю, а затем приводит свои всегда

дельные замечания. Например, отзыв на лекции доцента Г.Г. Макарова «Образование ЯАССР» от 07.04.1957 [Там же. Л. 55–57]. Чемезов в начале отзыва отметил достоинства работы: «... написана на высоком научно-теоретическом уровне и, безусловно, заслуживает быть немедленно изданной массовым тиражом, желательно на двух языках». Затем высказывает, как сказано в тексте, «несущественные замечания» на двух страницах. Одно из них – об оценке уровня грамотности населения Якутии до революции – и ныне можно использовать как аргумент в дискуссиях. Василий Назарович буквально писал следующее: «Сказать, что Якутия была в 1917 г. страной «сплошной безграмотности» будет неточно, т.к. всё же имелись 2% грамотных, составлявших интеллигенцию, хотя и малочисленную, но влиятельную (подчёркнуто мой. – Т.З.) (состоявшую из коммунистов, трудовой, советской, националистической и их прослоек), о которых далее в разных местах брошюры ведётся немало суждений» [Там же. Л. 55].

Таким образом, Василий Назарович Чемезов, представитель второго поколения якутских историков, был воспитан в традициях утверждавшейся новой советской исторической науки. Все работы якутского исследователя пронизаны искренней верой в правильность всех действий большевиков, историческим оптимизмом.

Литература и источники

Автобиография от 15 февраля 1963 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 18. Д. 46. Л. 72 об. – 73.

Автобиография, составлена 20 января 1976 г. // Там же. Л. 3 об., 5 об.

Антонов Е.П. Профессор Г.Г. Макаров // Якутский архив. – 2007. – № 1. – С. 47.

Отзывы Чемезова В.Н. 1950–1977 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 4. Д. 65. 327 л.

Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. – М., 1999. – С. 46.

Евсеева Е.Н. Научно-педагогическая деятельность Андрея Васильевича Шестакова [Электронный ресурс]: дис. канд. ист. наук. Специальность: 07.00.09 Отечественная история. – М., 1984 // Человек и наука: научная библиотека диссертаций. URL: <http://cheloveknauka.com/nauchno-pedagogicheskaya-deyatelnost-andreya>

vasilievicha-shestakova (дата обращения: 20.05.2015).

История педагогического факультета: 1920-е и 1930-е годы [Электронный ресурс] // Факультет педагогики и психологии МПГУ : Сайт (2000–2015). URL: <http://fpp-mpsu.ru/index.php?id=158&name=detail&op=view> (дата обращения: 08.04.2015).

Казарян П.Л. 90 лет со дня рождения П.У. Петрова, историка // Якутия-2003: Календарь знаменательных и памятных дат. – Якутск, 2003.

Кузнецов И.С. Школы крестьянской молодежи (ШКМ) и фабрично-заводские семилетки (ФЗС) [Электронный ресурс] // Библиотека сиби́рского краеведения: Сайт. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/shkoly-krestyanskoj-molodezhi-shkm-i-fabrichno-zavodskie-semil> (дата обращения: 17.04.2015).

Малышев Н.Н. Из истории пионерского движения Якутии [Электронный ресурс] // Юный учёный: Журнал. – 2015. – № 1. URL: <http://yun.moluch.ru/archive/1/31/> (дата обращения: 17.04.2015).

Московскому педагогическому государственному университету — 130 лет [Электронный ресурс] // Развитие личности: Сайт. URL: <http://rl-online.ru/articles/4-02/215.html> (дата обращения: 13.04.2015).

Неретина С. Парадигмы исторического сознания в России начала века // Философские исследования. – М., 1993. – № 3. – С. 177.

Новгородов А.И. Разгром контрреволюции в Якутии (1918–1919 гг.) // Очерки по истории Якутии советского периода. 5. – Якутск, 1957. – С. 38–61.

Об ошибках в освещении истории областной парторганизации // По ленинскому пути. – Якутск, 1960. – № 6. – С. 7–14.

Петров П.У. Установление Советской власти в Якутии. – Якутск, 1957. – С. 194–195.

Преображенский В. Н.П. Грацианский «Бургундская деревня в X–XII столетиях» [Электронный ресурс] // Исторический журнал. – 1937. – № 1. – С. 139. URL: http://annals.xlegio.ru/sbo/ist_zhur.htm (дата обращения: 10.05.2015).

Русская историография XI – начала XXI века: учеб. пособие. – М., 2010. – С. 284–285, 312–316.

Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). – Якутск: Бичик, 2007. – С. 32.

Санникова Я.М. Традиционный образ жизни сельского населения Якутии в XX веке // Наука и

техника в Якутии. – 2010. – № 1 (22). – С. 49.

Тонкин И. Борьба классов [Электронный ресурс] // Октябрь. – 1932. – № 9–10. – С. 38–69 // LIBRARY.UA (2014-2015): Цифровая библиотека Украины : Сайт. URL: <http://library.ua/m/articles/view/> О большевистской партийности исторической науки (дата обращения: 28.04.2015).

Фукс А.Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А.В. Шестакова // Вестник МГОУ. Сер. «История и политические науки». – № 2. – М., 2009. – С. 104–114.

Характеристика на мл.н.с. сектора истории ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Чемезова от 19 февраля 1963 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 18. Д. 46. Л. 24.

Чемезов В.Н. Гражданская война в Якутии 1918–1923 гг. Программа исследования и авторская рукопись первых двух глав. 1964 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 29. Д. 14.

Чемезов В.Н. Из истории земельной реформы 1929 года в Якутии // Доклады на II научной сессии Якутского филиала Академии наук СССР. – Якутск, 1951.

Чемезов В.Н. Из истории Якутской организации коммунистов-большевиков после её выхода из антиколчаковского подполья (15 декабря 1919 г. – 6 июня 1920 г.) // Доклады на XIV научной сессии Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР: Язык, литература, история. – Якутск, 1964. – С. 121–135.

Чемезов В.Н. Об экономической помощи русского рабочего класса трудящимся Якутии в 1920–1923 годах // Сборник статей по истории Якутии советского периода. – Вып. 1. – Якутск, 1955а. – С. 44–55.

Чемезов В.Н. Сергей Юльевич Широких-Полянский // Учёные записки Института языка, литературы и истории. – Вып. 2. – Якутск, 1955б. – С. 45–60.

Чемезов В.Н. Пламенный большевик. (О жизни и деятельности С.Ю. Широких-Полянского). – Якутск, 1969. – 78 с.

Чемезов В.Н., Макаров Г.Г. Гражданская война в Якутии (август 1918 – июнь 1923 гг.): Гл. 2-я // История Якутской АССР: в 3 т. – Т. 3. – М., 1963. – С. 28–77.

Чураков Д.О. У истоков новой педагогики [Электронный ресурс]: создание и деятельность 2-го МГУ в 1917–1930 гг. // Слово: Образовательный портал : История : История России : СССР. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35412>.

php?ELEMENT_ID=35412&element_id=35412&pagen_2=5&PAGEN_1=3 (дата обращения: 05.05.2015).

Шестаков А.В. Методика исторического исследования: (Из опыта для опытов) [Электронный ресурс]. – Воронеж: Коммуна, 1929. – 32 с. (Истпарт Обкома ВКП(б) и Архивное бюро УЧО // Открытый текст (2004-2015): Электронное периодическое издание : Сайт. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/?id=2617> (дата обращения: 20.05.2015).

Шестаков Александр Васильевич [Электронный ресурс]. Биографическая справка // Информационная система «Архивы Российской академии наук»: Сайт (2015). URL:<http://www.isaran.ru/?guid=D44B9104-1B05-D69D-FBE4-788A4594B9F8&q=ru/person> (дата обращения: 21.04.2015).

T.V. Zakharova

The historian of the Civil War in Yakutia V.N. Chemezov (1915-1979)

The article discusses some aspects of the scientific work of the historian of the Civil War in Yakutia V.N. Chemezov. Revealed methodological foundations on which formed the scientific outlook of the scientist. It is the lexical analysis of some of the works of Vasily Nazarovich.

Keywords: V.N. Chemezov, the civil war in Yakutia, the history of science.

ЮБИЛЯРЫ

Егор Иннокентьевич Оконешников

(к 85-летию со дня рождения)

Доктор филологических наук, заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР, отличник народного просвещения РСФСР (1962), лауреат премии имени первого лингвиста-ученого, выдающегося просветителя С.А. Новгородова

Егор Иннокентьевич Оконешников родился 1 сентября 1930 г. в Курбусахском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР в семье колхозников. Его детство прошло в годы огромных преобразований в жизни республики и тяжелых испытаний советского народа в Великой Отечественной войне. Из-за материальной необеспеченности он прервал в 1943 г. учебу в школе и в течение двух лет работал в колхозе. В 1950 г. после окончания Мюрюнской средней школы Егор Иннокентьевич поступил в Якутский государственный педагогический институт.

После успешного окончания учебы Е.И. Оконешников в 1954–1964 гг. работал учителем якутского и русского языков, завучем средней школы, школьным инспектором Усть-Алданского районного отдела народного образования, секретарем Якутского обкома профсоюза работников народного просвещения, высшей школы и научных учреждений.

В 1965 г. он поступил на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР на должность младшего научного сотрудника, затем – старшего научного сотрудника. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию

по теме «Э.К. Пекарский как лексикограф». В 1984–1991 гг. – заместитель директора по науке ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, с 1992 г. – старший научный сотрудник отдела терминологии и современных языковых проблем. В 2005 г. Е.И. Оконешников успешно защищает докторскую диссертацию по теме «Лингвистические аспекты терминологии якутского языка». С 2006 г. – ведущий научный сотрудник отдела толкового словаря, с 2009 г. – старший научный сотрудник сектора лексикологии ИГиПМНС СО РАН. Имеет научное звание старшего научного сотрудника по специальности «Тюркские языки».

Область научных исследований Е.И. Оконешникова – лексикология, лексикография, терминология и терминография якутского языка. Он является автором более 70 печатных работ, в том числе монографий: «Э.К. Пекарский как лексикограф» (Новосибирск, 1982), «Лингвистические аспекты терминологии языка саха» (Якутск, 2004), «Якутский феномен Эдуарда Карловича Пекарского» (Якутск, 2008); словарей: «Русско-якутский словарь общественно-политических терминов» (Якутск, 1989), «Русско-саха общественно-политический словарь» (Якутск 1998). Он один из составителей «Якутско-русского словаря» (М.: Сов. энцикл., 1972), второго и седьмого томов «Большого толкового словаря якутского языка» (Новосибирск, 2004, 2010). Е.И. Оконешников – автор ряда научных статей, среди них: «О первом академическом выпуске “Словаря” Э.К. Пекарского» (Якутск, 1970), «Почетный академик, член Польского Востоковедческого общества Э.К. Пекарский – создатель “Словаря якутского языка”» (на польском языке) (Лодзь, 2001), «К вопросу об оптимизации спецсловарей языка саха» (Тамбов, 2014), «Интерпретационный тип

спецсловарей языка саха» (Якутск, 2014), «Типологические особенности “Словаря якутского языка” Э.К. Пекарского» (Стерлитамак, 2014).

Е.И. Оконешников – основатель якутской терминографии. Его монография «Лингвистические аспекты терминологии языка саха» представляет собой первое научное исследование, посвященное лингвистическим аспектам развивающейся терминологии якутского языка. На основе большого фактического материала, зафиксированного в общепилологических и терминологических словарях, рассматриваются лексико-семантические, морфемно-аффиксальные, аналитико-синтаксические и лексико-грамматические способы терминообразования.

Е.И. Оконешников активно участвует в международных, всероссийских и республиканских научных конференциях, симпозиумах, мероприятиях Министерства культуры Республики Саха (Якутия), проведенных, в частности, в городах Москва, Санкт-Петербург. Постоянно сотрудничает с СВФУ им. М.К. Аммосова, так он читал курс лекций по стилистике якутского языка.

В настоящее время Е.И. Оконешников продолжает активно заниматься научной работой. В этот юбилейный год Егор Иннокентьевич как руководитель научно-исследовательского проек-

та выиграл грант РГНФ №15-34-01026 «Функционирование якутской терминологической лексики в учебно-научных текстах (терминографический аспект)». У него много интересных творческих замыслов, его богатый жизненный опыт и мудрые советы помогают становлению молодых ученых-якутоведов.

Егор Иннокентьевич – любящий отец взрослых сыновей и дочери, мудрый дедушка, он и сейчас полон молодого задора, живо интересуется всеми событиями культурной и общественной жизни республики, страны.

Многолетний плодотворный труд Е.И. Оконешникова отмечен многими заслуженными наградами: медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» знаком «Отличник народного просвещения РСФСР» (1962), почётной грамотой Главы РС(Я) (2015). Имеет звание «Заслуженный ветеран СО РАН» (2009).

От всей души желаем Егору Иннокентьевичу доброго здоровья на долгие годы, творческой жизни, заботы и внимания окружающих и близких, благополучия во всём.

Ф.Н. Дьячковский

С.Е. Никитина

Василий Николаевич Иванов

(к 80-летию со дня рождения)

ного деятеля науки Якутской АССР, действительного члена Российской академии естественных наук, Академии наук Республики

Научная деятельность Василия Николаевича Иванова, одного из ведущих российских ученых, директора Института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, заслуженного деятеля науки РФ, заслужен-

Саха (Якутия), Академии духовности Республики Саха (Якутия), заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, доктора исторических наук, профессора, выдающегося общественного деятеля республики, претворяясь в монографиях, исследовательских проектах, научно-практических конференциях, знаменует определенные вехи свершений якутской исторической науки.

Василий Николаевич Иванов родился в И Жарханском наслеге Ленинского района (ныне Нюрбинского улуса) ЯАССР в семье крестьянина. В 1957 г. окончил Московский государственный историко-архивный институт по специальности «Отечественная история, историография и источниковедение, археография». Трудовую биографию Василий Николаевич Иванов начал в ар-

© С.Е. Никитина, 2015

живных учреждениях Якутии, в 1961 г. перешел работать преподавателем в Якутский государственный университет. В.Н. Иванов преподавал основы археологии, историю первобытного общества, основы этнографии и этногенеза народов СССР (досоветский период), вел спецкурсы по различным проблемам истории и историографии Якутии. Широкий спектр исторических дисциплин, глубокая заинтересованность в активном восприятии студентами учебного материала, высокая требовательность к себе обусловили глубокое погружение молодого преподавателя в материал, в первую очередь, исследовательских монографий ведущих ученых и первоисточников. Эрудиция историка, его гражданская позиция, умение увлекательно и ярко подавать и обобщать исторический материал, научный подход, основанный на архивных источниках, привлекали студентов в его лекциях, вспоминает один из его слушателей [Горохов, 2005, с. 208–210]. Это было время, когда происходило формирование исторических кадров и становление основных направлений исследований истории Якутии. После успешного окончания аспирантуры при Якутском госуниверситете в 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические отношения у якутов. XVII в.», подготовив ее на обширной архивной базе, опередив современные взгляды на исследование социального дискурса в историческом процессе.

В 1969 г. Василий Николаевич перешел в Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР (ныне – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) на должность старшего научного сотрудника. В 1983 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Историческая мысль в России XVIII – середины XIX в. о народах Северо-Востока Азии». В.Н. Иванов, один из ведущих специалистов в области истории и историографии Северо-Востока Азии, является автором более 140 научных трудов, в том числе 10 монографий. Исследования В.Н. Иванова определены его научными интересами, разработаны в фундаментальных монографиях. Так, он изучал проблемы истории народов Северо-Востока Азии («Социально-экономические отношения у якутов. XVII век» (Якутск, 1966), «Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства» (Новосибирск, 1999)); вопросы историографии истории

Сибири («Русские ученые о народах Северо-Востока Азии» (XVII – нач. XX вв.) (Якутск, 1978), «Народы Сибири в трудах Ф.Я. Кона» (Новосибирск, 1985), «Историческая мысль в России XVIII – сер. XIX вв. о народах Северо-Востока Азии» (М., 1989)); национальные отношения и этносоциальные процессы в регионе («Пересечение исторических судеб: народы, люди» (Якутск, 1995), «Северо-Восток Азии в контексте российской истории» (Якутск, 2005)). В.Н. Иванов ведет большую научно-редакторскую работу (свыше 100 наименований монографий, сборников научных статей и документов), является соавтором ряда коллективных трудов, в том числе «Истории крестьянства Сибири» (Т. I: «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (Новосибирск, 1982)).

В настоящее время В.Н. Иванов разрабатывает тему культурного наследия Олонхо, в свет вышла его книга «Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре» (Якутск, 2014). Человеческое измерение истории прослеживается в его предисловии «Письмо “Якутской интеллигенции А.Е. Кулаковского”» к книге «Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции» (М., 2002, с. 7–42) и «Афанасий Аржаков: «Сии размышления многие годы занимали душу мою» (Якутск, 2015), где выдвинута идея раскрытия действий отдельного человека со всеми его личностными качествами в контексте исторических закономерностей в развитии региона, универсалий российской и мировой истории. Возрастающий интерес к вопросам гуманизма, этики и морали, продиктованный стремлением формирования гуманистических идей в патриотическом воспитании молодежи стал основой заложенной В.Н. Ивановым республиканской серии «Города и улусы Республики Саха (Якутия): история, культура, фольклор». В период его руководства главной редакционной коллегией этого серийного издания вышли более 25 книг по локальной социальной истории из 29 опубликованных в настоящее время. Преодолевать равнодушие, формировать постоянную нацеленность на поиски нового в воспитании гражданских и нравственных черт, особенно у молодежи, выдвигать новые темы и предлагать пути их решения – основная позиция Василия Николаевича Иванова как ученого и гражданина.

В 1984–2008 гг. В.Н. Иванов возглавлял Институт гуманитарных исследований АН РС(Я). За период его руководства институт вышел на ка-

чественно новый уровень развития по всем параметрам деятельности. Главной заслугой руководителя стали существенное оздоровление морально-психологического климата в коллективе; создание творческого рабочего настроения; сплочение опыта старшего поколения ученых и энергии и инициативы молодой плеяды сотрудников. С 1994 по 2000 г. – он вице-президент Академии наук РС(Я). В настоящее время В.Н. Иванов является директором Института Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова.

Руководство Василия Николаевича Иванова ведущим научным учреждением гуманитарных исследований Якутии пришлось на эпоху крупных перемен не только в развитии страны, но и в устоявшихся отечественных представлениях и научных концепциях исторического процесса России. В трудные годы экономической нестабильности ему удалось сохранить и приумножить научные кадры института. Руководство института выдвинуло целый ряд новых научных проблем и направлений, которые определили деятельность его научных подразделений: были достигнуты новые результаты в разработке проблем государственного строительства в РС(Я); расширены исследовательские направления в изучении истории и культуры народов циркумполярной зоны; впервые обобщена история научного, транспортного и промышленного освоения Арктики, Северного морского пути, эволюции арктической политики России. При институте действовали два диссертационных совета по защите докторских диссертаций.

В институте активно велись традиционные исследования языка и фольклора, была издана академическая «Грамматика современного якутского литературного языка» в двух томах, начато издание двуязычного «Большого академического толкового словаря якутского языка», не имеющего аналогов среди тюркоязычных словарей подобного типа. Исследования фольклора получили мировое признание, войдя в академический проект издательской серии из 60 томов «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», удостоенной Государственной премии РФ в области науки и техники; якутский героический эпос Олонхо был провозглашен ЮНЕСКО Шедевром мирового культурного наследия человечества. При В.Н. Иванове закладывались основы длительного международного научного сотрудничества: саха-японский научный проект

«Изучение культуры северных скотоводов Восточной Азии» и совместный с университетами и Институтом истории Польской академии наук проект «Якутия и Польша: историко-культурные контакты». За большой личный вклад в установление саха-польских научных контактов Василий Николаевич награжден Золотой медалью Варшавского университета. Во многом благодаря усилиям директора В.Н. Иванова была существенно укреплена материальная база института, построено отдельное здание, которое с надворными постройками – урасой и балаганом – представляет единый этнокультурный ансамбль. В становлении ИГИ как признанного крупнейшего научно-исследовательского учреждения на Северо-Востоке России несомненна заслуга его директора – Василия Николаевича Иванова,

Под его руководством произошли существенные качественные изменения в подготовке кадров. Благодарными учениками отмечается высокий организаторский и научный опыт, которым Василий Николаевич успешно делится с молодыми специалистами. Можно с уверенностью говорить о научной школе доктора исторических наук, профессора В.Н. Иванова. Среди его учеников три доктора и 12 кандидатов наук, которые успешно решают на российском и мировом уровне многие фундаментальные задачи по широкому спектру гуманитарных наук.

Научный и административный труд Василия Николаевича Иванова дополнен активной общественной деятельностью в качестве Председателя Общественной палаты РС(Я). Как крупный ученый, В.Н. Иванов представляет гуманитарную науку республики во многих научных советах: является членом научных советов «Историография и источниковедение» Отделения истории РАН, «История Сибири» СО РАН, Объединенного ученого совета по историческим, филологическим и философским наукам СО РАН, президиумов АН РС(Я) и Якутского научного центра СО РАН, с 1989 г. – председатель регионального диссертационного совета по защите докторских диссертаций по специальности «Отечественная история». С 1992 г. В.Н. Иванов работает в Комиссии по Государственным наградам при Президенте РС(Я), является председателем Комиссии по Государственной премии РС(Я) им. П.А. Ойунского, членом Ассамблеи народов Якутии, председателем Координационного совета Конгресса народа саха, вице-президентом общества «Знание».

Труды и научно-организационная деятельность, многолетний опыт, высокий авторитет профессора В.Н. Иванова известны и признаны в российском и международном научном сообществе. Неоценимой заслугой В.Н. Иванова перед своим народом является его многолетняя благородная деятельность в деле защиты богатого культурного наследия Якутии, реабилитации выдающихся представителей национальной интеллигенции, в разработке научных основ государственности и конституционного развития Республики Саха (Якутия).

Научная и общественная деятельность Василия Николаевича Иванова по достоинству оценена: он является лауреатом Государственных пре-

мий РС(Я) им. П.А. Ойунского и А.Е. Кулаковского; награжден орденом Дружбы, знаком отличия «370 лет Якутия с Россией», знаком отличия в честь Дня Республики Саха (Якутия) «Гражданская доблесть» и многими другими.

Присоединяясь ко всем многочисленным поздравлениям, желаем дорогому Василию Николаевичу новых творческих достижений, радости научных открытий!

Литература

Горохов С.Н. Секреты лекторского мастерства профессора В.Н. Иванова // Якутия: этнополитическое и социокультурное измерение истории. – Якутск, 2005.

Л.И. Винокурова

Данара Антоновна Ширина (к 80-летию со дня рождения)

Представитель академической школы отечественной исторической науки, Данара Антоновна Ширина начала свою научную деятельность в 1960 г. в Институте истории СССР, куда пришла как яркая, подающая надежды выпускница исто-

рического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Еще студенткой она проявила способности к исследовательскому труду. В институте с 1960 по 1974 г. она входила в группу ученых, работавших над изданием первых трех томов «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Продолжала университетские исследования по историографии средневековых городов, что через несколько лет завершилось подготовкой кандидатской диссертации. В 1978 г. Данара Антоновна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба

идейных направлений в отечественной историографии истории русского средневекового города (вторая половина XIX – первая треть XX вв.)». Молодая ученая, опираясь на анализ отечественной и западноевропейской обществоведческой литературы, раскрыла сложный процесс изменения представлений о феодализме как этапе, включающем развитие товарно-денежных отношений. Диссертационная работа получила высокую оценку специалистов, отметивших, среди прочего, следующие достоинства: во-первых, профессиональный подход диссертанта к важным методологическим вопросам; во-вторых, умение Д.А. Шириной преодолевать сложившиеся научные стереотипы, прежде всего, «узкопрофильное замыкание» в единственном направлении. Она показала ценнейшее качество ученого – стремление посмотреть на факты и явления с разных сторон, востребовать методы и инструментарий иных дисциплин, приоткрывать границы существующего знания и пробуждать новые идеи.

Уже состоявшимся ученым в 1974 г. Данара Антоновна перевелась в Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, чтобы навсегда связать свою жизнь с северным

краем. С этой поры определился важнейший тренд ее интересов – изучение деятельности Академии наук на северо-восточных территориях России. Так пространством ее научных поисков стали Север и Арктика.

Здесь раскрылся творческий потенциал Д.А. Шириной, создавшей цикл работ, получивших высокую оценку научного сообщества. Публикуются десятки статей, друг за другом в издательстве «Наука» выходят «Летопись экспедиций Академии наук на Северо-Востоке Азии в дореволюционный период», «Экспедиционная деятельность Академии наук на Северо-Востоке Азии. 1861–1917 гг.», «Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг.». Эти работы отличает приверженность лучшим академическим традициям: глубина и комплексность научного подхода, высокая исследовательская культура. Поэтому они представляют вневременной академический фундамент для всех интересующихся процессами длительного научного изучения Арктики и Севера.

Скрупулёзное выявление разнообразных источников в трудах Данары Антоновны сочетается с умением подвергнуть их тщательному анализу и сопоставлению на историческом фоне развития отечественной и мировой науки изучаемого времени. Именно этот дар помогает ей воссоздавать достоверность ушедших столетий, в которых был накоплен бесценный багаж интеллектуального освоения северо-восточных окраин Отечества. Переводы документов с немецкого, французского и английского языков, компаративный анализ естественно-научных и историко-этнографических наблюдений разных школ и поколений ученых позволили Д.А. Шириной создать цельное представление о научном изучении ареала на протяжении XVIII–XXI вв. В ходе фундаментальных исследований ей удавалось не раз преподносить современникам культурно значимые научные находки, например, найти публикацию первого оригинального памятника якутской письменности – «Воспоминаний» А.Я. Уваровского (1861 г.), изданных в Париже.

Данару Антоновну отличают исключительное трудолюбие, одухотворённое понимание ценности вдумчивого труда. Фрагментом, отражающим подлинный профессионализм, выглядит ее работа по изучению инструкций Академии наук, разрабатываемых в свое время для каждой экспедиции. Разбросанные по архивам, эти документы представляют собой сухие перечни рутин-

ных заданий, написанных от руки(!) канцеляризмами ушедших веков или готическим шрифтом на старонемецком языке. Их расшифровка и анализ стали неожиданным подарком для российского источниковедения XVIII–XIX вв., обогатив существовавшие представления о возможностях письменных источников данной эпохи.

В 1995 г. Д.А. Ширина защитила докторскую диссертацию по теме «Роль Академии наук в изучении Северо-Востока России XVIII – начала XX вв.». На заседании Совета публично было признано, что подобные трудоёмкие и сложные исследования историками предпринимаются не часто. Уровень и качество диссертации вдохновили на принципиальную дискуссию о проблемах освещения истории отечественной науки, что свидетельствует о высокой актуальности многолетнего труда Данары Антоновны. Критически важные вопросы о месте и роли науки в процессах развития общества и цивилизации поднимаются во многих ее работах.

Академические изыскания Д.А. Шириной обладают высокой социальной и практической ценностью, отвечающей непреходящим интересам страны. Так, одна из жемчужин ее научного портфеля, монография «Россия: научные исследования Арктики. XVIII в. – 1917 г.», появилась в исторический момент обращения новой России к своим арктическим территориям. Как исследователь, Д.А. Ширина оказалась на своем месте и в свое время в эпоху глобального переосмысления роли и места мировой Арктики в мировой истории и экономике.

В секторе арктических исследований института она является главным научным сотрудником, создавшим и обеспечивающим самостоятельное направление о научном изучении Арктики и Севера. Круг ее интересов остается чрезвычайно широким: особенности жизнедеятельности арктических народов и их роль в цивилизации; формирование научных представлений о полярной культуре; значение для развития отечественной и мировой науки XVIII–XX вв. деятельности отдельных научных экспедиций и личностей. География ее исследований охватывает разные регионы и этнокультурные зоны мировой Арктики, с равным интересом и уважением она обращается к представителям крупных или малочисленных этносов, к вопросам высокой научной ценности или локального прикладного интереса.

Автор многочисленных трудов, опубликованных в России и за рубежом, Д.А. Ширина

успешно сотрудничает в коллективных работах, в частности, является соавтором изданий «Encyclopedia of the Arctic», «Историко-культурный атлас Якутии», «Историческая энциклопедия Сибири». В ее авторском багаже также участие в международной программе INSROP, в программах по исследованиям истории и культуры народов Республики Саха (Якутия), в поддержанных РГНФ и РФФИ инициативных проектах. В 1999–2003 гг. она работала в составе ученого совета института,

Много внимания и сил Данара Антоновна уделяет коллегам, оказывая научно-консультационную помощь. Под ее личным руководством были защищены диссертации по истории библиотек, духовной консистории, авиации Якутии, о работе Второй Камчатской экспедиции, о деятельности М.К. Аммосова. Она является ответственным редактором академических монографий В.Н. Иванова, И.И. Юргановой, Т.В. Захаровой, Л.Е. Винокуровой, А.А. Сулейманова. В своей скромной манере, оставаясь почти незаметной, Данара Антоновна оказывает постоянную поддержку молодым начинающим исследователям. Бессменный член комиссий по вступительным экзаменам в аспирантуру и сдаче кандидатских минимумов, она с 1989 г. работала учёным секретарём совета по защите кандидатских диссертаций; с 2003 г. – зампредседателя регионального совета по защите докторских диссертаций по специальности «Отечественная история». Благодаря ее успешной работе как научного организатора и координатора, десятки успешных сегодня специалистов считают ее своей «крестной мамой», благословившей на научный труд.

В насыщенной научной жизни, полной ежедневного кропотливого труда, Данара Антоновна находит время для просветительской и общественной работы. Ряд лет читала лекции для студентов вузов Якутии по специальности, была экспертом программы «Шаг в будущее», председателем ГАК на историческом факультете СВФУ. Разработала концепцию создания Музея истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина, является членом редколлегий журналов «Якутский архив» и «Наука и техника в Якутии». Была членом Совета по геральдике при Президенте РС(Я). Как ученый и гражданин, Данара Антоновна выступает в качестве эксперта разных общественно-политических и культурных инициатив, всегда оставаясь в ритме современных событий.

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), заслуженный ветеран СО РАН, обладатель знака отличия «Гражданская доблесть», Данара Антоновна Ширина отмечена многими почетными грамотами и благодарностями научных и общественных структур, окружена бесспорным признанием и искренним уважением в профессиональной среде и в окружающем сообществе. Текущий ее исследовательский проект, как всегда, остро актуален и обращен в наше общее будущее. Продолжая изучать историю Академии наук времен глобальных вызовов и трансформаций, она энергично и плодотворно трудится, создавая базу под продуманное стратегическое освоение северных и арктических территорий Отечества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверина Юлия Николаевна – лаборант Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, averina_yuliya@inbox.ru

Артыкбаев Жамбыл Омарович – докт. ист. наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Республика Казахстан), socantropology@mail.ru

Бахтикиреева Улданай Максutowна – докт. филол. наук, профессор РУДН, uldanai@mail.ru

Боргоякова Тамара Герасимовна – докт. филол. наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, taborg@khsu.ru

Борисов Юрий Петрович – архивариус НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова, olonhoman@mail.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – докт. ист. наук, в.н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, n_burnashova@mail.ru

Васильев Валерий Егорович – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, valera_305@mail.ru

Васильева Римма Иннокентьевна – канд. филол. н., н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, rimin62@inbox.ru

Винокуров Александр Данилович – лаборант сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, ad.vinokurov@gmail.com

Винокурова Лилия Иннокентьевна – канд. ист. наук, в.н.с. сектора арктических исследований ИГИИПМНС СО РАН, lilivin@mail.ru

Григорьев Степан Алексеевич – канд. ист. наук, н.с. сектора арктических исследований ИГИИПМНС СО РАН, DeTample@yandex.ru

Дьячковский Федор Николаевич – канд. филол. наук, завсектором лексикологии ИГИИПМНС СО РАН, fedjatschkov0801@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Захарова Тамара Викторовна – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, ztv2001@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна – канд. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, haar-haar@mail.ru

Илларионов Василий Васильевич – докт. филол. наук, проф., завкафедрой фольклора и культуры ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г.н.с. сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, illarionov_v_v@mail.ru

Константинова Татьяна Николаевна – м.н.с. сектора этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, kotango@yandex.ru

Кулаковская Людмила Реасовна – канд. филол. наук, директор Института А.Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова, lr.kulakovskaia@s-vfu.ru

Муйтуева Ирина Николаевна – канд. пед. наук, н.с. научно-исследовательской лаборатории БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», iramuitueva@mail.ru

Никитина Саргылана Егоровна – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, sarg_nik.ykt@mail.ru

Николаев Егор Револьевич – аспирант ИГИИПМНС СО РАН, 1953307@mail.ru

Охлопков Василий Егорович – докт. социол. наук, с.н.с. сектора этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, suottu@gmail.com

Романова Екатерина Назаровна – докт. ист. наук, завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, e_romanova@mail.ru

Слепцов Петр Алексеевич – докт. филол. наук, проф., г.н.с. сектора лексикографии ИГИИПМНС СО РАН, petr.slepsov@mail.ru

Сосин Платон Васильевич – заслуженный ветеран СО РАН, sosin_pv@mail.ru

Уииницкий Василий Васильевич – канд. ист. наук, н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, boma@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Averina Yulia Nikolaevna – laboratory assistant, Institute of complex analysis of regional problems, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences, averina_euliya@inbox.ru

Artykbaev Zhambel Omarovich – Ph.D. in History, D.Sc., Professor, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana (Republic of Kazakhstan), socantropology@mail.ru

Bakhtikireeva Uldanay Maksutovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Russian University of friendship of peoples, uldanai@mail.ru

Borgoyakova Tamara Gerasimovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Director of Institute of Humanities and Sayan-Altay Turkology of the Khakass State University named after N.F. Katanov, taborg@khsu.ru

Borisov Yuriy Petrovich – archivist Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, olonhoman@mail.ru

Burnasheva Nataliya Ivanovna – Ph.D. in History, Leading Researcher, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, n_burnashova@mail.ru

Vasiliev Valery Egorovich – Ph.D. in History, Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera_305@mail.ru

Vasileva Rimma Innokentevna – Ph.D. in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, rimin62@inbox.ru

Vinokurov Alexandr Danilovich – Assistance Researcher, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ad.vinokurov@gmail.com

Vinokurov Liliya Innokentyevna – Ph.D. in History, Leading Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, lilivin@mail.ru

Grigoriev Stepan Alekseevich – Ph.D. in History, Research Fellow, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch,

Dyachkovsky Fedor Nikolaevich – Ph.D. in Philology, Head of Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, fedjatschxov0801@mail.ru

Zhukova Ludmila Nikolaevna – Ph.D. in History, Senior Researcher, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, zhukova@mail.ru

Zakharova Tamara Viktorovna – Ph.D. in History, Research Fellow, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, zvtv2001@mail.ru

Ivanova Nina Innokentevna – Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, haar-haar@mail.ru

Illarionov Vasily Vasilevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Professor, Head of the Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of Peoples of the North-East, NEFU named after M.K. Ammosov, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, illarionov_v_v@mail.ru

Konstantinova Tatyana Nikolaevna – Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ko-tango@yandex.ru

Kulakovskaya Lyudmila Reasovna – Ph.D. in Philology, Director of the Institute of A. E. Kulakovsky, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, lr.kulakovskaia@s-vfu.ru

Muytueva Irina Nikolaevna – Ph.D. in Pedagogy, Research Fellow, scientific research laboratory, Budgetary Scientific Institution of the Altaic Republic “research Institute of Altaic studies named after S.S. Surazakova”, iramuitueva@mail.ru

Nikitin Sargylana Egorovna – Ph.D. in History, Research Fellow, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarg_nik.ykt@mail.ru

Nikolaev Egor Revolevich – Post Graduate Student, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, 1953307@mail.ru

Ohlopkov Vasily Egorovich – Ph.D. in Sociology, D.Sc., Senior Researcher, Ethnosocioal Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, suottu@gmail.com

Romanova Ekaterina Nazarovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Head of Ethnography of the People of the North East of Russia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, e_romanova@mail.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – Professor, Ph.D. in Philology, D.Sc., Study Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dimamon92@mail.ru

Sosin Platon Vasilevich – honoured veteran of Russian Academy of Science, Siberian Branch.

Ushnitsky Vasily Vasilyevich – Ph.D. in History, Research Fellow, Ethnography of the People of the North East of Russia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, boma@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписуточные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках **на название работы или на фамилию автора и год издания** с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно **указать УДК**.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-50537
от 06 июля 2012 г.

Адрес редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редколлегии: igi@ysn.ru

Подписано в печать 07.10.2015.
Формат 60х90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,5. Уч.-изд. л. 14,47. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69
